

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

Т. В. Леонтьева

**ЛЕКСИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ**

Монография

Научный редактор доктор филологических наук Е. Л. Березович

Екатеринбург
РГПУ
2013

УДК 808.2-087
ББК Ш141.12-025.7
Л 47

Леонтьева, Т. В.

Л 47 Лексика социальной регуляции в русских народных говорах: монография / Т. В. Леонтьева; науч. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 219 с.
ISBN 978-5-8050-0515-3

В монографии осуществлена этнолингвистическая интерпретация лексики русских народных говоров, выражающей идею социорегуляции. Основное внимание уделяется семантике и мотивации языковых единиц.

Предназначена для специалистов по этнолингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, когнитивной лингвистике, для студентов, обучающихся по специальностям гуманитарного профиля (лингвистика, социология, философия, история), а также для всех, кому интересна традиционная народная культура.

УДК 808.2-087
ББК Ш141.12-025.7

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор М. Э. Рут (ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»); доктор педагогических наук, профессор А. А. Евтюгина (ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0515-3

© ФГАОУ ВПО «Российский
государственный профессионально-
педагогический университет», 2013
© Леонтьева Т. В., 2013

Оглавление

Предисловие.....	5
Список сокращений.....	20
Раздел I. Социальность как характеристика личности: этнолингвистический аспект.....	25
Глава 1. Семантическая структура лексического поля «Общительность» в русских народных говорах	26
1.1. Семемы лексико-семантического поля «Общительность» и их номинативное воплощение	28
1.2. Контекстный анализ лексики поля «Общительность».....	36
Глава 2. Мотивационная структура лексического поля «Общительность» в русских народных говорах	43
2.1. Антропологический код.....	43
2.2. Мифологический код	54
2.3. Пространственно-динамический код	62
2.4. Речевой код	73
2.5. Зоологический код.....	81
2.6. Зрительный код.....	83
2.7. Предметно-материальный код	84
Раздел II. Общественное мнение как механизм социальной регуляции: этнолингвистический аспект	89
Глава 3. Семантическая структура лексического поля «Общественное мнение» в русских народных говорах	89
3.1. Семемы лексико-семантического поля «Общественное мнение»	91
3.2. Контекстный анализ лексики поля «Общественное мнение»	102
Глава 4. Мотивационная структура лексико-семантического поля «Общественное мнение» в русских народных говорах	114
4.1. Мотивационная доминанта демонстрации отношения к человеку	115
4.2. Мотивационная доминанта значимости человека в социуме.....	119
4.3. Мотивационная доминанта расчета и воздаяния по поступкам	124

Раздел III. Воспитание, образование, культура как способы передачи ценностей: этнолингвистический аспект	129
Глава 5. Особенности семантики слов лексического поля «Воспитание, образование, культура» в русских народных говорах	133
5.1. Характеристика идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание, образование, культура»	133
5.2. Социально обусловленный компонент семантики в лексике поля «Воспитание, образование, культура»	138
Глава 6. Лексика обучения как репрезентант идеи социальной регуляции: мотивационный анализ.....	143
6.1. Мотивационные модели, фиксирующие наличие ориентиров, необходимых для самоопределения человека	144
6.2. Мотивационные модели, реализующие идею воспитательного воздействия на человека	149
Заключение	173
Библиографический список	180
Сокращенные и условные обозначения словарей и их источников.....	211

Предисловие

Настоящая работа содержит опыт реконструкции представлений носителей народной культуры о регулятивном аспекте отношений человека и общества на материале лексики русских народных говоров. В центре внимания оказывается понятие «*регуляция*», которое толкуется в словаре как ‘упорядочение, нормализация; регулирование’ (ССРЛЯ, т. 12, с. 1115) и применяется нами к области взаимоотношений людей в деревенском микросоциуме.

Социальная регуляция рассматривается в социолого-философских работах как способ организации жизни общества: «Социальная регуляция выступает фактором социальной стабильности, ограждая общество от хаоса, дезорганизации, дисфункциональности, аномии и способствуя порядку, функциональному взаимодействию, социальной определенности и интеграции индивидов» [22, с. 21]. Традиционно различают *институциональные* и *неинституциональные регуляторы* (или *механизмы регуляции*) поведения людей [110, с. 237]. К первым относят право, а также нормы, которые являются продуктом деятельности организаций, учреждений, имеющих соответствующее назначение. Институциональные нормативы связаны с организационно-структурной дифференциацией общества, наличием органов управления. Ко вторым относят обычно-традиционные и нравственные нормы, которые формируются в самом процессе совместной жизнедеятельности людей (общественное мнение, заинтересованность индивида в реакции одобрения его действий, трансляция социально-нормативного опыта от поколения к поколению и др.) и характеризуются нераздельностью субъекта и объекта регулирования: «Общность, вырабатывающая и санкционирующая норму, обычно является и той общностью, которая эту норму исполняет» [Там же, с. 238]. Ср. мнение П. А. Сорокина, считавшего, что нормы, регулирующие взаимодействие между индивидами, являются либо правовыми, либо моральными стандартами [252, с. 219], а также различие А. П. Бандуриным культурно-нормативной саморегуляции и внешней регуляции институционально-государственного характера [23, с. 11]. Феномен социальной саморегуляции может стать объектом не только философских, социологических, но и лингвистических исследований, поскольку не может не отразиться в системе лексических средств языка.

Настоящую книгу, в которой рассматриваются лексические репрезентации общительности как ожидаемого поведения человека в социуме, а также феноменов общественного мнения и воспитания как механизмов регуляции поведения человека, следует отнести к работам, посвященным исследованию языка с целью извлечения информации о менталитете этносоциальной группы. Слова и фразеологизмы рассматриваются представителями разных научных школ как носители культурной информации [10; 25; 36; 65; 161; 229; 248; 250; 259; 267; 273; 327 и др.]. Исследователи реконструируют образ человека по данным языка, обращаясь к изучению семантико-мотивационных отношений в лексике.

Этническое самосознание коллектива и его язык находятся в отношениях взаимодетерминации. С одной стороны, язык, осваиваемый людьми одного сообщества, предопределяет способ мышления, мировоззрение каждого из них (человек «смотрит» на мир через призму названий всего того, что составляет этот мир). С другой стороны, мышление влияет на язык в том смысле, что выбор языковых единиц подчинен задаче оформления мысли, поэтому всякий национальный язык «устроен» сообразно способу мышления и культуре представителей нации.

Над решением вопросов установления и интерпретации отношений между феноменами языка и культуры работали В. Гумбольдт, Ф. Боас, Э. Сепир, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев. Ими обоснована непреложность связи между словом и мыслью: «Языковые различия всегда были важными символами различий в культуре» [249, с. 245]; «Без тщательного изучения провинциальных особенностей языка многое в истории народных верований и обычаев останется темным и неразгаданным» [16, т. 1, с. 21]. Позднее Н. И. Толстой и С. М. Толстая, основатели московской этнолингвистической школы, придали бóльшую определенность истолкованию связи между языком и народной культурой и сформулировали базовые исследовательские принципы этнолингвистики, обеспечивающие изучение этой связи. Оформилась идея различения широкого понимания термина *этнолингвистика*, которым обозначаются исследования, имеющие своим объектом все виды, жанры и формы народной культуры – вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тек-

сты), акциональные (обряды), ментальные (верования), и узкого понимания, согласно которому язык рассматривается как источник изучения культуры.

Соотнесение настоящей работы с трудами этнолингвистического направления в узком понимании имеет под собой следующие основания. Во-первых, в книге предполагается реконструкция представлений носителей народной культуры о «своем» обществе, сообразно чему выбран материал исследования – диалектные слова и фразеологизмы. Ср. концепцию Н. И. Толстого, который, доказывая изоморфность языковых идиомов и культурных стратов, говорит о соответствии между «народной культурой в целом» и «диалектным континуумом всего языка» [273, с. 19]. Во-вторых, настоящий опыт исследования языковых единиц представляет собой попытку семантической реконструкции, проводимой на основе «дешифровки» вербального кода культуры, и продолжает традицию изысканий в области вербальной репрезентации таких понятий, как обряд, обычай, ритуальные практики осмеивания, народная игровая культура, социальное взаимодействие. Результаты анализа лексических данных, с одной стороны, и результаты исследований других символических «языков» – с другой, суммарно составляют «описание ... фрагмента традиционной картины мира по данным разных культурных кодов» и дают почву для «выявления специфики отражения духовной культуры в языке (на фоне других культурных кодов)» [35, с. 7]. Рассмотрение лексики выбранной семантической области невозможно без обращения к культурному контексту, образованному той частью информации, которая заключена в иные формы, т. е. сохраняется благодаря акциональному и ментальному кодам культуры. В-третьих, идентификационным признаком принадлежности работы к этнолингвистическому направлению является семантико-мотивационный ракурс настоящего исследования, при этом в фокус внимания попадают несколько лексико-семантических полей. Наконец, отметим, что исследование посвящено проблеме отражения в языке мирозерцания, свойственного представителям одной этнокультурной общности: в центре внимания оказывается не отдельная личность, а социум.

Обращаясь к анализу слов, принадлежащих разным говорам русского языка, мы исходим из двух положений: из постулирования «об-

щей когнитивной (смысловой в широком понимании) основы диалектов одного языка» [266, с. 115] и, как уже говорилось ранее, из утверждения соотносительности диалектного лексического фонда и народной культуры в целом.

Лексика, составляющая материал исследования, извлечена из дифференциальных лексикографических источников. Языковые единицы отбирались методом фронтального просмотра диалектных словарей русского языка. Кроме того, в работу включены неопубликованные материалы картотеки «Словаря говоров Русского Севера», лексической картотеки топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького, ныне входящего в состав Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина – УрФУ, которые собраны в результате многолетней полевой работы сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания, и картотеки «Словаря русских народных говоров», хранящейся в Институте лингвистических исследований Российской академии наук. К рассмотрению привлекается общенародная лексика, представленная в словарях русского литературного языка, а также в диалектных словарях полного типа, поскольку она имеет общую семантико-мотивационную основу с лексикой русских народных говоров.

Одной из задач предлагаемого исследования является «зондирование мощности» языка (точнее, одного языкового идиома) в плане фиксирования социально-регулятивного аспекта человеческих взаимодействий в лексике. К этнографическим сведениям, фольклорным текстам мы обращаемся в тех случаях, когда необходимы пояснения к лексическому материалу.

Предмет исследования составляют особенности отражения социально-регулятивного компонента человеческих взаимодействий в лексике русских народных говоров.

Особое внимание уделено лексико-семантическим полям «Социальность личности», «Общественное мнение», «Воспитание, образование, культура». Обращение к ним обусловлено задачей реконструкции наивно-языковых представлений о влиянии общества на поведение человека.

Общественная оценка (нередко трансформирующаяся в категорию «репутация»), имеющая ряд последствий социального характера, и процесс воспитания (шире – передачи социального опыта) представ-

ляют собой механизмы воздействия на человека. В свою очередь, homo socialis, противопоставляемый другим ипостасям человека (человеку телесному, смертному, разумному, верующему, нравственному, трудящемуся [205, с. 9–10]), попадает в фокус внимания языка как объект воздействия и одновременно как носитель качеств, одно из которых – склонность и умение общаться с людьми (социальность) – особенно важно, поскольку необходимо для включения человека в социум.

Общительность (социальность) – инструмент, необходимый человеку для приспособления к социуму и усвоения его норм, а воспитание и выражение оценки – средства, которые общество с необходимостью использует для социализации человека, для его «обращения в своего». Слова со значениями ‘оценивать’, ‘публично выражать оценку’, ‘воспитывать’, ‘учить’, ‘поучать’, ‘заставлять вести себя иначе’ и другие глаголы лексико-семантических групп «Общественное мнение» и «Воспитание, образование, культура» имеют общую сему ‘оказывать влияние’ и рисуют процесс направленного воздействия.

Явление социорегуляции не исчерпывается феноменами общественного мнения и воспитания. О социальном контроле можно говорить и на основании анализа вербальных репрезентаций понятий «органы управления», «обычай», «игра», «коллективная работа», «гощение», «норма в организации приема пищи», «норма в одежде» и т. д. Однако среди слов этих семантических групп глаголы со значением ‘оказывать влияние’ представлены в меньшей степени, т. е. слабо выражен каузативный компонент семантики. Они описывают, скорее, систему взаимосвязей в социуме, формы организации отношений людей, действующие эталоны поведения (нормы). Само нахождение человека в такой системе, погруженность, включенность в связи внутри общины, подчинение привычному образу жизни, обычаю также представляет собой скрытый механизм социализации человека. Эти понятия пока останутся за рамками нашего внимания, направленного в данной книге на отражение в языке тех ожиданий, которые предъявляются к человеку в отношении его социальности, а также на лексические репрезентации процесса воздействия общества на мораль и нравственность каждого представителя этого социума.

Кратко охарактеризуем принятую в работе терминологию, используемую в ходе лингвистического препарирования лексического материала.

Лексико-семантическое поле, семантическое поле: этнолингвистическая интерпретация. В данной работе используется термин *лексико-семантическое поле*, под которым понимается объединение языковых фактов по тематическому принципу, точнее, совокупность лексем и фразеологизмов, соотносительных с определенным фрагментом действительности, с одной понятийной сферой. Подразумевается, что отношения между языковыми единицами, составляющими поле, отражают психологически реальные для носителя языка связи между понятиями. К числу конституирующих признаков поля относят принцип его формирования (в данном случае это семантический критерий: отбираются слова одной тематической группы) и наличие внутренней структуры, предопределенной связями и отношениями между словами. В качестве синонима термину *лексико-семантическое поле* в книге употребляется термин *семантическое поле* в случаях, когда контекстное окружение содержит слово *лексика*, например: *В лексике семантического поля «Общественное мнение» реализуется мотив высокой vs. низкой стоимости.*

Вся совокупность слов, привлекаемых к исследованию, образует определенным образом организованное смысловое пространство, не обладая статусом поля в силу семантической разнородности; ср. отсутствие связи между лексемами, представленными в разделах настоящей книги: свердл. *общей* 'общительный' (*Он людивой, а понятней-то – народной, обшшой*) (СРГСУ/Д, с. 359), смол., курск. *ослава* «дурная слава» (СРНГ, т. 24, с. 20), диал.¹ (б/у места) *оболв́анить* 'наружно образовать немного, для приличия в обращении' (Даль, т. 2, с. 629).

Термин *лексико-семантическое поле* применяется к каждой из трех групп лексики, ставших объектом внимания т. е. к словам, описывающим общительность, общественное мнение и обучение. Их объединение в пределах одной работы объясняется выбранным аспектом исследования. Поведение, обеспечивающее включенность человека в связи внутри общины (социальность личности), погруженность

¹ Сокращение «диал.» используется при паспортизации материала в двух случаях: во-первых, когда более подробные сведения о месте записи диалектного слова отсутствуют в источнике (тогда рядом будет отмечаться «б/у места»); во-вторых, когда слово имеет широкую географию, т. е. фиксируется во многих говорах русского языка, в связи с чем перечисление мест фиксации слова нецелесообразно.

человека в систему взаимных оценок, выполняющих функцию инструмента воздействия на него (общественное мнение) и обучающее воздействие на члена группы с целью передачи социального опыта (воспитание) отражают разные стороны процесса социальной регуляции. В центре внимания оказываются механизмы установления отношений между человеком и обществом, а также предпосылки к тому, чтобы такие механизмы «работали». Каждое рассматриваемое в работе лексико-семантическое поле неоднородно по составу в плане представленности лексики разных подсистем языка (разных диалектов и, частично, литературной разновидности русского языка) и включенности слов с разными грамматическими характеристиками (слов, принадлежащих разным частям речи) наряду с фразеологизмами. Такая неоднородность поля признается допустимой при изучении менталитета через средства его объективации в языке.

Задачам настоящего исследования наиболее адекватно рассмотрение обозначенных выше лексико-семантических полей в этнолингвистическом ключе, поэтому особый интерес для нас представляют семантико-мотивационные связи внутри избранных для анализа лексических множеств. Моделирование полей, их детальная разработка, установление логических связей между ними могут стать задачами отдельного исследования.

На сегодняшний день в отечественном языкознании накоплено значительное количество трудов, содержащих образцы этнолингвистической интерпретации лексико-семантических полей и лексических множеств иных типов [5; 6; 28; 32; 36; 55; 56; 71; 84; 86; 98; 99; 113; 114; 117; 124; 136; 140; 146; 156; 161; 162; 219; 229; 246; 267; 268; 279; 280; 281; 304; 327 и др.]. Исследователи исходят из того, что поиск закономерностей в выборе человеком принципов номинации и установление семантических сходств, различий, связей между словами, обозначающими один и тот же объект или разные объекты одной сферы действительности, позволяет делать выводы о том, какими предстают эти объекты в сознании человека, представляющего определенную культуру. Наличием, разнообразием, архаичностью, продуктивностью, конкуренцией и взаимодействием мотивационных моделей определяется этнокультурная значимость объекта номинации. Для исследований такого рода характерно привлечение паремий, фольклорных текстов, а также экстралингвистических данных (поверий, сведений о ма-

териальной, обиходно-бытовой культуре, ритуалах, обрядовых практиках, приметах и т. д.), которые вкупе с лексическим материалом образуют основу для изучения знакового пространства культуры.

В настоящей книге сделан акцент на реконструкции не осознаваемых людьми (носителями русских народных говоров), но запечатленных в лексических единицах представлений о том, что заставляет человека вести себя определенным образом, соблюдая заданные ближайшим окружением нормы, и о том, каковы механизмы передачи и усвоения норм морали.

Помимо всего прочего, в работе используются термины «тематическая группа» и «семантическая область». Под тематической группой понимается обширная группировка отобранной по тематическому принципу лексики вне зависимости от того, имеет ли она статус лексико-семантического поля (т. е. безотносительно к наличию или отсутствию внутренней структуры), способная включать в себя меньшие по объему, более строго дифференцированные лексико-семантические группы. Семантической областью мы будем называть совокупность значений слов, соотносимых с одной предметной областью, т. е. образующих одну тематическую группу лексики либо одно лексико-семантическое поле.

Семантический анализ лексики. Множество слов, составляющих лексико-семантическое поле, можно рассматривать как слепок реальности или слепок сознания человека, воспринимающего этот отрезок действительности. Иначе говоря, языковые факты хранят информацию не только об объективной предметной действительности, но и о понятийной сфере как продукте мыслительной деятельности человека, т. е. о том, как человек трактует объективную реальность.

То, что существенно, оказывается названным, или многократно названным, или названным «дробно», с учетом предельного внимания к деталям хорошо знакомого и имеющего высокую значимость объекта. Ср.: «Известно, что картина мира находит отражение уже в самом факте именованного того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком независимо от способа номинации, от мотивированности знака (вспомним пресловутые виды снега у эскимосов)» [266, с. 118]. Постулат о референции между важным и поименованным служит базой для исследовательской логики лингвиста: изучение слов открывает доступ к выявлению того, что обладает аксиологической нагрузкой в сознании человека.

Итак, значимость явления утверждается самим фактом его номинации. В нашем случае в ходе фронтального просмотра диалектных словарей дифференциального типа выявлен факт наличия в русских народных говорах множества лексем, описывающих человека по склонности или несклонности к общению, множества лексем, соотносительных с понятием взаимных оценок внутри сообщества людей, и множества слов, называющих «социализирующее» воздействие человека на другого представителя своей общины. На основании наличия таких слов и фразеологизмов и детальной разработанности этих семантических пространств лексическими средствами русских диалектов можно предполагать, что общительность, общественное мнение и воспитание значимы в сознании носителя традиционной культуры.

Анализ семантической организации поля традиционно состоит в описании его идеографической структуры, сегментации, оценке номинативной плотности участков поля, выявлении центрального сектора, называемого ядром поля, в описании околоядерной зоны, ближней и дальней периферии, а также особенностей взаимодействия данного поля с другими полями. В ходе структурирования лексико-семантического поля обычно используются методы семного анализа слов, классификационный метод, статистический метод и контекстный анализ, который позволяет прояснить и устранить неточности, недочеты в формулировках толкований слов.

Этнолингвистический ракурс настоящего исследования обусловил обращение к процедуре семантического структурирования нескольких лексико-семантических полей как к средству извлечения информации о ментальности носителей русских народных говоров. Движение от построения модели поля к анализу представлений об объекте или явлении действительности (здесь – о социальной саморегуляции в традиционном обществе) заставляет сосредоточиться в большей степени на тех аспектах семантического анализа, которые касаются действующих в лексическом поле притяжений между словами, закономерностей семантического развития отдельных групп слов, а также анализа слов, обладающих культурной семантикой. Именно в «построении “грамматики смыслов”» и разработке «лексико-семантической типологии» состоит широко намеченная С. М. Толстой «программа» этнолингвистических исследований в области современной лексической семантики, «ориентированной на актуальные

системные связи в языке», «сочетающей принцип индивидуального “портретирования” слова с выявлением регулярных семантических отношений в лексике» [267, с. 11–15].

Мотивационный анализ лексики. Другой алгоритм систематизации языкового материала, нацеленный на лингвистическую реконструкцию представлений человека о мире, лежит в области ономасиологического анализа. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризует мир» [266, с. 119]; «Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономасиологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны – ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [60, с. 45] и др.

Наблюдения над повторяемостью в сближении понятий позволили поставить проблему изучения семантических, деривационных отношений в лексике с точки зрения их системности [12; 41; 81; 88; 103; 165; 193; 197; 200; 233; 267; 272; 286; 317; 321; 322 и др.]

Идеей системности семантических связей объясняется использование термина *модель* при анализе мотивированности слов: «Регулярность мотивационных отношений проявляет себя в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов – семантические поля. Мощностные эти модели, т. е. объем покрываемой ими лексической “массы”, может быть различной» [266, с. 114].

В настоящей работе обращение к ономасиологическому анализу лексики обусловлено тем, что слова, отобранные по семантическим критериям, часто оказываются сходными по реализованным в них принципам номинации.

В параграфах, посвященных ономасиологическому анализу лексики, рассматриваются только слова с наличествующим во внутренней форме слова или поддающимся реконструкции мотивационным признаком.

Мотивационный анализ слов проводится посредством описания моделей номинации, выделенных на основе препарирования внутрен-

ней формы слова. Термины *модель номинации* (или *номинативная модель*) и *мотивационная модель* употребляются в настоящей книге как синонимичные, однако первый термин используется для обозначения факта связи между понятиями (ср. семантический перенос «стадное животное» → «общительный человек», реализованный в диал. *табушный конь* ‘об общительном человеке’), а при использовании второго термина делается акцент на обосновании факта связи между понятиями (конь и человек сравниваются по признаку ‘быть вместе с другими, быть в составе группы себе подобных’).

Модели, в свою очередь, объединяются по тематическому основанию, т. е. в зависимости от того, какие понятийные области, выделяемые согласно сферам действительности, поставляют лексико-семантический инвентарь для создания слов интересующих нас лексико-семантических полей. Для учета и анализа операций мыслительного ассоциирования далее используется термин *предметно-тематический код*. В соответствии с определением слова *код*, которым обозначается ‘система условных знаков для передачи (по каналу связи), обработки и хранения (запоминания) различной информации’ (СлРЯ, т. 2, с. 67), предметно-тематический код – это система дискретных представлений носителя языка об одной сфере действительности (т. е. система идеальных знаков – образов, идей), посредством которых носитель языка осмысляет действительность иного рода. Например, носители русских народных говоров обращаются для «опредмечивания» и истолкования своих представлений об общительности и необщительности к антропологическому, мифологическому, пространственному, речевому, зоологическому, визуальному кодам. Код в таком понимании является ментальным отражением одной из сфер реальной или мифологической действительности (социум, природа, материальная культура, психофизиология, мифология) или какой-либо понятийной областью (пространство, время, цвет, форма и др.). Термин *код* в указанном значении (например, рассматриваются цветовой, пищевой, числовой, вкусовой, технический, растительный и другие коды) имеет на сегодняшний день сложившуюся традицию использования в лингвистических (в том числе этнолингвистических) работах [5; 24; 36; 96; 139; 175; 207; 229; 246; 265; 301 и др.].

Описание предметно-тематического кода включает разнородный лексический материала. Например, зоологический код представ-

лен в лексико-семантическом поле «Общительность» следующими элементами: конь как стадное животное; вообще дикое животное; бык и козел как эталонно упрямые и сердитые животные; волк как одинокий хищник; крот как зверек, не показывающийся на глаза людям; водяное насекомое, живущее под камнями, и белый червь, живущий под корой деревьев, воспринимаемые как укrywшиеся, спрятавшиеся живые существа. На уровне языка эти элементы кода (дискретные представления о мире животных) закреплены за лексемами, которые используются в качестве производящих основ для создания номинаций лексико-семантического поля «Общительность»: *табунный, дикий, бык, козел, волк, бирюк, потурой, подкамышник, закожурник*.

Отметим, что далеко не все слова имеют метафорическую природу. Например, очевидно, что слово *смолчок* 'замкнутый человек' образовано от глагола *молчать*, который характеризует речевое поведение человека, а подобные характеристики принадлежат средствам речевого кода. При этом лексема *смолчок* не содержит образного компонента.

Итак, на основании анализа внутренней формы слова распределяются по номинативным моделям и предметно-тематическим кодам. На эту систему накладывается еще одна логическая подсистема – разветвленная и многоуровневая система мотивов, связывающая разные номинативные модели и нивелирующая различия между моделями, принадлежащими разным предметно-тематическим кодам.

В ходе анализа внутренней формы слова выявляется мотивировочный признак: «Информация о мире, извлекаемая из внутренней формы, по своему содержанию ограничена ответом на вопрос, какой мотивационный признак положен в основу номинации (тем самым – какие два объекта сближены в акте номинации). По-видимому, гораздо больше информации о мире (ментальном и реальном) может быть извлечено при обращении к собственно мотивам номинации, т. е. к вопросу о том, почему тот или иной признак выбран в качестве основы номинации» [266, с. 119]; «Естественный язык в актах номинации, метафоризации, в установлении разного рода семантических корреляций слов актуализирует каждый раз одну из характеристик объекта (ср. понятие мотивирующего признака), оставляя в тени остальные» [268, с. 47].

Под мотивом понимается импульс, побуждающий человека осмыслить одно понятие через другое. Роль такого импульса играет

осознание человеком сходства между объектами (*бука*: нелюдимый человек и домовая походи привязанностью к дому) либо установление другой логической связи между ними (*смолчок*: нелюдим ни с чем не сравнивается, он представлен через соотнесение с типичным действием – ‘тот, кто молчит’; *углан*: нелюдим не сравнивается с углом, а осмысляется как ‘тот, кто сидит в углу’).

Экспликация мотивов проводится на разных ступенях анализа с разной степенью абстрагирования от образного основания фразеологизма или от внутренней формы слова – посредством выявления мотивировочного признака, представленного в одном слове или нескольких языковых фактах, либо сквозного мотива, репрезентированного несколькими номинативными моделями, либо мотивационной доминанты, объединяющей значительное множество моделей и максимально удаленной от «вещных» метафор (подробнее об этом см. в работе Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьевой [37]).

Так, в основе диал. *конурник* «нелюдим» лежит мотивировочный признак ‘конура (т. е. сидящий в конуре)’. По отвлечении от внутренней формы слова он преобразуется в сквозной мотив «прячущийся», который реализован также средствами других кодов, например, зоологического (*подкамышник*), пространственного (*западай, зауголок, замыряться*), мифологического (*запечная баушка; как бомка, сидит в избе*). При такой степени обобщения мотив выполняет роль связки («мостика») между сопоставляемыми образами, поэтому труднее всего поддается формулированию. Идеальным вариантом представления мотива является такая формулировка, которая отражает одновременно и свойство называемого объекта, и свойство того объекта, с которым сопоставляется объект номинации. Например, нелюдим и крот походи тем, что они не показываются на глаза людям. Однако добиться «универсальной формулировки» мотива удастся крайне редко, что является свидетельством в пользу значительной дистанции между ассоциируемыми друг с другом понятиями.

Только при выявлении мотивационной доминанты достигается тот уровень абстракции, на котором мотивация смыкается с семантикой: мотив высокой степени обобщения может рассматриваться как существенная сема. Так, в обозначениях необщительного человека выявляется мотивационная доминанта изолированности человека от

общества, которая объединяет сквозные мотивы «прятаться», «находиться в отдалении», «быть чужим», «не бывать среди людей», каждый из которых воплощен во множестве разных мотивировочных признаков.

Каждый мотив занимает свое место в иерархии мотивов. В конечном итоге они «стягиваются» к мотивационным доминантам и оказываются привязанными через разное количество промежуточных ступеней к семе, которая составляет существенную часть номинируемого понятия. Так, лексемы *табунный* 'общительный (о человеке)', *россейский* 'приветливый, общительный', *людимый* 'общительный, веселый', *общей* 'общительный' неодинаковы по реализованным в них мотивировочным признакам и по типу вспомогательного субъекта концептуализации (они оформлены средствами разных кодов, а метафора присутствует только в первом слове), однако появление и функционирование каждой лексемы этого ряда каузировано мотивационной доминантой консолидации человека и общины. Таким образом, в понимании носителей традиционной культуры общительным является человек, включенный в связи внутри своего микросоциума.

Рассмотрение мотивации в двух ракурсах (исходя от кодов и от мотивов) позволяет обозреть разные грани одного целого, поскольку мотив и образ предстают в номинациях как неразрывное единство. Набор мотивов и набор кодов «сцепляют» языковой материал, «цементируют» поле каждый со своей стороны.

Таким образом, применение ономаσιологического подхода к анализу лексического материала обусловило использование в данной работе терминов *модель номинации*, или *мотивационная модель*, *предметно-тематический код*, *мотив*, *мотивационная доминанта*.

Предлагаемая вниманию читателя книга состоит из трех разделов. В первом разделе социальность личности представлена как качество, которое обеспечивает «включенность» человека в социум, освоение им норм того сообщества, которому он принадлежит. В сущности, общество является инициатором консолидирующих устремлений, в то время как человек, будучи «социообразующей» единицей и находясь под влиянием общества, противостоит ему своей самостоятельностью, «единичностью». Готовность человека стать частью общества, способность следовать сложившимся нормам, установлениям становятся предметом оценки и контроля со стороны других

членов микросоциума, что находит выражение в номинациях человека по его склонности или несклонности бывать в обществе, взаимодействовать с людьми, соблюдать правила человеческого общежития. Раздел содержит две главы, в соответствии с двумя аспектами исследования лексико-семантического поля «Общительность»: семантическим и мотивационным.

Второй раздел посвящен реконструкции представлений носителей народной культуры об общественном мнении как механизме социальной регуляции. В главе 3 описывается семантическая структура поля «Общественное мнение», в главе 4 предлагается его интерпретация в рамках ономаσιологического подхода. Основным результатом ономаσιологического анализа становится здесь выделение мотивационных доминант, поскольку выделение кодов видится в данном случае непродуктивным. При осмыслении понятия общественного мнения носитель языка нечасто обращается к предметно-образной сфере, соотносимой с какой-либо областью действительности.

Третий раздел книги посвящен представлениям диалектоносителей о воспитании и передаче социального опыта и содержит опыт описания части лексико-семантического поля. Он состоит из двух глав; глава 5 включает в себя общую характеристику семантической организации поля, а в главе 6 рассматривается ряд мотивационных моделей, выражающих идею воспитательного воздействия одного человека на другого.

Структура настоящей работы обусловлена двумя факторами: логикой исследования содержательной стороны понятия «социорегуляция в традиционном социуме» (от анализа вербальных репрезентаций общительности как качества, необходимого для органичного существования человека в обществе, к описанию механизмов социальной регуляции) и логикой применения разных методик исследования к выбранным лексико-семантическим полям.

Список сокращений¹

- Авест. – авестийское
алт. – алтайское
аор. – аорист
арх. – архангельское
астрах. – астраханское
б/у места – без указания места
барнаул. – барнаульское
беломор. – беломорское
блр. – белорусское
болг. – болгарское
брян. – брянское
бурят. – бурятское: зафиксированное в русских говорах, бы-
тующих на территории Республики Бурятия
вел.-устюж. – великоустюжское
ветлуж. – ветлужское
влад. – владимирское
волгогр. – волгоградское
волог. – вологодское
ворон. – воронежское
вост. – восточное: зафиксированное на территориях, находя-
щихся к востоку от Москвы
вост.-закам. – восточно-закамское: записанное в русских гово-
рах на территории Восточного Закамья
вост.-сиб. – восточносибирское: записанное на территории Вос-
точной Сибири
вят. – вятское: записанное на территории Вятской губернии – ад-
министративной единицы Российской империи, СССР (ныне на этих
территориях располагаются части Кировской области, Удмуртии)
горьк. – горьковское: записанное на территории Горьковской
(ныне Нижегородской) области
диал. – диалектное
дон. – донское: записанное по реке Дону
др.-инд. – древнеиндийское

¹ Общепринятые сокращения в список не включены.

др.-прусск. – древнепрусское
др.-рус. – древнерусское
др.-чеш. – древнечешское
енис. – енисейское: записанное в Енисейской губернии (административно-территориальная единица в составе Российской империи и РСФСР в 1822—1925 гг.)
жарг. – жаргонное
женск. – женский род
забайкал. – забайкальское
зап. – западное: зафиксированное на территориях, находящихся к западу от Москвы
заурал. – [записанное на территории] Зауралья
знач. – значение
и.-е. – индоевропейское
иван. – ивановское
иван.-вознес. – иваново-вознесенское
иркут. – иркутское
каз.-некрас. – [из речи] казаков-некрасовцев
казан. – казанское
калин. – калининское
калуж. – калужское
камч. – камчатское
карел. – карельское: записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
кемер. – кемеровское
киргиз. – киргизское: зафиксированное в русских говорах на территории Киргизской ССР (ныне Кыргызской Республики)
киров. – кировское
колым. – колымское: записанное в Колымском округе Якутской области
коми-перм. – коми-пермяцкое
костром. – костромское
краснодар. – краснодарское
краснояр. – красноярское
кубан. – кубанское
куйбыш. – куйбышевское
курган. – курганское

курс. – курское
ленингр. – ленинградское
лит. – литературное
литов. – литовское
макед. – македонское
моск. – московское
мурман. – мурманское
н.-луж. – нижнелужицкий
неодобр. – неодобрительное
нижегор. – нижегородское
новг. – новгородское
новосиб. – новосибирское
о.-с. – общеславянское
общенар. – общенародное
олон. – олонекое: записанное на территории Олонецкой губернии – административной единицы Российской Империи с центром в г. Петрозаводске
омск. – омское
онеж. – онежское
оренб. – оренбургское
орл. – орловское
особ. – особенно
пенз. – пензенское
перен. – переносное
перм. – пермское
печор. – печорское: записанное по реке Печоре
польск. – польское
праслав. – праславянское
пренебр. – пренебрежительное
прикам. – прикамское
простореч. – просторечное
пск. – псковское
разг. – разговорное
рост. – ростовское
рус. – русское
рус. (латв.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Латвийской ССР (ныне Латвийской Республики)

рус. (литов.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Литовской ССР (ныне Литовской Республики)

рус. (эст.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Эстонской ССР (ныне Эстонской Республики)

ряз. – рязанское

с.-хорв. – сербохорватское

самар. – самарское

сарат. – саратовское

свердл. – свердловское

сев.-двин. – северодвинское: записанное по реке Северной Двине

север. – северное: зафиксированное на территориях, находящихся к северу от Москвы

сиб. – сибирское

симб. – симбирское: записанное на территории Симбирской губернии – существовавшей в 1796–1928 гг. административной единицы Российской империи и РСФСР

слав. – славянское

слвц. – словацкое

словен. – словенское

словин. – словинское

смол. – смоленское

собир. – собирательное

сов. – совершенный вид глагола

ср.-обск. – среднеобское: записанное по среднему течению реки Оби

ср.-урал. – среднеуральское: записанное на Среднем Урале

ст.-польск. – старопольское

ст.-слав. – старославянское

ставроп. – ставропольское

сталингр. – сталинградское

сыктывк. – сыктывкарское

тамб. – тамбовское

твер. – тверское

терск. – терское: записанное на территории Терской области – административной единицы Российской империи

тобол. – тобольское

том. – томское

тул. – тульское

тюмен. – тюменское

тюрк. – тюркский язык

угол. – уголовное

уд.? – ударение [неизвестно, так как не указано в источнике]

укр. – украинское

урал. – уральское

устар. – устаревшее

усть-вым. – усть-вымское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Усть-Вымского сельского поселения Республики Коми

фольк. – фольклорное

хакас. – хакасское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Республики Хакасии

цслав. – церковнославянское

челяб. – челябинское

чеш. – чешское

читин. – читинское

шутл. – шутливое

экспр. - экспрессивное

юж.-урал. – южноуральское

южн. – южное: зафиксированное на территориях, находящихся к югу от Москвы

яроsl. – ярославское

Раздел I

СОЦИАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В традиционном обществе поведение человека находится под контролем и влиянием микросоциума. Индивидуальность человека остается на втором плане, черты характера подвергаются оценке, регламентации со стороны общества, попадая из сферы личного в область социального.

К числу качеств человека, которые часто вербализуются в диалектной лексике, относятся добропорядочность, отношение к труду, хозяйственность, бережливость, щедрость. В этом ряду, который может быть продолжен, стоит *социальность* личности, т. е. отношение человека к обществу и общению, «настроенность» человека на общество.

Этот термин, который позаимствован нами у социологов и педагогов [80; 166; 237 и др.], оперирующих им при обсуждении способности человека к социальной адаптации¹, по нашему мнению, наиболее точно выражает мысль о способности личности выступать субъектом социальных отношений. Другие слова, которые могли бы служить обозначением этой способности человека, имеют несколько иное содержание либо отсутствуют в языковом узусе. Так, слово *общительность* акцентирует внимание на контактности, а слово *общезительный*, включенное в дефиницию иркут. *углán* ‘нелюдим, необщезительный, любящий сидеть в углу’ (Опыт, с. 236), имеет в словаре В. И. Даля значение ‘уступчивый, уживчивый’ (Даль, т. 2, с. 655).

В народной культуре релевантно, как нам кажется, именно качество социальности, обеспечивающее непротиворечивое существование человека в общине. Особо отметим интегративность этого личностного свойства, которая заключается в совмещении нескольких качеств: общительности, уживчивости, доброжелательности, умения общаться, знания норм поведения в данном обществе, желания общаться, психологической готовности общаться, склонности бывать

¹ Так, Б. З. Вульф, В. Д. Иванов, М. В. Ромм определяют социальность как «средство социального воспроизводства», как «интегративное качество», способное «“проектировать” социализацию личности» [80, с. 5–6; 237, с. 44].

среди людей. Носители народной культуры придают огромное значение умению человека уживаться в человеческом сообществе, в частности в новой семье после свадьбы, ладить с чужими, включаться в новую среду, вести себя в соответствии с принятыми нормами, традициями. Это запечатлено, например, в яросл. (фолькл.) *легкий обы́чай* ‘о деликатном, приветливом, ласковом в обращении’ (*Поучи-ко..., как жить во чужих людях, На што много надо ума-разума И обычая-то легкого*) (СРНГ, т. 16, с. 310).

Среди диалектных лексем, участвующих в вербализации этого понятия, самую большую группу составляют слова, которые содержат в дефинициях маркеры «общительный», «необщительный», «общаться» и их синонимы. К их рассмотрению мы обратимся в настоящем разделе, ограничив объект исследования лексико-семантическим полем «Общительность» исходя из предположения о том, что семантическая область «Социальность личности» включает в себя несколько других групп лексики, формирование которых требует сложных верификационных процедур. Однако подчеркнем, что всякий раз мы будем понимать под общительностью именно социальность – особое качество личности, которое релевантно для диалектного сознания.

Глава 1. Семантическая структура лексического поля «Общительность» в русских народных говорах

Общительность является таким качеством, которое значимо в народной среде не столько как проявление индивидуальности человека, сколько как средство успешной организации социальных взаимодействий.

Понятия общения и общительности неоднократно становились предметом внимания в лингвистических работах антропологического направления. А. Вежбицка кратко характеризует слово *общение* и его производные в сопоставлении с английскими лексемами: «В русском языке имеется культурное ключевое слово *общение* и связанные с ним слова, такие как *общаться*, *общительный*, *необщительный* или *общительность*. В английском языке таких слов нет. С другой стороны, в английском языке есть важные культурные слова вроде *message*, *communication*, *mean* (например: “*What did she mean?*”) и другие, у которых нет точных эквивалентов в русском языке» [68, с. 7].

Трудность перевода слов *общение, общаться* на другие языки отмечена и А. Зализняк [127, с. 290]. Она указывает на то, что глагол *общаться*, в отличие от его переводных эквивалентов, несет в себе «идею очень неформального взаимодействия» и «имеет референцию к конкретному процессу», т. е. употребляется в актуально-длительном значении – ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’, например: *Она в соседней комнате общается по телефону с Петей* [Там же, с. 291]. Стилистическая сниженность глагола в этом значении очевидна в сопоставлении предыдущего контекста с предложением *Дети в этом возрасте общаются в основном со своими сверстниками*.

Понятию «общение» посвящено диссертационное исследование М. В. Шамановой, которая определяет его как «коммуникативную категорию русского языкового сознания» и утверждает, что эта ментальная единица существенно отличается от концепта. На основании анализа лексики литературного языка, фрагментов художественных текстов, паремий, афоризмов и данных ассоциативного эксперимента она выявляет ряд признаков русского общения: важность, неформальность, эмоциональность, открытость, доброжелательные отношения между коммуникантами, допустимость грубости, информативность, дискуссионность, значимость невербальных средств общения, предпочтительность общения в малой группе [311]. По результатам эксперимента М. В. Шаманова строит ассоциативное поле стимула *общение*, выявляя «психологически реальное значение» этого слова, при этом ассоциаты интерпретируются как семантические компоненты, образующие структуру значения существительного. Сравнение данных, полученных при опросе жителей города и села, показывает, что «жители большого города больше внимания уделяют используемым средствам, оформлению и характеру протекания общения», что «наиболее востребованными у жителей села по сравнению с другими территориальными группами являются классификационные признаки *степень активности участников* (данный признак имеет более высокий индекс яркости по сравнению с жителями большого города в 4 раза, по сравнению с жителями малого города – в 2 раза), *источник получения информации* (в 2 раза)», что «сельские жители более внимательны к теме разговора (в 1,3 раза), ко времени протекания общения (в 1,3 раза)» [309, с. 92].

Но наиболее близкое материалу, методам и задачам настоящего исследования описание представлений об общительности представлено в книге Е. Л. Березович, которая провела детальный анализ диалектной лексики, описывающей характеристики человека по отношению к другим людям, сравнив диалектные слова с лексемами этой же тематической группы, принадлежащими русскому литературному языку [36, с. 25–27].

Этнолингвистический ракурс рассмотрения этой лексики, общий для настоящей работы и исследования Е. Л. Березович, обусловил сходство выводов, поэтому выдержки из книги этого автора будут представлены далее в ходе описания мотивационных моделей. Мы считаем возможным изложить их подробно, поскольку, во-первых, совпадение результатов научных изысканий, проведенных двумя исследователями, доказывает высокую степень верифицируемости выводов и, во-вторых, включение моделей *люди* → *людный*, *людимый* ‘общительный’, *народ* → *народный* ‘общительный’ и т. д. в ряд других мотивационных моделей, которые реализованы в диалектных фактах семантической области «Общительность», позволяет точнее оценить этнокультурный потенциал этих моделей.

1.1. Семемы лексико-семантического поля «Общительность» и их номинативное воплощение

В числе базовых семем лексико-семантического поля «Общительность» гипотетически должны находиться значения действия (‘общаться’, ‘общение’), признака (‘общительный’ / ‘необщительный’) и предмета – субъекта действия (‘общительный человек’ / ‘нелюдим’).

Поскольку данное лексико-семантическое поле включает в себя различные, нередко образующие оппозицию характеристики человека, его номинативное пространство состоит из двух контрастных лексических множеств – лексико-семантических зон, одна из которых объединяет языковые факты, описывающие склонность человека к одиночеству, закрытости, замкнутости, другая образована лексемами, описывающими иную модель поведения человека в обществе – склонность к активному общению, стремление бывать на людях.

«Раздвоенность» поля вынуждает к поиску такого центра, который представляет собой общую для двух зон семему, способную служить основанием для разделения лексико-семантических зон.

В задачи настоящего исследования входит подтвердить или опровергнуть высказанные предположения, откорректировать этот «набросок» в зависимости от своеобразности языкового идиома – русских народных говоров.

Качества личности реализуются при выполнении человеком какой-либо деятельности. Так, общительность проявляется в коммуникации, поэтому фундаментом понятий «общительность» vs. «необщительность» (т. е. «социальность» vs. «асоциальность») является категория «общение». Название процесса (деятельности) максимально отстранено от характеристики человека по признаку способности или неспособности к выполнению этой деятельности, поэтому подходит на роль центра лексико-семантического поля. Однако в ходе анализа материала выявляется отсутствие в русских народных говорах отвлеченных наименований процесса, т. е. слов со значением ‘общение’. Само слово *общение*, имея статус общенародного (ср.: *общенье* ‘действие по глаголу, сообщенье, сообщество, взаимное обращение с кем’ (Даль, т. 2, с. 654), не фиксируется в диалектных словарях дифференциального типа.

Эта лакуна в диалектном лексическом фонде возмещается сильной позицией семемы ‘общаться’. Глаголы с таким значением могут:

1) описывать личные, дружеские отношения между людьми или между семьями внутри общины: перм. *ходитья* ‘поддерживать отношения, встречаться, общаться; дружить’ (*Мы ходимся с имя много годов, на вечера и в гости*) (СПГ, т. 2, с. 507), костром., пск. *знáхаться* и пск. *знáхлиться* ‘иметь общение, водить знакомство, знаться с кем-либо’ (СРНГ, т. 11, с. 314), костром. *корíться к кому-л.* ‘знаться, общаться’ (*Сейчас стали все богаты, друг ко дружке не корятся; Я не пойду туда, и она ко мне – вот и не корятся – все гордые*) (ЛК ТЭ). Эти факты соответствуют литературному *общаться* ‘поддерживать связь, общение, взаимные отношения с кем-, чем-либо’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 516), разг. *знáться* ‘водить знакомство, иметь общение с кем-либо’ ([Слезкин] *не ходит в гости, не делает визитов и знает только с двумя-тремя холостыми, пьющими офицерами* – Куприн, «Свадьба») (Там же, т. 4, с. 1297), простореч. *якшáться* ‘общаться, дружить’ (Там же, т. 17, с. 2074);

2) описывать состояние отношений между родственниками, о чем свидетельствуют контексты к ряз. *гутáрить* ‘поддерживать общение с кем-либо’ (*Мне тошно, сын со мной не гутарит; Они ругаются, ругаются, и опять гутарют*) (Деул. сл., с. 133), волог. *касáться* ‘общаться, навещать’ (*У меня много родственников, да и не касается никто*) (СРГК, т. 2, с. 331);

3) передавать смысл ‘беседовать’, обозначая непосредственно акт речевого взаимодействия: новг. *побалабóнить* ‘поговорить, пообщаться’ (Там же, т. 4, с. 561), перм. *намайдáниться* ‘наобщаться, наговориться’ (*Намайданимся по вечерам да и спать идем*) (СПГ, т. 1, с. 557), бурят. *ябшáться* ‘общаться; яшкаться’ (*Ну вот я с тобой ябшаюсь, разговариваю*) (СРГС, т. 5, с. 381);

4) называть добрачные отношения между полами, любовные заигрывания между девушкой и юношей: волог. *занимáться* ‘дружить, общаться’ (*Кто-то из девок и с ребятами занимался*) (СГРС, т. 4, с. 138), ср. также краснояр. *яшкаться* ‘дружить’ (*Раньше ведь долго не яшкались, женились сразу*) (СРГС, т. 5, с. 393);

5) передавать смысл ‘бывать на людях, выходить из дому’: свердл. *вертáться* ‘общаться, поддерживать отношения, встречаться’ (*Я мало вертаюсь с обществом*) (СРГСУ/Д, с. 61);

6) обозначать присоединение к разговору или к делу, к чьим-либо действиям: арх. *общаться* ‘вмешиваться во что-либо; приобщаться к чему-либо’ (СРНГ, т. 22, с. 273);

7) обозначать приобретение известности: перм. *общаться* ‘становиться известным’ (Там же). Можно предположить, что приобретение известности осмысляется как вхождение в общество («приобщение»), хотя проверке этой гипотезы препятствует дефицит информации о слове из-за отсутствия контекста.

На основании анализа спектра приведенных глагольных значений¹ можно сделать вывод о том, что под общением в народной куль-

¹ Заметим, что репрезентативность такой выборки снижена из-за необходимости принимать на веру формулировку, предложенную в лексикографическом источнике, поэтому, например, слова *ухаживать* и *дролиться* оказываются невключенными в группу обозначений добрачных отношений между полами (лексикограф не счел необходимым использовать в дефиниции слово *общаться*). Понимая особенности представления лексики в словарях, мы посчитали возможным включить в список все слова с маркером *общаться* в дефиниции.

туре понимается пребывание на людях, поддержание связей между семьями (домами) или между друзьями, подкрепление родства доброжелательными отношениями и взаимными контактами, вхождение в общество, добрые отношения между полами, а также беседа («локальный акт» общения). Большинство из этих «ипостасей» общения имеют непосредственное отношение к консолидации членов общины, закреплению родственных и добрососедских отношений, ср. перм. *по бесéдам ходíть* ‘собираться где-либо для общения’ (СПГ, т. 2, с. 505).

В отличие от литературного языка в диалектной лексике маркировано (самим фактом номинации) игнорирование форм поддержания социальных и родственных связей: сев.-двин. *чужáться* ‘чуждаться; забывать старых знакомых или родню; переставать ходить к кому-нибудь в гости’ (КСРНГ), курск. *чюш-чюжанíн* ‘человек, который не хочет знать родных, вернувшись домой после долгого отсутствия, не приветлив с семьей; уехав на чужую сторону, не пишет писем родным’, арх. *чужáться* ‘не признавать уз крови и родства’ (Там же).

По-видимому, социальной нормой поведения в народной культуре является активность взаимодействий в ближнем соседском социуме, а также с людьми, с которыми человек связан узами родства. Такой вывод следует из того, что люди замечают отклонение от нормы в поддержании коммуникативной активности и дают ему название.

Уникальную семантическую нишу в русских народных говорах создают континуанты корня *общ-*, имеющие значение присоединения к кому-либо: *ОбобщилсЯ ли ты с товарищами?* (Даль, т. 2, с. 654). Ср. также: *Я отобщилсЯ от них* (Там же). В современном русском литературном языке, где есть глагол *приобщиться*, при котором реализуется только синтаксическая валентность к *чему-либо*, такие лексемы отсутствуют, как и глагол *общиться*, представленный, например, в архангельских говорах: арх. *общíться* ‘соединяться, объединяться’ (СРНГ, т. 22, с. 274). Отметим также, что на синтаксическом уровне глаголы с корнем *-общ-* в некоторых случаях отличает нестандартное управление: *общаться, общиться (чему, кому)* ‘приобщаться, соединяться, быть заодно’ (*Общаяся гордому, точен ему будеши; Не общайся гулякам или с гуляками*) (Даль, т. 2, с. 654).

Приведенные лексемы свидетельствуют в пользу того, что центром лексико-семантического поля «Общительность», составленного

диалектными фактами, является семема ‘способствовать консолидации общества, устанавливая или подтверждая общность с другими, закрепляя добрососедские, родственные, личные связи’.

Показательно, что центр поля выражает норму – участие в социальных взаимодействиях. Остальные семемы поля располагаются вокруг этой идеи. Лексемы характеризуют представителя общины как выполняющего или не выполняющего это предписание, имеющего постоянный или меняющийся «коммуникативный статус»: брян. *полюднѣть* ‘стать общительным, приветливым’ (СРНГ, т. 29, с. 186), волгогр. *обайбáчиться* ‘стать нелюдимым, необщительным’ и *обрастáть вóлчьей шѣрстью* ‘дичать, становиться нелюдимым’ (МСДГВО).

Именная лексика образует ту обширную часть лексико-семантического поля «Общительность», которая организована симметрично (зеркально) в соответствии с семантической оппозицией ‘общительный’ – ‘необщительный’, которая имеет множество номинативных воплощений в разных подсистемах русского языка.

В литературном языке понятие склонности к общению репрезентируется словами *общительный, компанейский, свойский, артельный* (ССРЯ, т. 2, с. 27), несклонность к общению – словами *необщительный, малообщительный, нелюдимый, замкнутый, дикий* (Там же, т. 1, с. 647), а также *застенчивый, скрытный*, ср. толкования лит. *дикий* ‘нелюдимый, застенчивый’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 785) и *замкнутый* ‘сдержанный, скрытный, необщительный’ (Там же, т. 4, с. 675).

В частности, согласно «Словарю современного русского литературного языка», *общительность* есть ‘свойство общительного’ (Там же, т. 8, с. 550), а *общительный* значит ‘легко входящий в общение с людьми, склонный к общению, незамкнутый’ (Там же). Приведенная дефиниция составлена как ряд характеристик человека, каждая из которых представляет собой семантическую линию: (1) ‘контактность, готовность к осуществлению начальной фазы деятельности’, (2) ‘влечение или задатки к общению как виду деятельности’, (3) ‘открытость, ориентированность вовне, экстравертность’.

Дефиниции диалектных слов, обозначающих человека, склонного к общению, содержат маркеры ‘общительный’, ‘коммуникабельный’, ‘компанейский’, ‘словоохотливый’, ‘разговорчивый’, ‘приветливый’, ‘открытый’: волог. *таврѣц* ‘очень разговорчивый, общительный человек’ (СВГ, т. 11, с. 4), перм. *хлопуша* ‘словоохотливая, общи-

тельная женщина' (СПГ, т. 2, с. 501), арх. *дру́жный* 'коммуникабельный, общительный' (СГРС, т. 3, с. 277), арх. *дру́жный* 'общительный, компанейский' (СРНГ, т. 8, с. 218), тобол. *поводли́вый* 'общительный, компанейский' (Там же, т. 27, с. 250) и др. В определениях слов отмечены такие аспекты общительности, как умение инициировать и поддерживать контакт ('общительный', 'коммуникабельный', 'компанейский'), речевая активность ('словоохотливый', 'разговорчивый'), благожелательность ('приветливый'), предрасположенность натуры к взаимодействиям с другими людьми ('открытый').

В толкованиях диалектных слов, обозначающих человека, несклонного к общению, используются адекватные квалификаторы 'нелюдимый', 'необщительный', 'замкнутый', 'молчаливый', 'неразговорчивый', 'скрытный', 'угрюмый', 'неприветливый': новг. *побóрник* 'нелюдимый, необщительный человек' (СРГК, т. 4, с. 570), новг. *тим-тю́к* 'о замкнутом, необщительном человеке' (КСРНГ), брян. *зуй* 'угрюмый, молчаливый, необщительный человек' (СНГЗБ, с. 124), дон. *бо́лдырь* 'нелюдимый, угрюмый человек' (БТСДК, с. 49), пск., твер. *сгу́бина* 'скрытный, замкнутый человек' (СРНГ, т. 37, с. 46), волог. *мухо́рый* 'неразговорчивый' (СРГК, т. 3, с. 275), карел. *нелюди́мок* 'необщительный, неприветливый человек' (Там же, с. 411) и др.

Кроме того, используются (однако значительно реже) маркеры 'малообщительный', 'некомпанейский', 'диковатый', 'дикий', 'неконтактный', 'тихий': твер. *мамóня* 'угрюмый, малообщительный человек' (ТСГТО, с. 14), волог. *задвѣнный* 'о тихом, замкнутом человеке' (СРГК, т. 2, с. 113), арх. *некошнóй* 'необщительный, некомпанейский' (СРНГ, т. 21, с. 64), новосиб. *стерх* 'о диковатом, необщительном человеке' (Там же, т. 41, с. 153), пск., твер. *чужа́к* 'дикий, нелюдимый человек' (КСРНГ), ленингр. *лесова́я дитя́* 'упрямый, непослушный, неконтактный ребенок' (СРГК, т. 3, с. 117) и др. Богатство и разнообразие номинативного воплощения негативных понятий – известный феномен, исследуемый в рамках теории номинации.

В толкованиях слов подчеркивается избегание общения с людьми ('нелюдимый', 'некомпанейский', 'необщительный'), непрасположенность натуры к взаимодействиям с другими людьми, ('замкнутый', 'скрытный'), выражение негативных эмоций, неблагоприятность ('угрюмый', 'неприветливый'), неготовность к контакту, в том числе из культурной неразвитости ('неконтактный', 'дикова-

тый', 'дикий'), скудность вербальных проявлений ('молчаливый', 'неразговорчивый'), недостаток активности ('тихий').

На этапе выявления частотных значений этой семантической области не обнаруживается специфичной для русских народных говоров картины, однако интересно, что лексикографы выбирают определение 'нелюдимый' чаще, чем какое бы то ни было другое из приведенного ряда прилагательных. Этот выбор симптоматичен в том смысле, что внутренняя форма слова *нелюдимый* в наибольшей степени передает социальный характер обозначаемого качества личности.

Изоморфность понятий, стоящих за общенародным *общительный* и диалектным *людный*, вызывает сомнения. Они представляются нам не вполне взаимозаменяемыми, хотя лексикограф не находит в литературном языке иного инструмента, чем слово *общительный*, для толкования таких слов, как новг. *людимый* 'общительный, веселый' (НОС, т. 5, с. 58), свердл. *людный* 'общительный' (СРГСУ/Д, с. 290), пск., твер. *полюдный* 'общительный, обходительный' (СРНГ, т. 29, с. 186) и др.

Такая точка зрения представлена и в книге Е. Л. Березович как итог размышлений о структурных различиях между принадлежащими разным языковым идиомам семантическими полями, объединяющими характеристики человека по отношению к другим людям. Она отмечает, что в русском языке XVIII–XIX вв. со словом *людскость* связывалось представление не столько о контактности (черте довольно внешней, «фатической» и отчасти «темпераментной»), сколько о более глубокой, этически выверенной «настроенности на людей», участливости, доброте [36, с. 99]. В ходе проведения контрастивного анализа диалектной лексики и слов русского литературного языка Е. Л. Березович приходит к выводу о том, что диалектные слова *народный, мирской, общей, соседливый, спарчивый, товаристый, фамильный, сробливый, артельной* и т. д. являются характеристиками человека по его способности жить в обществе, т. е. соответствии социально закрепленным нормам взаимоотношений, складывающимся как в процессе общей работы, так и в традиционном общежитии, в то время как лит. *дружелюбный, открытый, коммуникабельный, открытый, общительный, отзывчивый, внимательный, человечный, заботливый* и т. д. не имеют подтекста негласной «общественной нормы» и служат обозначениями личностных проявлений другого плана

[36, с. 26]. В диалектных словах со значением 'общительный' семантика «социальной толерантности» [Там же, с. 101] превалирует над семантикой контактности.

На фоне столь существенных различий между языковой картиной мира носителя народной культуры и мировосприятием носителя современной новой культуры становятся понятными попытки составления описательных дефиниций для слов, обозначающих как общительного, так и необщительного человека: перм. *солюдной* 'способный к общению с людьми' (СПГ, т. 2, с. 373), колым. *неприбѣжный лю́дям человек* 'не желающий обращаться к другим, нелюдимый человек' (СРНГ, т. 21, с. 126), вост.-сиб. *разгоні-бесѣду* 'несдержанный, несносный в разговоре человек, не умеющий вести себя в обществе' (*Ну уж Лукьян Иваныч совсем разгони-бесѣду стал*) (СРГС, т. 4, с. 95), перм. *вылюдный* 'достойный, порядочный, приличный, приятный в общении' (*Она ведь вылюдная девка была, баская, сбаять и сговорить умела*) (СПГ, т. 1, с. 141), волог. *язычница* 'женщина, умеющая приятной беседой расположить к себе собеседника и благодаря этому добиться желаемого' (*Язышницы эти ко всем подъедут, всего добьются своим языком*) (СВГ, т. 12, с. 131), пск. *находчивый* 'умеющий найти подход к людям, общительный' (ПОС, т. 20, с. 404) и др. В этих языковых фактах подчеркивается не столько склонность или несклонность общаться, сколько социальное признание *людного* человека и асоциальность *нелюдима*.

Е. Л. Березович также отмечает несовершенство толкований, предлагаемых в лексикографических источниках: «Дефиниции, которые даются этим словам собирателями диалектной лексики и словарями, зачастую неточны и “скатываются” на более конкретные смыслы вроде “дружелюбный, приветливый”» [36, с. 26]. В поиске литературного эквивалента словам такого рода она обращается к слову *человеческий* 'такой, какой должен быть у людей, какой подобает людям', однако, анализируя особенности его семантики, отмечает невозможность его употребления в качестве «онтологической» (постоянной качественной) характеристики человека [Там же].

Таким образом, в современной культуре общительность человека воспринимается как характерная черта его индивидуальности, которая состоит в сочетании умений и природной предрасположенности к определенному стилю поведения в социуме, а в народной культу-

ре – как готовность к соблюдению традиций, правил общежития. Ср.: «В традиционном обществе человек обращен к окружающим прежде всего своими социальными атрибутами, а не личными свойствами: он член семьи, рода, общины и т. д. Именно социально-общественные и семейно-родственные характеристики и определяют в первую очередь его коммуникативный статус» [19, с. 15].

Учитывая все это, мы считаем возможным констатировать значительную семантическую дистанцию между понятиями *общительный* и *людный* вслед за Е. Л. Березович, которая завершает свое исследование заключением о том, что «традиционное сознание имеет более высокую степень “социализации”, чем сознание современного носителя книжной культуры» [36, с. 27]. Неслучайно в контексте к пск. *нарóдный* «общительный» (*Сямья ни народная, людей ни лю́бя*) (ПОС, т. 20, с. 215) присутствует сочетание прилагательного *народный* со словом *семья*. Самой возможностью такого сочетания подтверждается тот факт, что представитель деревенской общины оценивает чужую семью с позиций ее соответствия статусу социальной единицы, которая не должна проявлять асоциальность.

1.2. Контекстный анализ лексики поля «Общительность»

В записях диалектной речи сохраняются комментарии информантов в отношении слов, которые лексикограф затем определяет как выражающие смысл «общительный» или «нелюдимый». Реконструкция понятий по контекстам нацелена на экспликацию представлений, которые не входят в семантическое ядро, однако именно в них заключена специфичность той языковой среды, в которой созданы высказывания.

Препарирование контекстов основывается на анализе сочетаемости слов (*обыклой со всеми*), учете поясняющих частей высказывания (смол. *Ен у тябе такей мамзюля, слова с яго ня вытиниш* (ССГ, т. 6, с. 77), интерпретации однородных конструкций, в состав которых входит толкуемое диалектное слово (*народ неласковый, не свычайный*).

Общительный человек представлен в контекстах как совершающий следующие действия:

1) *легко вступает в речевое общение, много говорит с людьми*: волог. *простой на язык* ‘разговорчивый, общительный’ (*У меня лони постоялец жил, дак до того простой на язык! Всегда уж со мной поговорит*) (СВГ, т. 12, с. 129);

2) **со всеми находит общий язык:** каз.-некрас. *растрабідный* ‘живой, общительный’ (*Растрабідный со всеми хочет познаться, со всеми разговорит, беспокойный*) (СРНГ, т. 34, с. 271), тул. *обоюдный* ‘общительный, приветливый (о человеке)’ (*Приехала моя внучка, замуж вышла, муж мне понравился, такой обоюдный, все сидит со мной, со старухой*) (Там же, т. 22, с. 187), ворон. *обы́клой* ‘общительный, обходительный’ (*Иван наш обы́клой со всеми, все им довольны*) (Там же, с. 287);

3) **бывает на людях часто и охотно:** арх. *табу́нный* ‘общительный (о человеке)’ (*Марья такая активная, табунная женщина: все с людьми всегда*) (Там же, т. 43, с. 207);

4) **веселится, участвует в общем веселье, играх:** арх. *табу́шный конь* ‘об общительном человеке’ (*Она, девка, все, бывало, поет, она – табушный конь*) (Там же, с. 208);

5) **обнаруживает живой темперамент и умения, необходимые для общения:** киров. *поту́рный* ‘живой, общительный’ (*Потурная девчонка, развита, разговаривать умеет*) (Там же, т. 30, с. 316).

В свою очередь, необщительный человек, по результатам анализа высказываний диалектоносителей, ведет себя так:

1) **молчит:** брян. *зуй* ‘угрюмый, молчаливый, необщительный человек’ (*Ен жа таки зуй, что слова ни с ким зроду не сказаў*) (СНГЗБ, с. 124), перм. *тунгу́сливый* ‘неразговорчивый’ (*Сосед мой шибко тунгусливый, слова от его не дождешься*) (СПГ, т. 2, с. 454), смол. *махла́к* и *махла́ч* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (*Никали слова ни скажыть мыхлак такей*) (ССГ, т. 6, с. 85), смол. *медея́н* ‘молчаливый, угрюмый человек’ (*Тык ен жа мидилян, ниръзговорчистый, малчить; Што ты малчиш, как мидилян?*) (Там же, с. 88);

2) **избегает людей, держится особняком, ни с кем не поддерживает отношений:** влад. *нека́занка* ‘нелюдимый человек’ (*Что за такие неказанки: чтобы их никто не видел, да никто о них не говорил*) (СРНГ, т. 21, с. 56); карел. *нелюди́мок* ‘необщительный, неприветливый человек’ (*Нелюдимок боится людей, не разговаривает, избегает народа*) (СРГК, т. 3, с. 411), смол. как *махла́к* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (*Ен усигда людей стъраница, жыветь, як мыхлак*) (ССГ, т. 6, с. 85), перм. *кержа́к* ‘о нелюдимом, замкнутом человеке’ (*Ой, он такой кержак – ни с кем не водится*) (СПГ, т. 1, с. 387),

дон. *бóлдырь* ‘нелюдимый, угрюмый человек’ (*Болдырь – щилавек, он ни к людям, ни з богу ни прилипает*) (БТСДК, с. 49);

3) **не ладит с людьми:** печор. *кислúха* ‘необщительный, замкнутый человек’ (*Марфа-то неопходительна, с людьми хорошо разговаривать не любит, робить не хоцет, кислуха да*) (СРГНП, т. 1, с. 313);

4) **не выходит из дома:** новг. *тимтюк* ‘необщительный человек, нелюдим’ (*Как тимтюк сидит дома, никуда не ходит*) (КСРНГ), арх. *бóмка* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (*Никуды ни вылизает: как бомка сидит в избе*) (СГРС, т. 1, с. 147), карел. *жёрвик* ‘домосед, нелюдимый человек’ (*Сидишь все дома, вот и жёрвик; а выходишь в люди, это не жёрвик*) (СРГК, т. 2, с. 65);

5) **не принимает гостей:** новг. *побóрник* ‘нелюдимый, необщительный человек’ (*Ох, он такой поборник, к себе никого не пускает, и сам ни к кому не ходит*) (Там же, т. 4, с. 570), арх. *ерома́* ‘необщительный, нелюдимый человек’ (*Говорю: ерома ты ерома, две коровы да су-ма, все дороги заросли к тебе, народ не пойдет*) (СГРС, т. 3, с. 327);

6) **не ходит в гости:** смол. *косопéц* ‘о нелюдимом человеке’ (*Мой батька такей быу късапец, што никали у яго ни було друзей, никали ен ня ездюу у гости*) (ССГ, т. 5, с. 88);

7) **ведет отшельнический образ жизни, истово веруя в Бога:** арх. *нелюдный* ‘необщительный, замкнутый’ (*У ней курная изба, там старуха нелюдная, она богомольница*) (СРГК, т. 3, с. 411);

8) **принадлежит семье, которая живет замкнуто, нелюдимо:** перм. *невидím* (жен. *невидímка*) ‘нелюдим’ (*В соседях у меня невидимы, не разговаривают вовсе с народом*) (СПГ, т. 1, с. 584), арх. *однолiчник* ‘нелюдимый человек’ (*Они всю жизнь одноличники, ни с кем не знаются*) (СРГК, т. 4, с. 156);

9) **отличается от членов своей семьи нелюдимостью:** бурят. *шага́й* ‘злой, угрюмый, нелюдимый человек’ (*Во всей родове у нас такого шагая не было*) (СРГС, т. 5, с. 318);

10) **проявляет конфликтность в совместной с кем-либо, коллективной деятельности:** новг., волог., тамб. *неповóдный* ‘нелюдимый, неуживчивый, не обходительный’ (*С Матюшкой никакого дела не сладишь: все иде тебе поперек, такой парень неповодный*) (СРНГ, т. 21, с. 111);

11) **не участвует в играх, в общем веселье:** костром. *седу́н* ‘домосед; человек, который в компании сидит молча’ (*Седуны – которые*

не поют, не пляшут) (ЛК ТЭ); нижегор., влад., пенз., ленингр., свердл. *неулыба* ‘редко улыбающийся, хмурый, неприветливый человек’ (*Бывало все гогочут, визжат, а они, их скоко было: Нюшка, Аринка, Танька, Аксютка, во скоко, и все стоят взади всех, к им и ребята-то не подходят, так и звали неулыбы, все и остались векшами*) (СРНГ, т. 21, с. 193);

12) *не контактирует с лицами другого пола*: волог., ленингр. *нечунáй* ‘нелюдим’ (*Вот уж нечунáй, людей боится, никуда не ходит, девок боится, все и сидит в комнате*) (СРГК, т. 4, с. 20), волог. *ню́стя* ‘о застенчивом, стеснительном человеке’ (*Ой, ню́стя ты, па-рень, ню́стя; что с девками не разговариваешь?*) (Там же, с. 58);

13) *терпит неудачу в брачном выборе*: волог. *потема* ‘нелюдимый, скрытный, угрюмый человек’ (*Потемы, такого неприветливого, нашим девкам не надо*) (СВГ, т. 8, с. 15), забайкал. *тайго́вый* ‘молчаливый человек’ (*Не завлеку тебя, тайго́вый. Мало проку от тебя [из песни]*) (СРГС, т. 5, с. 21), ср.-урал. *не на мо́де* ‘необщительный, неловкий, мешковатый’ (*Она его не залюбела: он не на моде, а наши девки плясуньи. А он що – пестерь пестерем*) (СРНГ, т. 18, с. 195);

14) *проявляет недоброжелательность, неприветливость*: ср. контекст с отрицанием к арх. *свыча́йный* ‘приветливый, общительный’ (*В их краю народ неласковый, несвычайный*) (Там же, т. 36, с. 331);

15) *нарушает этикетные нормы*: дон. *закосне́лый* ‘замкнутый, неразговорчивый, упрямый’ (*Закаснелый, ни здарофкаица, атварачиваица*) (БТСДК, с. 171), пск. *ходи́ть что (ва́ня) стрю́цкий* ‘о неприветливом, невежливом, необщительном человеке’ (*А Ваньку-та, соседского, с пеленок знаю, а теперь вырос, ходит все равно что стрю́цкий. Мимо идет, гыркнит чтой-та – нет, чтоб «здрасьте»-то сказать, по-людски*) (СПП, с. 117);

16) *обнаруживает неразвитость, отсутствие умений, необходимых для общения*: ср. контекст с отрицанием к волог. *заня́тный* ‘общительный, разговорчивый (о человеке)’ (*Дуничев – он не занятный, не поговорит, не шутливой*) (СГРС, т. 4, с. 141);

17) *не поддается воспитанию (о ребенке)*: ленингр. *лесова́я дитя́* ‘упрямый, непослушный, неконтактный ребенок’ (*Лесовая дитя, так и в лис глядит, не слушается*) (СРГК, т. 3, с. 117).

Если общительность «диагностируется» по речевой активности, умению завязать и поддержать беседу, пребыванию на людях и участию в общем веселье, то языковой образ необщительного человека разработан существенно детальнее (табл. 1).

Таблица 1

Содержание понятий «общительный» и «необщительный»:
результаты контекстного анализа диалектных лексем

Общительный	Необщительный
Много говорит	Молчит
Со всеми находит общий язык	Не ладит с людьми
Обнаруживает живой характер, умения, необходимые для общения	Обнаруживает неразвитость, отсутствие умений, необходимых для общения
Бывает на людях	Не выходит из дома
Участвует в общем веселье	Не участвует в играх, в общем веселье
–	Проявляет недоброжелательность
–	Нарушает этикетные нормы
–	Не контактирует с лицами другого пола
–	Терпит неудачу в брачном выборе
–	Избегает людей, держится особняком, ни с кем не поддерживает отношений
–	Не принимает гостей
–	Не ходит в гости
–	Проявляет конфликтность в совместной работе
–	Не поддается воспитанию (о ребенке)
–	Принадлежит семье, которая живет замкнуто, нелюдимо
–	Отличается от членов своей семьи нелюдимостью

На основании вышеприведенных семантических рядов можно говорить о том, что общение осуществляется за счет арсенала речевых и этикетных навыков и является инструментом выполнения иной деятельности, поэтому лексико-семантическое поле «Общение» имеет точки соприкосновения с такими лексико-семантическими полями, как «Община», «Семья», «Брак», «Гощение», «Игра», «Работа», «Воспитание».

Итак, лексико-семантическое поле «Общительность», составленное языковыми фактами русских народных говоров, организовано вокруг центральной семемы «способствовать консолидации общества,

закрепляя добрососедские или родственные связи», выражающей одну из норм традиционной культуры. Уже в семантическом пространстве глаголов идея налаживания связей находится в тандеме с идеей разрыва отношений: с одной стороны – *ходитья, знатья*, с другой – *не коритья, не касатья*. Остальную часть поля (около 80 % от числа всех составляющих его лексических фактов) образуют субстантивные и адъективные единицы, а также фразеологизмы, которые представляют собой характеристики человека.

Понятие, которое в литературном языке называется *общительностью*, подразумевает умение инициировать и поддерживать речевой контакт, благожелательное отношение к людям и предрасположенность человека к взаимодействиям с другими людьми, если исходить из дефиниций слов. Если же опираться на записи диалектной речи, то помимо уже названных смыслов выявляются семы ‘бывать на людях’ и ‘участвовать в общем веселье’, которые составляют специфику изучаемого языкового идиома – русских народных говоров.

Под *необщительностью* понимаются избегание общения с людьми, непредрасположенность к общению, негативное эмоциональное состояние, неблагоприятное отношение к людям, нарушение этикетных норм, скудность вербальных проявлений. Препарирование диалектных контекстов позволяет дополнить этот семантический ряд еще несколькими характеристиками необщительного человека. Он затворник, находится вне системы гощений, не участвует в гуляниях, терпит неудачу в брачном выборе, не успешен в налаживании отношений с людьми, в том числе в совместной работе, принадлежит роду, все члены которого известны этим качеством, либо составляет исключение в семье, не поддается воспитанию. Эти ряды характеристик не обладают свойством однородности, поскольку максимально приближены к истолкованию действительности через посредство языковых фактов, в которых действительность отражена дискретно-избирательно с разной степенью ее детализации.

Каждый из этих языковых портретов включает пласт общенародных представлений и специфичные черты традиционной крестьянской культуры.

При осмыслении диалектных контекстов выясняется, что общительность и необщительность человека проявляются в таких сферах жизни, как соседские отношения, семья, брак, гощение, игра, работа, воспитание.

Изложим некоторые выводы о специфике и перспективах изучения лексико-семантического поля «Общительность».

1. Среди диалектных номинаций, описывающих традиционный социум и взаимодействия в нем, должны быть выявлены слова, значения которых специфичны для данного языкового идиома. Так, слова *людимый, народный* (см. выше), а также свердл. *общей* 'общительный' (*Он людивой, а понятней-то – народной, обшшой*) (СРГСУ/Д, с. 359) концептуально отличаются от литературного слова *общительный*, с которым они ставятся в один ряд, и обозначаемые ими понятия могут считаться ключевыми для традиционного народного мировоззрения.

В новой культуре общительность рассматривается в «деятельностном» аспекте, расценивается как инструмент достижения личных высот, получения выгоды, ср. примеры из современного публицистического дискурса: *Общительность Лене на пользу: познакомилась с дамой-руководителем, произвела убедительное впечатление и получила хороший заказ на оформление московского ресторана!* («Биржа плюс свой дом», 2002); *В результате Машина общительность была оценена – титул достался именно ей* («Амурский Меридиан», 2004); *Сангвиник обладает живым, бойким темпераментом, он постоянно стремится к переменам, ему свойственны общительность, быстрота и оперативность в работе* («Марийская правда», 2003) (НКРЯ).

В народной культуре на первом месте стоит не личная успешность, а успешность встраивания человека в социальную группу, поэтому важна не *общительность* как характеристика яркой и сильной индивидуальности, а *народность, людимость* как качества, помогающие человеку подтвердить свойскость знанием правил, традиций и конвенциональным поведением, этим обеспечив себе место в социальной структуре общины. Отсюда множество негативно-оценочных высказываний в отношении необщительных людей (*нелюдимов*), живущих отстраненно, ср. перм. *закожурник* 'замкнутый, необщительный, скрытный человек' (*У нас его все как закожурника знают*) (СПГ, т. 1, с. 290).

2. Общение представлено в лексике и контекстах как регулируемая сфера взаимодействия, из чего следует возможность исследования поля в нормативном ракурсе, т. е. с точки зрения отражения в нем форм социальной регламентации, имеющей огромное значение в традиционном обществе.

Глава 2. Мотивационная структура лексического поля «Общительность» в русских народных говорах

Использование ономазиологического подхода к изучению номинаций, составляющих лексико-семантическое поле «Общительность» в русских народных говорах, обусловлено тем, что эти языковые единицы, в особенности оценочные характеристики человека, численно преобладающие в этом поле, представляют собой слова, длительно сохраняющие понятной внутреннюю форму: диал. *невыгляд*, *людный*, *чужеватый*, *конурник* и др. Для них легко восстанавливаются производящие основы: *людный* от *люди*, *невыгляд* от (*не*) *выглядывать* и т. д. При утрате прозрачности внутренняя форма слова может быть реконструирована этимологически, как, например, для слов *мумра*, *ветляный*. В тех случаях вторичной номинации, когда у слова появляется переносное значение без изменения словообразовательной структуры, следует ориентироваться на семантический источник, т. е. на первичное значение слова. Например, внутренняя форма таких обозначений нелюдима, как *бука*, *кикимора*, *жировик*, не играет роли или выполняет лишь вспомогательные функции для понимания того, почему названия домовых регулярно приобретают переносное значение «необщительный человек».

Далее будут представлены предметно-тематические коды, к которым обращаются носители русских народных говоров при выборе языкового знака (номинации) для обозначения степени социальности личности или для обозначения общительного vs. необщительного человека. Порядок следования кодов определен исходя из количества и продуктивности мотивационных моделей, соотнесенных с каждой предметно-тематической сферой.

2.1. Антропологический код

Общительность и необщительность – черты характера, которые проявляются исключительно в социуме. Во многом поэтому при выборе мотивировочного элемента для обозначений общительного либо замкнутого человека носитель языка нередко прямо обращается к категориям социальной сферы (понятие социальной сферы осмысливается через соотнесенность с другими понятиями этой же сферы).

Носитель традиционной народной культуры осознает себя единицей, которая должна суметь «встроиться» в некое единство под названием *люди, мир, народ, артель*. В разряд ценностей входят мирное сосуществование человека с другими членами общины и устойчивое положение в ней.

Невероятную продуктивность в образовании обозначения общительного и необщительного человека обнаруживает основа *люди*, которая неоднократно попадала в фокус лингвистических исследований [31, с. 213; 36, с. 82–111; 102; 153, с. 139–146; 205, с. 106–146; 253, с. 481, 558; 277, с. 168–170 и др.]. Другие обозначения множества людей – *народ, мир, артель*, также не раз описанные в лингвистической литературе, проявляют существенно меньшую активность в производстве обозначений человека по склонности к общению.

В настоящей книге мы коснемся только социально обусловленной стороны понятий, стоящих за словами *люди, народ, мир*, поэтому выборочно будем обращаться к результатам упомянутых выше комплексных исследований, затрагивающих гипотезы происхождения обозначений людских множеств, историю развития их значений, семантику их производных и т. д.

Например, Е. Л. Березович, ставя перед собой задачу описания «семантико-прагматической программы» слова *люди*, на обширном русском диалектном материале показывает, что «весьма небогатое по своему основному значению слово организует вокруг себя исключительно разветвленную сеть семантических и словообразовательных связей, огромное лексико-семантическое пространство, которое постоянно расширяется» [36, с. 84]. Это слово, имеющее «личностное» и «социумное» содержание, обозначает, по мысли Е. Л. Березович, в первую очередь социальный феномен и выражает идею нормы (*людски, по-людски* «правильно, как следует») [Там же, с. 86, 94]. С. Е. Никитина также считает возможным включить слово *люди* в значении ‘мн. число от *человек*’ в круг названий социума в самом общем смысле [205, с. 110].

Наблюдения Е. Л. Березович над такой особенностью семантики слова *люди*, как «перемещающаяся точка зрения», состоящая в том, что человек то включает себя в это множество (приравниваются категории *люди* и *мы, свои*), то исключает себя из числа

тех, кого обозначает словом *люди* (приравниваются категории *люди* и *они*, *чужие*) [36, с. 82–111], свидетельствуют о том, что перед нами понятие высокой социальной значимости. В его языковых репрезентациях акцентировано разделение людей на свободных и зависимых, своих и чужих, имеющих прочное положение в обществе и непутевых, воспитанных и невоспитанных, общительных и нелюдимых.

Дериваты основы *люди* со значениями ‘необщительный человек’, известные литературному языку, немногочисленны. Оформленные при помощи суффикса *-им-* и отрицания *не*, они выражают негативную характеристику человека: *нелюдимый* ‘малообщительный, предпочитающий одиночество’, *нелюдим* (женск. *нелюдимка*) ‘нелюдимый человек’, *держаться*, *жить нелюдимом*, *нелюдимость* и устар. *нелюдимство* ‘свойство нелюдимого, угрюмость, склонность к одиночеству’ (ССРЛЯ, т. 7, с. 963). Ср.: «Современный русский литературный язык не знает “характерологических” дериватов корня *люд-* – за исключением *нелюдимый* ‘избегающий общения с людьми, предпочитающий одиночество’, которое принадлежит, пожалуй, в равной мере к сфере темперамента» [36, с. 98].

В русских народных говорах также зафиксированы слова, имеющие суффикс *-им-*: диал. (б/у места) *нелюдимый* ‘бегающий общества’ (Даль, т. 2, с. 538), том., кемер., киргиз. *нелюдимец* ‘нелюдим’ (СРНГ, т. 21, с. 75), диал. (б/у места) *нелюдимка*, *нелюдимица* ‘не терпящий людей, общества, удаляющийся от них, склонный к одиночеству; человек угрюмый, молчаливый’ (Даль, т. 2, с. 538), волгогр. *нелюдимок* ‘замкнутый, предпочитающий одиночество, нелюдимый человек’ (СДГВО, т. 3, с. 483), карел. *нелюдимок* ‘необщительный, неприветливый человек’ (СРГК, т. 3, с. 411).

Однако диалектные материалы существенно расширяют круг подобных обозначений за счет использования других аффиксов либо сложения основ: каз.-некрас. *малолюдный* ‘замкнутый, необщительный’ (СРНГ, т. 17, с. 334), пск., твер. *нелюда* ‘нелюдимый человек’ (Там же, т. 21, с. 75), пск., твер., костром., ряз., яросл. *нелюдь* ‘нелюдимый человек’ (Там же, с. 76), дон. *нелюдевый* ‘нелюдимый’ (БТСДК, с. 318), арх. *нелюдный*, карел. *нелюдоватый*, карел. *нелюдовый*, ленингр. *нелюдяный* ‘необщительный, замкнутый’ (СРГК, т. 3, с. 411),

горьк. *нелюдяй* ‘нелюдим’ (СРНГ, т. 21, с. 76), дон. *нелюдевый* ‘нелюдимый’ (Там же, с. 75). Прозрачна внутренняя форма арх. *ненлюдный* ‘необщительный, боящийся людей, избегающий их’ (Там же, с. 94) (‘не <любить бывать> на людях’). При помощи приставки *от-* манифестируется сема отъединения от всех, разобщенности: краснояр. *отлюдник* (уд.?) ‘неразговорчивый, нелюдимый человек’ (*Вот отлюдник, все дома сидит*) (Там же, т. 24, с. 234).

Фиксируются существительные со значением собирательности: пск., твер. *нелюдье* ‘нелюдимые люди’ (Там же, т. 21, с. 76), пск. *безлюдье* ‘нелюдимые, необщительные люди’ (ПОС, т. 1, с. 154).

Только в русских народных говорах словом *люди* мотивируются обозначения человека общительного, умеющего обходиться с людьми, уживчивого: новг. *людимый* ‘общительный, веселый’ (НОС, т. 5, с. 58), волгогр. *людимый* ‘легко входящий в общение с другими, склонный к общению, общительный’ (СДГВО, т. 3, с. 310), свердл., орл. *людный* ‘общительный’ (СОГ, т. 6, с. 89; СРГСУ/Д, с. 290), ленингр. *люденной*, арх. *людный*, ленингр., карел. *людской*, карел. *людявый* ‘общительный, незамкнутый’ (СРГК, т. 3, с. 169), костром. *слюдный* ‘такой, который хорошо уживается с людьми’ (*Слюдная баба – с ей любой зять уживется*) (ЛК ТЭ), перм. *солудной* ‘способный к общению с людьми’ (СПГ, т. 2, с. 373), пск., твер. *полюдный* ‘общительный, обходительный’ (СРНГ, т. 29, с. 186), костром. *вылюдный* ‘о человеке, приятном в обществе: он хорошо одевается, относится ко всем с уважением, хорошо себя ведет’ (*Вылюдный хорошо снаряжается, сам себя ведет культурно*) и ‘коммуникабельный, контактный, добрый’ (*Вылюдная девка, в людях хороша, добра, весела*) (ЛК ТЭ). Свердл. *людивый* ‘разговорчивый’ (СРНГ, т. 17, с. 242) содержит суффикс *-ив-*, образующий прилагательные со значением постоянного свойства, склонности к чему-либо, обладания каким-нибудь качеством в большой степени (*правдивый, ленивый, строптивый, лживый, игривый*).

В русских народных говорах можно обнаружить и глаголы с интересующей нас внутренней формой и семантикой.

Глаголами обозначаются модели поведения, predeterminedенные «степенью социальности» личности: пск., твер., новг. *людиться* ‘знакомиться; водиться с людьми’ (СРНГ, т. 17, с. 242), пск., твер.

нелю́диться ‘избегать людей, дичиться’ (СРНГ, т. 21, с. 76) и диал. (б/у места) *нелю́диться* ‘дичать, дичиться, избегать людей’ (Даль, т. 2, с. 538).

Мотив вовлечения человека в социальные связи внутри группы лежит в основе новг. *люди́ть* ‘брать в компанию’ (*Кумушки-голубушки, подруженьки мои! Кумитесе, людитесе, людите и меня*) (СРНГ, т. 17, с. 242).

Возможность изменения модели поведения зафиксирована в волог., яросл., пск., смол. *людéть* ‘становиться более общительным, человечным’ (Там же), брян. *полюднёть* ‘стать общительным, приветливым’ (Там же, т. 29, с. 186), образованных по типу *стареть, добреть, матереть, полнеть, звереть, темнеть, богатеть, хорошеть* с общим значением ‘становиться каким-либо’. Примечателен в отношении установления антонимических связей пример словоупотребления: *В лесе лесуют, в людях людеют* (Там же). Ср.: пск. *Дяла́-та идúть по́ миру, а ня по́ лясу* (ПОС, т. 17, с. 6). В качестве оппозита обществу людей выступает лес, который, как известно, манифестирует дикость и безлюдье, а случай синтаксического параллелизма делает явственным локативное значение обоих обстоятельств: «в лесе» и «в людях». Окружение людьми, социум выступает как локус, в котором или вне которого склонен находиться человек.

Остановимся на слове, выбивающемся из ряда рассмотренных номинаций: карел. *людова́тый* ‘необщительный, нелюдимый’ (СРГК, т. 3, с. 169). Оно образовано от основы *люди* без отрицательного форманта – казалось бы, вопреки логике. Возможно, свою роль здесь сыграл суффикс *-оват-*, имеющий значение ослабленного качества, тогда внутренняя форма «немного, чуть-чуть людный» передает смысл ‘не очень общительный’. Иначе можно объяснить слово генерализацией семы ‘чужой’, свойственной основе *люди*. Ср. орл. *людско́й* ‘не принадлежащий себе, чужой’ (*Лютскии сынавья приходють, домъ пьмагають*) (СОГ, т. 6, с. 89), ряз. *люди́* ‘другие, посторонние’ и ‘чужие, неродные’ (Деул. сл., с. 285), ряз. *людско́й* ‘чужой, не наш’ (*Л’утск’ии вон пьрас’ата хóд’ут, пьл’ажат’*) (Там же) и др. Тогда обсуждаемое слово по своей семантико-словообразовательной структуре сходно с том. *чужева́тый* ‘не очень общительный, несколько замкнутый’ (СРГС, т. 5, с. 305).

Обобщая сказанное о словах, которые мотивированы словом *люди*¹, обратим внимание на «ономасиологическую» лакуну в литературном языке (в нем нет таких обозначений общительного человека), а также на деривационную и морфологическую ограниченность обозначений необщительного человека (представлены только слова с суффиксом *-им-*, при этом только имена существительные и прилагательные). В русских народных говорах бытуют обозначения как общительного, так и необщительного человека, мотивированные словом *люди* и оформленные с привлечением разных суффиксов и приставок, представлены имена существительные, в том числе собирательные, а также имена прилагательные и глаголы.

В лексико-семантическое поле «Социальность личности» вовлечены в качестве «донорского» материала существительные *народ*, *мир*, *артель*, первично называющие людей и их объединения. Как сообщают словари русского литературного языка, первое слово является обо-

¹ Для диалектоносителя за словом *люди* стоит несоизмеримо более весомый этнокультурный потенциал, чем для человека, воспитанного в новой языковой среде. Например, фразеологизмы с социальной семантикой, имеющие в своем составе слово *люди* или его дериваты, свидетельствуют о том, что вместо неопределенного множества людей говорящий подразумевает чужую семью, куда молодая жена попадет после свадьбы; чужую деревню, где иначе разговаривают; соседей, к которым человек отправляется в гости; жителей своей деревни, собравшихся в церкви и т. д.: ленингр. *в людях* 'в семье мужа' (СРНГ, т. 17, с. 242), пск. *идти в люди* 'выходить замуж' и *отдать в люди* 'выдать замуж' (СПП, с. 51), зап. *про люди (идти)* 'в люди, в гости идти' (СРНГ, т. 32, с. 77), ленингр. *в людях* 'в других местах, где живут другие люди' (*По-русски говорят, калитка – дверь в огород, у нас засовня, а в людях заворы; по-нашему, рига, а в людях овин*) (Там же, т. 17, с. 242), новг. *навылюдь* 'в общество, на люди' (*Навылюдь в церковь ране ходили*) (СРГК, т. 3, с. 305), перм. *навылюдек, навйлюди, навйлюдь, навйлюдь* 'в общество, в люди' (СПГ, т. 1, с. 543). Если человек вступал во взрослость и заводил семью, имел свой дом и был уважаем в обществе, это означало занять свое место, т. е. *быть в людях*: карел. *в лю́дях (быть)* 'иметь самостоятельность, прочное положение в обществе' (*Вот одного доростить осталось, остальные в людях*) (СРГК, т. 3, с. 169).

В новой культуре с фразеологизмом, содержащим слово *люди*, связывается иное. Представление о благополучном закреплении человека в обществе вытеснено представлением о достижении социального престижа и материального благополучия, поэтому в дефинициях речь идет уже не о «прочном» положении, а о «заметном»: лит. *выбиться в люди* 'с трудом достигнуть, добиться заметного общественного положения' (ССРЛЯ, т. 2, с. 946). Человек в традиционном обществе ориентирован на то, чтобы занять свое место, а ценностная школа нового времени включает в качестве приоритета высокое место в социальной иерархии.

значением нерасчлененного множества людей (в этом случае оно синонимично существительному *люди*) либо очень крупных групп: *народ* ‘люди’, ‘эксплуатируемая часть классового общества’, ‘население государства’, ‘нация’ (ССРЛЯ, т. 7, с. 447), ср. *на народе* ‘в обществе, в коллективе’ (Там же). Второе обозначает и большие, и малые группы людей: *мир* ‘человечество’, ‘общество, коллектив (главным образом о крестьянах)’, ‘сельская община’ (Там же, т. 6, с. 1035). Третье слово выражает еще более узкую социальную семантику, называя объединение для совместной работы: простореч. *артель* ‘о группе лиц, связанных общими действиями’, ‘товарищество’ (Там же, т. 1, с. 191).

Обозначения людских множеств уже рассматривались в научной литературе с разных позиций [36, с. 25–27, 81–112; 57, с. 327–328; 205, с. 147–190; 253, с. 95–131; 275 и др.]. Нас будут интересовать те наблюдения, которые раскрывают потенциал этих слов в отражении представлений о социуме.

Например, С. Е. Никитина описывает понятия, стоящие за словами *человек, люди, род, язык, племя, мир* при их использовании в духовных псалмах, духовных стихах и молоканских песнях, оценивает специфическую жанровую нагруженность этих слов, составляет развернутые комментированные словарные статьи (тезаурусные описания), снабженные многочисленными иллюстрациями из фольклорных конфессиональных текстов русской народной культуры [204; 205]. Анализируя обозначения людских множеств, С. Е. Никитина проводит сравнение особенностей семантики таких слов: «В слове *люди* нет признака общей территории (постоянной или временной, ситуативной), важного и для слова *народ*, и для слова *мир*. *Народом* же в том же самом значении (‘мн. число от *человек*’) называются люди, находящиеся вместе, поэтому может быть *толпа народа* и *толпа людей*; когда же *народ расходится*, то *народ* превращается в *людей*. Отдельный человек в *людях* чувствуется сильнее, чем в *народе* (в *человеках* эта отдельность еще сильнее, чем в *людях*). Что же касается *мира*, то он обладает целым рядом признаков, ограничивающих его возможность заменять слово *люди*» [205, с. 110].

Составляя характеристику употребления слова *народ* в фольклорных конфессиональных текстах русской народной культуры, С. Е. Никитина указывает на его производность от существительного *род* и, как следствие, на этимологическую связь с семантикой рожде-

ния, происхождения, единого источника, произрастания, затем приводит значения, актуализированные в традиционном фольклоре: *народ* ‘этнос’, ‘люди’, ‘сообщество людей, объединенных общностью происхождения или вероучением’ [205, с. 147–190].

Рассматривая омонимы *мир* ‘вселенная’ и *мир* ‘сообщество людей’, С. Е. Никитина отмечает их тесную связь с оппозицией «свое – чужое» и доказывает, что в текстах конфессиональных групп слово *мир*, в отличие от «светских» (мирских, нерелигиозных) текстов, утрачивает характеристики «своего» пространства или социума. По наблюдениям этого автора, за словом *мир* стоит сложная структура «вложенных» миров: большого мира всего живого (вселенной), общинного мира, православного мира, мира-пустыни (т. е. монастыря, противопоставленного миру грешников по признаку чистоты-нечистоты) и т. д. [Там же, с. 190–229].

Ж. Ж. Варбот затрагивает вопрос происхождения слав. **mirь*, приводя доказательства в пользу того, что в ряде языковых фактов сохранились древние индоевропейские представления «о социальной организации как следствии договора, о состоянии дружбы, которое должно объединять людей коллектива, так что значения ‘договор’, ‘соглашение’ являются древнейшими элементами в семантике слав. **mirь*» [57, с. 327–328].

Экскурс в историю слова *мир* приводит Ю. С. Степанова к мысли о том, что ядром соединения значений этого слова (‘вселенная’ и ‘согласные отношения между людьми’) является концепт СВОИ в противопоставлении ЧУЖИМ: «*Мир* в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди ”моего племени”, “моего рода”, “мы”, место хорошо обжитое, хорошо устроенное место, где господствуют “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут “чужие”, неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам – страшно» [253, с. 95]. Ю. С. Степанов выявляет триединство «место – согласие – жизнь», компоненты которого существуют нераздельно в понятии «община-мир»: «Концепт “Мир” в древнерусской культуре восстанавливался как непосредственное продолжение архаического концепта “Мир”: пространство, сравнительно небольшое, отграниченное от остального мира, где живут “свои”, “мы”, “наше племя”, “наш род”; где

все люди “милы” друг другу; где господствуют хорошие договорные отношения, “лад”, “мир”, “покой”; это место, где процветает “жизнь”, а может быть, где она была и “зарождена”» [253, с. 99].

Таким образом, слова *мир* и *народ* имеют выраженное «социальное звучание», что объясняет их участие в образовании диалектных и просторечных наименований, характеризующих человека по склонности к общению. Количество и оформление их производных со значениями ‘общительный человек’, ‘необщительный человек’ не сравнится с деривационным разнообразием предыдущей группы, т. е. с результатами разработки производящей основы *люди*: заурал., перм., курган. *нарóдный* ‘общительный’ (СРНГ, т. 20, с. 127), ср.-урал. *ненарóдный* ‘необщительный’ (Там же, т. 21, с. 95), простореч. *артéльный* ‘общительный’ (ССРЛЯ, т. 1, с. 191), ряз. *артéльский* ‘общительный, не замкнутый’ (Деул. сл., с. 47), арх. *неартéльный* ‘необщительный, неуживчивый’ (СРНГ, т. 20, с. 314).

Наконец, к обозначениям единиц социума можно отнести, как нам кажется, слово *сосед*, поскольку именно соседи образуют ближние звенья в микросоциуме. Если это существительное мотивирует характеристику человека по общительности, значит, представление о контакте с соседями как о существенной части связей внутри общины устойчиво в диалектном сознании. Ср. волог. *сусéдливый* ‘согласно, мирно живущий с соседями’ (Диакторский, с. 491). Мотив добрососедских отношений запечатлен в терск., свердл., бурят. *сосéдливый* ‘дружелюбный, приветливый; уживчивый, общительный’ (*Уж такой он соседливый, не успел приехать, а уж со всеми перезнакомился*) (СРНГ, т. 40, с. 41). Умения ладить, уживаться с людьми, действовать обходительностью, связываемые с образом соседа, затрагивают не столько сферу личных отношений, сколько область социальных связей.

Социальность (уже – общительность) трактуется диалектоносителями прежде всего как качество, влияющее на единство или размежевание людей, составляющих сельскую общину, поэтому эксплуатируются приставки со значениями присоединения и отделения: костром. *слюдный*, перм. *солюдной*, краснояр. *отлюдник* (уд.?). В нелюдности видится нарушение общинности. Кроме того, общительность предстает как качество, диагностирующее и обеспечивающее социализацию, способность жить в согласии со средой, приобретение места в социуме, залог благополучия в замужестве, совместной жизни, соседских отношениях.

Многие из представленных далее моделей поддерживают, уточняют эту трактовку отношений человека и других членов того микро-социума, в котором он живет.

К категориям социального кода следует отнести семантическую оппозицию «свой – чужой», согласно которой общительный человек принадлежит к группе «свои» и ведет себя по-свойски, а необщительного воспринимают как «чужого», поскольку он ведет себя как чужой, сторонится всех, «чужается» людей: яросл. *сво́йный* ‘общительный, уживчивый человек’ (*Какая-то она не свояня*) (ЧПИ, с. 480), рус. (литов.) *сво́йский* ‘откровенный, общительный’ (*Яны свояские люди, с им можно и посидеть и поболтать*) (СРНГ, т. 36, с. 319), арх. *сво́йчатый* ‘обходительный, общительный, разговорчивый’ (Там же, с. 319), костром. *несво́йный* ‘необщительный’ (Там же, т. 21, с. 149), пск., твер. *чужа́к* ‘дикий, нелюдимый человек’ (КСРНГ), том. *чужева́тый* ‘не очень общительный, несколько замкнутый’ (СРГС, т. 5, с. 305), ср.-обск. *чужева́тый* ‘не очень общительный, несколько замкнутый’ (*Мальчик маленький чужеватый был*) (КСРНГ).

Обособленность нелюдима, его изолированность от общества объективирована при помощи мотивировочных признаков «особый, обособленный» и «один»: печор. *в о́соби жить* ‘быть необщительным, нелюдимым’ (ФСРГНП, т. 1, с. 94), арх. *одноли́чник* ‘нелюдимый человек’ (*Они всю жизнь одноличники, ни с кем не знаются*) (СРГК, т. 4, с. 156). Соответственно, при назывании человека по умению находить общий язык с людьми используются корни *-друж-*, *-союз-* и *-об(а)-*, выражающие семантику объединения, кооперации: арх. *дру́жный* ‘общительный, компанейский’ (*Дружный мужик был*) (СРНГ, т. 8, с. 218), перм. *сою́зный* ‘коллективный, дружный’ (*Раньше-то какие-то союзные люди были, все вместе: и праздник, и лето, а нынче все одинаково делают*) (СПГ, т. 2, с. 380), тул. *обою́дный*¹ ‘общительный, приветливый (о человеке)’ (*Приехала моя внучка, замуж вышла, муж мне понравился, такой обоюдный, все сидит со мной, со старухой*) (СРНГ, т. 22, с. 187).

При характеристике замкнутого человека эксплуатируется метафора неуспешной организации совместного труда: свердл. *несро́б-*

¹ Слово *обоюдный* производится от *оба*, *обо́е* с присоединением *-оди*, аналогично *всю́ду* (Фасмер, т. 3, с. 106).

ливый 'такой, с которым трудно сработаться' и 'замкнутый, молчаливый' (СРНГ, т. 21, с. 163); ср.- урал. *Дружность ибязательна должна быть на работе и в семье* (Там же, т. 8, с. 218).

Восприятие представителей других конфессий лежит в основе ср.-урал. *кержак* 'упрямый или замкнутый человек' (*Твой-то кержак все молчком*) (Там же, т. 13, с. 187); ср. диал. *кержак* 'старообрядец, раскольник' (Там же). В основе вторичного наименования лежит стереотип иноверца, далекого от людей определенной социальной группы и потому, что он иной веры, и потому, что он крепко держится веры. На основании представлений о чужести, инаковости старообрядца разрабатывается семантика необщительности.

Наконец, в числе экспрессивных обозначений необщительного человека находятся номинации антропонимического происхождения. Мотив их появления следует искать, как правило, в области этносоциокультурных проекций, «прикрепленных» к имени, т. е. возбуждаемых в сознании носителя языка употреблением ономастического знака. Мотивационный анализ в этом случае состоит в оценке коннотативного фона имени либо семантическом анализе всей совокупности апеллятивов, появившихся на базе имени и его дериватов.

Упоминавшийся выше стереотип восприятия человека другой веры проявляется в смол. *мухамед* 'суровый, неласковый, необщительный человек' (Там же, т. 19, с. 35). Имя Мохаммед устойчиво ассоциируется с мусульманством как социокультурным слоем, ср. одно из названий этой веры – *магометанская*. Антропоним воспринимается не только как имя пророка, но и как «типичное имя» любого «рядового представителя» религии без строгой этнической привязки, т. е. проецируется в наивно-языковом сознании на людей разных этнических групп, исповедующих ислам. По мнению И. В. Родионовой, этот антропоним имеет выраженные негативные коннотации: «Имя – типичное мусульманское – выступает здесь как носитель комплекса негативных коннотаций, обусловленных отрицательным отношением к представителям другой национальности и другой религии» [235, с. 186]. Думается, апеллятивизация имени и появление у него значения 'необщительный' обусловлены тем, что суровость, враждебность осознаются как проявления религиозной нетерпимости.

Использованием антропонима в качестве мотивирующего элемента запускаются те же механизмы реализации мотива, как и ис-

пользованием средств других предметно-тематических кодов. Из всего шлейфа характерологических сем, закрепленных за именем, с которым связываются определенные этносоциокультурные проекции, при создании отыменного апеллятива актуализируется одна сема, наиболее точно соответствующая представлениям об одном из качеств номинируемого объекта.

2.2. Мифологический код

Длинный ряд вторичных обозначений необщительного человека образован семантическими дериватами названий мифологических существ, по преимуществу домовый нечисти.

В литературном языке XIX в. встречается в сравнительном обороте существительное *кикимора*, а современному просторечию известна лексема *бука*: лит. как *кикимора* 'о неприятном или нелюдимом человеке' (*А вот возьму и буду сидеть у себя дома, как кикимора* – Мамин-Сибиряк, «Дорогой друг») (ССРЛЯ, т. 5, с. 940), простореч. *бука* «угрюмый человек, нелюдим» (Там же, т. 1, с. 675). Мотивы привлечения этих образов интуитивно понятны носителю современного русского языка, однако факт обращения к этой образной сфере особенно характерен для диалектоносителя, сознание которого в большей мере, чем мышление горожанина, опирается на некоторый мифологический субстрат. Основная часть номинативного фонда, в котором реализована обсуждаемая регулярная семантическая модель, сосредоточена в русских народных говорах.

Далее лексический материал распределен по группам в соответствии с семантическими линиями, которые можно обозначить в представлениях о нечисти и о нелюдиме. Обратим внимание, что эти представления объективированы не во внутренней форме слов, а **в контекстах**, включающих в себя обозначения необщительного человека, и **в дефинициях слов**, вторичных по отношению к названиям демонологических персонажей. В некоторых случаях необходимо проводится реконструкция культурного фона на базе народной мифологии.

Контексты и дефиниции во многих случаях содержат указание на один признак ('не выходит из дома', 'молчит' и т. д.), которым говорящий обосновывает сходство между человеком и домовым, поэтому стало возможным прибегнуть к такому порядку подачи мате-

риала. Однако заметим, что ни комментарий информанта, ни пояснение лексикографа не могут служить основанием для вывода о том, что обозначение нелюдима мотивировано одним признаком объекта номинации. Семантический перенос 'домовой' → 'нелюдим' отличается от других номинативных моделей тем, что человек опирается на образ мифологического существа в целом, без вычленения какой-либо одной его характеристики.

Не выходит из дома, со двора, как дворовушко, бомка, доможирко. Разделение своего и чужого пространства для носителя традиционного общества начинается с отделения своего жилища от чужой территории, которая вмещает другие дома и общее для всех пространство, по сути бесхозное. Свой дом – это первый, наиболее «автономизированный» круг пространства, «центр мира». Далее, расходясь вовне, располагаются другие круги. Так, «своим» пространством считается не только дом, но и двор. Это второй круг, в большой мере освоенная земля, доступная для чужих только с позволения хозяев. За ним начинается территория «общественная», открытая, хотя и не безусловно. Полная «свобода пользования» ею принадлежит только представителям того же социума, а все другие, приходящие из внешнего круга, еще более далекого, завладевают вниманием «здешних», тревожат их.

Разрывы между этими «вложенными кольцами» различаются по величине. Второе кольцо (двор) незначительно отстоит от первого (домового локуса) в сопоставлении с ощутимо большой дистанцией между двором и «общественным» пространством улиц и чужих дворов, домов, составляющих поселение. То, что находится до границы чужого пространства, трактуется как укрытые от чужих глаз владения и вместе с тем как место обитания домового и дворового – владельцев и покровителей хозяйства.

Дом и двор населены нечистью, и там же в добровольном затворничестве живет необщительный, замкнутый человек. Сема локализованности (привязанности к дому) роднит языковые образы домового и нелюдима.

В контекстных употреблениях демонологом актуализируется домашний микролокус – печь¹: арх. *доможи́рка, доможи́рко, домо-*

¹ О матице, очаге, печи, угле как фольклорных и мифологических символах дома см. СД [Т. 2, с. 116–120].

жѳрушка, доможѳрушко ‘добрый или злой дух, живущий в доме; домовой’ (*Доможѳрко под печкой живе*) (СГРС, т. 3, с. 250), арх. бѳмка¹ ‘домовой’ (*Бѳмка-то домовой, под пичкой живет*) (Там же, т. 1, с. 147). Эти слова используются и как обозначения нелюдима, при этом в контекстах говорится о затворничестве человека, его постоянном пребывании дома: арх. *доможѳриха* ‘необщительная, угрюмая женщина’ (*Доможѳриха все дома сидит, в людях не видно*), волог. *доможѳр* и арх. *доможѳрушко* ‘домосед’ (*Там посерее род был, все – доможѳры, ходили из угла в угол. А у нас мужики дома не сидели, на чужой стороне работали*) (Там же, т. 3, с. 250), арх. бѳмка ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (*Никуды ни вылизает: как бѳмка сидит в избе*) (Там же, т. 1, с. 147).

Сема ‘за печью’ закреплена и во внутренней форме диал. (б/у места) *запечник* ‘родственный запечельнице мужской образ, дух вроде домового’ (Новичкова, 1995, с. 186), карел. *запѳчельница* и *запѳчельная мѳра* ‘по мифологическим представлениям, дух, обитающий за печкой’ (*Бабка запѳчельница, она ведь не показывается людям, пой вей, где она живет, я не видала; А за печкой жила запѳчельница, и говорят: положи пряжу благословясь, а то придет запѳчельница*) (СРГК, т. 2, с. 173–174), арх. *запѳченник* ‘дух, бес, обитающий в доме за печкой’ (СРНГ, т. 10, с. 315). Возможно, под их влиянием появились обозначения нелюдима: пск., смол. *запѳчник* ‘нелюдимый, прячущийся от посторонних за печкой или на печке человек’, урал. *запѳчная бѳушка* ‘об избегающем общества нелюдимом человеке, домоседе’ (Там же, с. 315–316) и др.

«Донорским» материалом для появления вторичных номинаций служит слово *кикимора*. Как сообщают этимологические словари, оно относится к континуантам слав. **mora*, несмотря на то что удовлетворительного толкования форманта *кики-* не имеется (ЭССЯ, т. 19, с. 213; Там же, т. 13, с. 261; Преображенский, т. 1, с. 307; Фасмер, т. 2, с. 231). Кикимора известна как женский персонаж, живущий в доме: диал. (б/у места) *кикимора* ‘род домового, который по ночам прячет; он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробами и вьюшкою’ (Даль, т. 2, с. 108), вят. *кикѳмор-*

¹ Стереотипное представление о том, что домовый прячется, положено в основу названия игры: арх. *бѳмкой игрѳть* ‘играть в прятки’ (СГРС, т. 1, с. 147). Неслучайно информанты отмечают, что им самим видеть домовых не доводилось.

ка 'по суеверным представлениям – мифическое существо – кикимора' (СРНГ, т. 13, с. 205). Вместе с тем эти существительные употребляются в русских народных говорах в качестве характеристик человека: диал. *кикі́мора* 'домосед, нелюдим, невидимка, кто вечно сидит дома за работою, особ. кто очень прилежно прядет' (Даль, т. 2, с. 108), вят. *кикі́мора* 'о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением; домосед, нелюдим', калуж. *кикимор* (уд.?) 'домосед, нелюдим' (*Он сидит дома кикимором*), вят. *кикі́морка* 'нелюдим, домосед' (СРНГ, т. 13, с. 205).

Аналогично соотносятся прямое и переносное значения карел. *жі́ровик* и *жирові́к* 'в суеверных представлениях: злой дух, обитающий в жилище человека, бане, хлеву, домово́й' (*Ребят жі́ровиком пугали, это вроде домового*), 'домосед, нелюдимый человек' (*Сидишь все дома, вот и жі́ровик; а выходишь в люди, это не жі́ровик; Жирові́к, это тоже так называют, сидит в избы, никуда не ездит*) (СРГК, т. 2, с. 65). И вновь информант подчеркивает безвылазное пребывание человека в своем доме.

В том же районе, где были зафиксированы костром. *мані́лко* и *мані́ло* 'домово́й, нечистая сила' (*То чего-нибудь где-нибудь сосуткает, ой, говорят, поманило. Особенно после вот если умрет человек. Это уж не человек ма́нит, это уж манилко приходил; Раньше-то манила были, девки ворожили во Святки; тебе охота замуж выйти, так жениха будешь завораживать*) (ЛК ТЭ), записано костром. *мані́лкой сидеть* 'не выходить из дома, не показываться на люди' (*Бает глупости всякие несуразные, а то дома запрется и манилкой сидит*) (Там же).

Для слова *бирю́к*, которое традиционно толкуется как вторичное по отношению к обозначению волка, в рязанских говорах находится иной семантический источник, ср. ряз. *как бирю́к* 'в одиночестве, а также нелюдимый' (*Бываит' чилавек какой нилюдимай, он сидит' не показываицца, как бирю́к*) (Деул. сл., с. 55) и ряз. *бирю́к* и *бирю́ка* 'фантастическое существо, которым пугают детей; бука' (Там же).

Наряду с духом дома в закрытом пространстве обитает дух двора, который, как видно из контекста, может переходить из хозяйственных строений в дом: арх. *дворо́вушко* 'мифическое существо, жи-

вущее во дворе и присматривающее за скотом’ (*Видала я дворовушка-то, он как белый человек, выбежал из овина и в пустой дом прыгнул*) (СГРС, т. 3, с. 187). Это еще раз подтверждает незначительное дистанцирование дома и двора, которые в единстве образуют «свое» пространство как для человека-хозяина, так и для домового-покровителя. Единством «среды обитания» объясняется семантический ход ‘дух двора’ → ‘нелюдим’: арх. *дворóвушко* ‘замкнутый, скрытный человек’ (Там же).

Молчит как бука, мума, жихоня, жихориха. Среди лексем, называющих домовых, обнаруживаются слова, которые первоначально имели звукоподражательный характер. Это объясняется тем, что речь и вообще звуковые формы поведения – одно из самых выразительных средств характеристики нечистой силы, поскольку через звуки различного типа (шум, шорох, топот, треск, стук, смех, бормотание и др.) человек опознает ее присутствие ночью, в темноте (об акустических стереотипах поведения нечисти и о слуховых впечатлениях как средстве идентификации мифических существ см. работу В. В. Виноградова [73, с. 197]). Речи таких персонажей свойственны косноязычие, неразборчивость, повторяемость однотипных звуков, удвоение реплик, непонятность, загадочность, иносказательность, искажение привычных форм, ритмизация, рифмованность. Домовой, согласно поверьям, имеет угрюмый и сердитый нрав, часто бубнит, ворчит. Этот факт народной культуры объясняет появление переносного значения у слов *мума* и *бука*.

Бурят. *му́ма* ‘молчаливый, нелюдимый человек’ (*Сидит, молчит, как букушка, мума*) (СРГС, т. 2, с. 302), брян. *му́ма* ‘застенчивый, нелюдимый человек’ (*Усе баисся, николи слова не прамовиш – мума ты такая*) (СНГЗБ, с. 162), а также пск. *как му́мма* ‘робкий, молчаливый человек’ (*Петька Федотоф как мумма*) (ПОС, т. 19, с. 52), несомненно, имеют звукоподражательную основу (ЭССЯ, т. 20, с. 188), ср. смол. *мум* ‘обозначает глухое ворчанье’ (*Что ты там себе мум под нос?*) (СРНГ, т. 18, с. 344). Сравнительные конструкции в словарных иллюстрациях свидетельствуют о том, что носитель языка видит сходство между нелюдимом и мифическим персонажем, имеющим то же название: брян. *му́ма* ‘воображаемое мрачное существо, которым пугали детей’ (*Не плач, а то мума возьме*) (СНГЗБ, с. 162), смол.

му́ма ‘страшное существо, которым пугают детей’ (*А ну брось балувацца: вун мума идеть*) (ССГ, т. 11, с. 257), смол. *му́мка* ‘то же’ (*Во мумка учуить, што ты плачиш, и зьбиреть*) (ССГ, т. 6, с. 117).

Семантические связи такого рода можно наблюдать в гнезде глагола **bukati*, также имеющего звукоподражательное происхождение (ЭССЯ, т. 3, с. 87). Простореч. *бу́ка* ‘угрюмый человек, нелюдим’ (ССРЛЯ, т. 1, с. 675), яросл., новг. *бу́ка* ‘несмелый человек’ (*Такой бука! – не смеет и слова сказать в людях-то*), сиб. *букáн* ‘нелюдимый, угрюмый человек; бука’ (*Сват мой все, как букан, молчит*), твер. *букáн* ‘нелюдим, человек неприступный, суровый, угрюмый’ (ТСГТО, с. 38), новг. *бу́корь* ‘застенчивый’, твер. *букóня* и пск., твер. *буконя́* ‘неразговорчивый, необщительный человек; нелюдим’ (СРНГ, т. 3, с. 262, 266) обязаны своими значениями известной мифологеме. Устар. *бу́ка* ‘сказочное страшилище, которым прежде пугали детей’ (ССРЛЯ, т. 1, с. 675), новг. *бу́ка* ‘черт’ и ‘мифическое существо вообще’, твер., влад., барнаул. *букáн* ‘сказочное страшилище, которым обычно пугают детей, бука’ и сиб. *бу́кан* ‘нечистая сила’ (СРНГ, т. 3, с. 262), твер. *букáн* ‘страшилище, которым пугают детей’ (ТСГТО, с. 38) связаны далее со звукоподражательным *бу-*, порождающим мотив скудности речевых проявлений.

На базе арх. *жихóня*, *жи́харь*, *жи́хор*, *жихóрь* ‘мифическое существо, злой дух (черт и т. п.), домовый’ (*Живет жихоня под полом в бане, на чердаках, под печкой, ой нечистый дух*) (СГРС, т. 3, с. 378) также развилось обозначение нелюдима. Однако если в рассказах о жихоне подчеркивается сема ‘прятаться’, то при использовании этого корня в качестве оценочной характеристики кого-либо пояснение касается речевого поведения человека: арх. *жихóня* ‘нелюдимый, необщительный человек’ (Там же), арх. *жихóриха* ‘неразговорчивая женщина, молчунья’ (*Ой, как жихориха сидит, не разговаривает ничего*) (Там же, с. 379).

Семантика немногословности подчеркнута и в костром. *ши́ма* ‘тихий, неразговорчивый, нелюдимый человек’ (*Шима такая неразговорчивая, необрядная, ни с кем не говорит ничего, – хоть женищина, хоть мужчина*) (ЛК ТЭ). Семы нерасторопности и нелюдимости, как было показано в ходе семантического анализа обозначений необщительного человека, могут соседствовать, поэтому неудивительно, что слово *шима* зафиксировано и в значении *ши́ма* ‘тихий, нерастороп-

ный, небойкий человек' (*Шима – это тихой человек, ниче у него не делается, не подается – шиморит*) (ЛК ТЭ). Можно предположить, эти лексемы вторичны по отношению к костр. *шима* 'нечистая сила, обитающая в доме' (*Живет в домах шима, у меня никаких шим не было, пугали так, кто-то живет там*) (Там же).

Подобные семантические связи обнаруживаются между значениями костром. *шимора* 'молчаливый человек' (*Шимора – это такая молчажливая, лишка не скажет, так, скажет иногда когда чего*), 'человек, делающий все исподтишка' (*С шиморой не водись, он все тихий, а сам делат всяко*), 'медлительный, нерасторопный человек (чаще о женщине)' (*Шимора тихо ходит, все шиморит, как шимора ходит*) и 'мифическое существо, которым пугали детей' (*Ребят пугали, шимора кака-то покарзится, не будешь спать дак*) (Там же).

Вредничает, проявляет враждебность, как кикимора, бомка, думова, бабай, бухмет. Область потустороннего видится как чужая, опасная, противостоящая человеку. Представления о том, что от обитателей «того» мира может исходить опасность, заставляет человека сделать попытку заключить мирный договор с нечистью – например, покидая старый дом, следует позвать домового с собой, а входя в новый дом, необходимо обратиться к нему с приветствием и просьбой о покровительстве, иначе он обидится, не примет новых хозяев и станет досаждать им. Благополучие людей ставится в зависимость от расположения к ним домового, который может проявлять недовольство в случае нарушения хозяевами дома некоторых запретов и предписаний: «если он рассердится за что-либо на хозяев дома, то он принесит вред и убытки» (СД, т. 2, с. 123).

Согласно наивно-языковому сознанию, иномирность мифологических существ имеет следствием враждебность. Типовым диалектным минижанром является угроза ребенку: *Спи, а то бомка придет* (СГРС, т. 1, с. 147), *Робят пугают: «Не ровите, бука придет, он черный, где-нибудь прячется»* (Там же, с. 206), *Не реви, бабай заберет* (СРНГ, т. 2, с. 15), *Шша вон тебе бирюк зьбирет* (Деул. сл., с. 55) и др.

По преданиям, домовый недружелюбен по отношению к заночевавшим гостям: «Домовой звуками пугает заночевавшего в доме гостя, чужака или пытается его выгнать» [74, с. 182], «Гостя, который позабыл попроситься у него на ночлег, выживает из дома свистом, шумом, дурным запахом» [263, с. 141].

«Человеконенавистнические» черты образов народной демонологии были переосмыслены в отношении другого объекта – человека, произошло преобразование семантики враждебности и причинения вреда в семантику озлобленности, неприветливости, угрюмости, присущих человеку: влад. *кикімористый* ‘нелюбезный, неприветливый’ (*А жена-то у него не больно кикимориста?*), арх. *бóмка* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (СГРС, т. 1, с. 147), ряз. *Эта чилавек какой падлобнай, вон Камáнда* (прозвище), *как бирюк, фсе испадлобья глядít’, злая какая-ть нь людей*) (Деул. сл., с. 55).

Образ «чужой» демонической силы, враждебно настроенной к людям, стереотипно закрепился и за урал. *думовá* ‘по суеверным представлениям – злой дух, живущий в доме’ (СРНГ, т. 8, с. 257). Неудивительно, что в семантическом деривате актуализирована не только неразговорчивость, но и негативное отношение человека к людям: урал. *думовá, думовéц, думóвушка* ‘неразговорчивый, злой человек, человеконенавистник’ (*Он людей не любит, как думовец, иднаго себя любит*) (Там же). Кроме того, в контекстах содержится сема одиночества: *Ну и сиди, как думова, одна; Как думовушка, один живет* (Там же).

Трудность для интерпретации составляет волгогр. *бабáй* ‘существо наподобие домового, которым пугают детей’, ‘старый одинокий человек’, ‘молчаливый, замкнутый человек’ [49, с. 44]. Определенности выбора препятствует отсутствие данных о том, какими чертами он наделен в наивно-языковом сознании русского человека. Известно только, что им пугали детей, а само слово имеет, вероятно, тюркское происхождение и обозначает дедушку, старика, в образе которого его и представляли. В семантике же актуализированы и молчание, и одиночество, и враждебность, иномирность, вызывающие страх у ребенка.

Такие трудности связаны и со свердл. *бухмéт* ‘мифическое существо, которым пугают детей, чтобы не лазали по огородам’ (*Сделат шубу, пойдем в огород, а там шуба в борозде, девки кричат: «Смотри, бухмет!»*) (СРГСУ/Д, с. 52), на базе которого возникло, по-видимому, перм. *бухмéтик* ‘замкнутый, молчаливый человек’ (*Он до двадцати лет бухметиком рос*) (Там же).

Итак, домовые, будучи представителями потустороннего мира, причисляются к «чужим», отличаются неуживчивостью и враждебностью к людям, прячутся, являются «истинными хозяевами» строе-

ний и встречают людей как «гостей» неприветливо. Ассоциирование нелюдима с существом из сверхъестественного основывается еще и на подозрении в их взаимосвязи – сговоре или влиянии. Кроме того, *домовому*, как свидетельствует внутренняя форма слова, свойственна привязанность к дому, а некоторые демонологические персонажи еще и безгласны либо ворчливы.

Домовой	Нелюдим
Прикрепленность к домовому пространству	Домоседство
Укромное место в доме как локус обитания	Закрытость
Неясность производимых им звуков	Немногословность
Иномирность	«Чужесть»
Враждебность к людям	Неприветливость

Созвучность характеристик домового нечисти представлениям о нелюдиме, а кроме того, антропоморфность мифических существ служат крепкой основой для номинативной модели «домовой → нелюдим». Она входит в число моделей, чрезвычайно продуктивных в русских народных говорах наряду с моделью «единица социума → характеристика по склонности к общению», при этом обе модели нельзя назвать популярными в литературном языке.

Обратим внимание на то, что «мифологическая» и «социологическая» модели соотносятся друг с другом, поскольку опираются на бинарную оппозицию «мир людей – мир нечисти», которая является для носителя народной культуры средством истолкования действительности. «Людскость» противопоставляется иномирной замкнутости и враждебности.

2.3. Пространственно-динамический код

Ранее уже говорилось об особом статусе общительности в традиционной народной культуре, в которой более актуальна *людскость* – позиция по отношению к другим людям, а понятие позиции связано с пространственной тематикой. В литературной разновидности языка это не может не отражаться хотя бы в некоторой степени.

В частности, уже на основании общенародных фактов *замкнутый, скрытый* можно говорить о возможности осмысления общительности в пространственных категориях.

Кроме того, поскольку речь идет о взаимных действиях (общение есть интеракция), предсказуема номинативная разработка пространственно-динамических мотивов, ср. лит. *обходительный*.

Носитель языка исходит из своих представлений о реальном либо идеальном пространстве, например, об известных ему географических объектах, об организации пространства дома, о положении предметов относительно друг друга, о передвижении в пространстве и т. д.

В качестве мотивирующего элемента для названий нелюдима выступает слово *дом*: арх. *доможи́риха* ‘необщительная, угрюмая женщина’ (СГРС, т. 3, с. 250)¹.

Образ дома как закрытой территории присутствует и в подробно описанной выше мотивационной модели ‘домовой’ – ‘домосед, нелюдим’.

Роль производящей основы могут играть слова *печь* и *угол*: пск. (*жить*) как *запечный таракан* ‘о необщительном, ни к кому не ходящем в гости человеку, домоседе’ (СПП, с. 118), урал. *таракáн запéшный* ‘о домоседе’ (СРНГ, т. 43, с. 273), карел., ленингр. *запéченьник*, мурман. *запéченник*, ленингр. *запечéрина* ‘о нелюдимом человеке, до-

¹ Элемент *-жир-* присутствует в этих композитах вследствие того, что он, как и его семантические корреляты, способен передавать смысл ‘изобильный, избыточный’ и далее ‘богатый’, чему К.С. Пьянковой собрано множество лексических подтверждений [229, с. 214–215]. Так, сему ‘имеющийся в большом количестве’ передают диал. *жир* ‘большое количество, множество кого-либо, чего-либо’ (СРНГ, т. 9, с. 181), *сально* ‘слишком хорошо, много, чересчур’ (Там же, т. 36, с. 70), *волóгой* ‘в большом количестве’ (ПОС, т. 4, с. 116), *толсто будет* ‘много, жирно, затейливо’ (Даль, т. 4, с. 414), *густо* ‘много’ (СРНГ, т. 7, с. 246), *полни́на* ‘множество’ (СРГСУ, т. 4, с. 81) и другие слова, а сему ‘богатый’ содержат диал. *жиреха* ‘богач’ (СРНГ, т. 9, с. 181), *нажировáться* ‘пожить в довольстве’ (Там же, т. 19, с. 297), *волóжничать* ‘жить роскошно’ (Даль, т. 1, с. 234), *как в масле кататься* ‘о привольной, обеспеченной, сытой жизни’ (СПП, с. 104), *масляно ешь* ‘роскошно живешь’ (Даль, т. 2, с. 302) и др. Этими семами обусловлена дальнейшая связь дериватов корня *-жир-* с обозначениями имущества, достатка в доме, хорошего хозяина: диал. *добро* и *жир* в значении ‘имущество’, *доможи́ра* ‘дом со всем хозяйством’, *доможи́рить* ‘вести свое домашнее хозяйство’, *доможи́рничать* ‘домовничать’, *доможи́рка* ‘хозяйка’ (СРНГ, т. 8, с. 122) и т. д. Включившись в фонд слов лексико-семантического поля «Дом», этот корень закрепился в обозначениях домоседа: волог. *доможи́р* и арх. *доможи́рушко* ‘домосед’ (*Там по-серее род был, все – доможиры, ходили из угла в угол*) (СГРС, т. 3, с. 250) и др. Последнее звено семантического развития очевидно: ‘домосед’ → ‘нелюдим’.

моседе' (*Куда тебя взять, запечельника; Никуда он не ходит, запечельник*) (СРГК, т. 2, с. 173, 174), олон. *запéчечник*, арх. *запечин* (уд.?) 'о том, кто любит посидеть на печи, особенно при появлении в избе посторонних', пск., смол. *запéчница* 'избегающая общения, скромная женщина, домоседка' (СРНГ, т. 10, с. 315–316), волог. *зауго́лок* 'молчаливый, необщительный ребенок' (*Внуков много, все разные: один пяленка, другой элакий зауголок*) (СГРС, т. 4, с. 217), арх. *зауго́льник* 'нелюдим' (СРНГ, т. 11, с. 127), мурман. *зауго́льница* 'нелюдимая женщина' (СРГК, т. 2, с. 225), новосиб. *угла́н* 'застенчивый человек' (*Можно было его послать, да он углан, ему сразу откажут, и он ничего не скажет*) (СГРС, т. 5, с. 128), сиб. *углан* 'нелюдим' (Даль, т. 4, с. 478), перм. *угла́нка* 'девочка-подросток; не очень общительная, замкнутая' (ЧПИ, с. 499), забайкал. *угла́н* 'застенчивый человек' (*Парень он ничо, да только углан большой; даже девицы не бывают такими угланами*) (Там же) и др.

Рефлексия составителей словаря по поводу происхождения слов с корнем *-угл-* представлена в дефиниции иркут. *угла́н* 'нелюдим, необщительный, любящий сидеть в углу' (Опыт, с. 236). Ср. контекст к арх. *зажа́ться* 'стать неприветливым, нелюдимым' (*Век в углах сидят, зажались*) (СГРС, т. 4, с. 68). Приставочные образования *заугольник*, *зауголок* мотивированы сочетанием *за углом*, поскольку в русских избах укромное место находилось за печью (за углом печи).

Привлечение слов *дом*, *печь*, *угол* в качестве мотивирующих элементов обусловлено не только картиной объективной предметной реальности, в которой дом представляется местом затворничества нелюдима, а печь и угол – укромными элементами пространства избы, где застенчивый, необщительный человек может спрятаться от чужих глаз, от гостей, но и этнокультурным потенциалом, накопленным их производными *домовой*, *запечник*. По обеим линиям активен мотив затворничества, уединения, отделенности от всех.

По сути, дом подразумевается и в случае, когда во внутренней форме обнаруживается мотивировочный признак «конура»: диал. (б/у места) *кону́рник*, *кану́рник* (жен. *кану́рница*) 'кто прячется, сидит в канур, дома; нелюдим, домосед' (Даль, т. 2, с. 86). Сема закрытости здесь усилена, но одновременно с этим нивелировано все богатство коннотаций, которыми нагружена лексема *дом*.

Затворничество концептуализируется также при помощи такой параметрической характеристики пространства, как узость: волог. *у́зко* ‘замкнуто’ (*Я ведь узко живу, никого не знаю*) (КСРНГ).

Мотив изолированности прослеживается во внутренней форме лит. *замкнутый* ‘сдержанный, скрытный, необщительный’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 675), олон. *запеча́тываться* ‘уединяться, удаляться от общества’ (СРНГ, т. 10, с. 315).

Выскажем также предположение о взаимосвязи между диалектными существительными, имеющими корень *мур-/муыр-/мыр-*, и глаголами, которые выражают значение ‘закрыться, скрыться, спрятаться’.

Речь идет о таких существительных, как диал. (б/у места) *му́мра* и *мы́мра* ‘домосед’ (Даль, т. 2, с. 366), твер. *му́мра* ‘домосед’ (ДО, с. 119), ставроп. *мумы́ря* ‘неразговорчивый, нелюдимый человек’ (СРНГ, т. 18, с. 345), новг. *мы́мрик* ‘молчун, застенчивый человек’ (*У него сын был настоящий мымрик*) (НОС, т. 5, с. 115), которые традиционно рассматриваются как континуанты гнезда с этимоном, имеющим звукоизобразительный характер и выражающим семантику говорения, ворчания. Этот же или сходный звукокомплекс имеют существительные со значениями ‘глупый человек’, ‘тщедушный человек’, ‘грязнуля’, ‘некрасивая женщина’ и др. В этом случае следовало бы принять версию о семантическом развитии от звукоподражания: ‘плач, хныканье’ → ‘угрюмость’ → ‘неразговорчивость, нелюдимость’ → ‘домоседство’.

Однако обратим внимание, прежде всего, на глаголы, далекие от семантики говорения и непосредственно связанные с обозначениями нелюдима, домоседа: диал. (б/у места) *му́мриться* ‘сидеть безвыходно дома, или забиться’ (Даль, т. 2, с. 366), твер. *му́мриться* ‘скрываться, сидеть дома’ (ДО, с. 119), пск., твер. *замы́мриться* ‘сделаться угрюмым, домоседом, нелюдимым’ (СРНГ, т. 10, с. 270), новг. *замы́мриться* ‘засесть безвыходно дома’ (*Что сидишь, замымрясь?*), твер. *заму́мриться* ‘запереться или сидеть безвыходно дома’ (Даль, т. 1, с. 624–625). Возможно, их следует считать производными от *мымра*, т. е. имеющими внутреннюю форму «быть/стать мымрой (домоседом)». В этом случае имеет место следующее развитие значений: *мымрить* ‘бормотать’ → *мымра* ‘угрюмый, неразговорчивый человек’ → *мымра* ‘нелюдим, домосед’ → *мымриться* ‘сидеть дома’ и *замымриться* ‘стать нелюдимым, домоседом’.

Кроме того, с представленными глагольными формами фонетически и семантически вполне соотносимы глаголы с семантикой закрывания, которые, кажется, не рассматривались в аспекте их соотношения со словом *мымра*. Семантику закупоривания выражают твер. *му́мрить* ‘купорить, заделывать, крепко закрывать либо кутать’ (Даль, т. 2, с. 366), твер. *му́мрить* ‘закупоривать, закрывать’ (ДО, с. 119), твер. *заму́мрить* ‘закупорить, заделать наглухо’ (Даль, т. 1, с. 624), новг. *замы́мрить* и *замы́мрять* ‘запечатать, клеить что-л.’ (*Замы́мри грамотку – запечатай письмо*) (СРНГ, т. 10, с. 270). Кутание описывается диал. (б/у места) *му́мриться* ‘кутаться’ (Даль, т. 2, с. 366), новг. *замы́мриться* ‘закутаться, особенно от стужи’ (Там же, т. 1, с. 625). Пропажа, исчезновение обозначаются такими предикатами, как пск. *заму́мриться* ‘забраться куда-н., откуда трудно выбраться’ (*Цыпленок-то заму́мрился!*) (ПОС, т. 11, с. 341), ворон. *замы́мриться* ‘уехать далеко, запропасться’ (*Мой-то уж с неделю замы́мрился!*) (СРНГ, т. 10, с. 270), перм. *заму́морить* ‘засунуть, задевать куда-либо’ (*Заму́морил куда-то наверх и найти не могу*) (СРНГ, т. 10, с. 263). Своеобразная «разновидность пропажи» – исчезновение из памяти: тобол., сиб. *заму́мориться* ‘забыться’ (Там же).

Для этих языковых фактов звукоизобразительность как средство, указывающее на невнятную речь или брюзжание необщительного человека, нерелевантна. В лучшем случае имеет значение сомкнутость губ, как при произнесении губно-губного [м], ср. смол. *замы́мрить губы* ‘надуться, надуть губы’ (Там же, т. 10, с. 270). Остается открытым вопрос о том, могут ли приведенные здесь слова с общей для них семой закрывания быть продолжениями праслав. **tъrmati* и **tymrati* или они имеют другое происхождение. Рус. *мымра*, *мумра* «домосед» находится на перекрестье значений потенциальных производящих основ: ‘ворчать’ и ‘закрываться’. Обе мотивационные модели (‘ворчать’ → ‘нелюдим’ и ‘закрываться, прятаться’ → ‘нелюдим’) продуктивны.

Мотив пребывания в укрытом пространстве, там, где человека не видно, где он может спрятаться, реализован в перм. *запада́й* ‘не склонный к общительности, замкнутый человек, живущий обособленно от других’ (*Запада́й, он тихонько живет, отдельно от всех, все у его есть*) (СПГ, т. 1, с. 299), перм. *жить запада́ем* ‘жить обособленно от других, скрытно, не обнаруживая своего материального состояния’ (*Он*

западаем живет, ни с кем не знатся) (СПГ, т. 1, с. 299), перм., краснояр. *запа́дять* ‘не показываться на народ, сидеть дома’ (СРНГ, т. 10, с. 296), яросл. *запа́дять* ‘находиться вдали от всех, уединяться’ (Там же). Сема ‘исчезать из виду’ более явно присутствует в перм., вят., волог., твер., вост.-сиб., енис. *запа́дять* ‘прятаться, укрываться’ (Там же). Внутренняя форма приведенных лексем ‘находиться под чем-либо или за чем-либо’ выражает семантику положения в пространстве.

Близкая мотивировка – ‘скрытый внизу, под землей’ – выявляется в нижегор. *скроземéльный* ‘нелюдимый’ (Там же, т. 38, с. 146); ср. симб., перм. *скрозь земли провалиться* ‘упасть в какую-либо щель, пролом, пустоту’ (Там же, с. 148).

Любопытно, что в литературном языке есть понятие *скрытный*, т. е. ‘тот, кто скрывает что-либо’, а в языковом сознании носителя народной культуры присутствует образ ‘того, кто скрывается’: бурят. *скры́тый* ‘скрытный, замкнутый (о человеке)’ (СРГС, т. 4, с. 332).

Модификацией пространственных мотивов можно считать ландшафтную метафору. Общительность и необщительность осмысляются через посредство представлений о лесной глуши и степи: волог., пск. *лесéть* ‘делаться нелюдимым, дичать’ (СРНГ, т. 16, с. 369), волог. *лесовóй* ‘нелюдимый’ (*Ты чего, кака лесовая, никуда не ходишь, как в лесу родилась*) (СВГ, т. 4, с. 37), сиб. *как лесина сухая* ‘о нелюдимом, неразговорчивом человеке’, сиб. *как лесина таежная* ‘об одиноком человеке, ведущем уединенный образ жизни’ (ФСРГС, с. 105), ленингр. *лесовая дитя* ‘упрямый, непослушный, неконтактный ребенок’ (СРГК, т. 3, с. 117), курск. *лесни́к* ‘нелюдимый человек’ (СРНГ, т. 16, с. 372), курск. *лесови́к* ‘человек нелюдимый, сторонящийся людей, общества’ (Там же, т. 17, с. 10) (ср. калин. *лесови́к* ‘житель деревни, окруженной лесами’ (Там же)), курск. (*как*) *степови́к* ‘человек, не знающий правил приличия; нелюдим’ (Там же, т. 41, с. 143) (ср. курск. *степови́к* ‘живущий в степи хуторянин’ (Там же)).

«Ландшафтной» метафора названа по принадлежности объекта, название которого (*лес*) актуализировалось во внутренней форме обозначений необщительного человека, к географическому пространству, однако на первом плане здесь оказывается символический потенциал образа, а не денотат производящего слова. Вновь этнокультурная семантика играет роль промежуточного звена между первичным значе-

нием ‘множество дикорастущих деревьев, расположенных на большом пространстве; пространство, обильно поросшее деревьями’ и итоговым значением ‘нелюдимый человек’, между которыми нет прямой логической связи. Номинатор отталкивается от своего видения этого объекта, актуализируя признаки, не составляющие ядро значения слова, но представляющие собой стереотипы восприятия, обусловленные культурой: ‘место, удаленное от людей’, ‘место обитания диких животных’, ‘место обитания нечистой силы’, ‘место, не освоенное человеком’. Они утвердились в сознании носителя языка под влиянием известных ему слов, выражений, распространенных на территории, где вырос и живет человек: пск. *под лесом* ‘далеко от того места, где находишься’ (*Не ищи нивесту под лисом, а гляди под носом* – пословица) (ПОС, т. 17, с. 6), яросл. *лесная кукла* ‘о медведе’, моск. *леснина* ‘яблоко дикой яблони’, арх., тамб. *лесной* ‘одичавший в лесу’, смол., костром., пск. *лес* ‘по суеверным представлениям – главный лесной дух; леший, дьявол вообще’ (СРНГ, т. 16, с. 368–374), пск. *А где наша дяревня стаит, тут страевой лес был и балота* (ПОС, т. 17, с. 12) и др.

Трудно сказать, явился ли семантическим источником для значения ‘нелюдимый’ только один из этих мотивов или же комплекс сем и коннотаций, поскольку они тесно взаимосвязаны и «звучат в унисон», актуализируя противопоставление «человек – природа».

Ландшафтную тематику в образном фонде лексико-семантического поля «Общительность» продолжает арх. *ерома́* ‘необщительный, нелюдимый человек’ (*Говорю: ерома ты ерома, две коровы да сума, все дороги заросли к тебе, народ не пойдет*) (СГРС, т. 3, с. 327), вторичное по отношению к арх. *ерома́* ‘яма с водой на поле или в лесу, окно воды на болоте, зарастающем водоеме’ (Там же). В прямом значении слово называет объект в лесу, при этом в труднодоступном для человека, безлюдном месте. Коннотативный потенциал слов *лес*, *лесной* в сочетании с семой безлюдности служит основой для семантического переноса. Ввиду единичности этого факта нельзя исключить заимствованный характер обоих значений.

В ряде лексем зафиксирован мотив периферийности, выраженный посредством мотивировочных признаков «бок» и «сторона»: ряз. *боковатый* ‘нелюдимый, угрюмый’ (Деул. сл., с. 61); ряз. *побокова-*

тей, восстановленное из контекста: *Ты, Тамара, россейская, вся ты развязная, вся ты развитая. Верка – она побоковатей* (СРНГ, т. 35, с. 191); олон., новг. *стороник*, олон., арх. *сторонник*, олон. *сторонник* ‘об угрюмом, нелюдимом человеке’ (Там же, т. 41, с. 247); возможно, сюда же, с вероятностью контаминации, можно отнести вят., волог., арх., перм. *странь* ‘о нелюдимом, странном человеке, чудеке’ (ср. вят., перм. *странь* ‘чужой человек, чужестранец’) (Там же, с. 287).

Уникальность диалектной подсистемы русского языка проявляется в использовании слова *Россия* (*Расея, Русь*) в качестве производящей основы для создания обозначений общительного человека: ряз. *россэйский* ‘приветливый, общительный’ (*Сноха сурьезная, а я-то россейская; Она баба россейская, только жизни ей нету*), ряз. *россэйский парень* ‘простой, компанейский парень’, ряз. *россэйский* ‘смелый, бойкий’ и ‘незастенчивый (о ребенке)’ (*Такая-то россейская, к кому хошь пойдет, никого не боится – о маленькой девочке*) (Там же, т. 35, с. 191).

Такие номинации возникают на основе истолкования мира как имеющего центр и периферию, которые определяются не географически, а социологически: по заполненности и освоенности пространства людьми. Придается значение:

- онтологическому статусу мирового пространства как места обитания людей (множество «человеческих единиц» создают «мир людей», поэтому рождение ребенка воспринимается как его приход откуда-то извне в человеческое сообщество): перм. *на русь выйти* ‘появиться на свет, родиться’ (*До Нового году за два дня родилась: двадцать девятого декабря на русь вышла*) (СПГ, т. 1, с. 137);

- социальной параметрии пространства:

- разделению собственных обжитых закрытых участков, отграниченных от чужих владений, и общей ничьей, открытой для всех, общественной территории, которая предназначена для взаимодействия (так, человек различает пространство своего двора с центром-домом и чужое пространство улицы): перм. *на русь выйти* ‘выйти из дома на улицу, на открытое пространство’ (*Бабы, все на русь выходите, фотографироваться будем*) (Там же);

- разделению пространства, в котором размещен свой микросоциум, и пространства, закрепленного за другими социальными классами, группами, стратами общества (например, родная деревня ви-

дится своим, освоенным, досконально известным во всех отношениях социальным пространством на фоне иного городского): арх. *выйти на русь* ‘выйти в люди, набраться опыта, получить образование; оторваться от своей среды’ (*Был так себе, а вышел на русь – стал человеком; В деревне жил, жил, да вышел на русь и начал сам себя высоко ставить*) (СГРС, т. 2, с. 226);

- разделению природной среды, дикой, неокультуренной, не освоенной человеком, и среды людской, освоенной людьми, обжитой, окультуренной: арх. *выйти на русь* ‘выйти из леса на открытое, светлое место, ближе к жилью’ (*Заблудились, а потом увидели знакомую полянку, Слава Богу, вышли на русь; С Пинеги вот, с лесов, с болот вышли на русь, где жило; Из леса я на русь вышел, тут луг, дальше деревни, людьми пахнет*), ‘возвращаясь из открытого моря, подойти ближе к жилью’ (*Вышли на русь, скоро родная матера*) (Там же, т. 2, с. 226), новосиб. *обрусеть* ‘стать культурнее’ (*Обрусели люди, дома с верхом стоят, просветлеют вроде, обрусуют, не как раньше живут и слава богу*) (СРНГ, т. 22, с. 213);

- разделению слабообустроенных малолюдных окраин и – более обустроенного, людного культурного центра поселения: волог. *ехать на русь* ‘ехать в центр’ (*Все едут на русь, на ширь, место поближе к сельсовету*) (СГРС, т. 3, с. 333).

Итак, диалектные фразеологизмы со словом *русь* и его дериваты имеют значения отграничения или внутренней организации пространства, где живут люди. Социально обусловленная маркировка сегментов пространства опирается на бинарные оппозиции «свое vs. чужое» и «открытое vs. закрытое». Эти же семантические оппозиции релевантны в языковом образе общительного и необщительного человека, отсюда использование носителями русских народных говоров слова *русь* в качестве производящей основы для обозначений общительного, а точнее, *людного*, человека.

Кроме того, в лексико-семантическом поле «Общительность» выявляются пространственно-динамические мотивы. Языковые единицы, описывающие общительность как собственно контактность, умение наладить отношения с людьми, образованы от глаголов движения, так же как лит. *найти подход к кому-либо*: ряз. *лазу́шный* ‘ласковый, общительный, располагающий к себе’ (СРНГ, т. 16, с. 247), свердл. *подхóдный* ‘обходительный, приветливый’ (СРНГ, т. 28, с. 240),

яроsl. *подхóдчивый* ‘умеющий ладить с людьми, найти подход’ (ЧПИ, с. 429), перм. *подхóжий* ‘умеющий находить подход к людям’ (СПГ, т. 2, с. 134), волог., урал., арх., тюмен., том. *подхóдчивый* ‘умеющий подойти к людям, обходительный, приветливый’, алт. *подхóдчитый* ‘обходительный, приветливый’ (СРНГ, т. 28, с. 240). Обратим внимание, что сема «общительный» представлена только в одной дефиниции. Это можно объяснить тем, что речь идет не об общительности как склонности к общению, а об умении общаться, навыках интеракции.

Мотив движения воплощен также во внутренней форме слов, которые представляют общительного человека активным, деятельным, расторопным: вят., волог., олон. *расхóжий* ‘бойкий, общительный, веселый (о человеке)’, ‘вежливый’, ‘простой в обращении’ (СРНГ, т. 34, с. 302), перм. *ходóвый* ‘подвижный, бойкий, проворный, общительный’ (СПГ, т. 2, с. 507), киров. *потурный* ‘живой, общительный’ (*Потурная девчонка, развита, разговаривать умеет*) (ср. вят. *потурóвливать* ‘поторапливать, понукать’, нижегор., костром. *потуриваться* ‘поторапливаться, торопиться’) (СРНГ, т. 30, с. 316).

Энергичности противопоставлены медлительность, вялость, недостаток активности, связываемые с нелюдимостью: новг., ленингр. *неходовой* ‘робкий, необщительный’ (*Таки неходовые, таки тихоньки*) (СРГК, т. 4, с. 18).

Сюда же можно отнести мурман. *пантю́ха* ‘необщительный, замкнутый человек, домосед’ (Там же, с. 390) и свердл. *опэ́нтюх* ‘неразговорчивый, замкнутый человек’ (СРНГ, т. 23, с. 250). Эти слова, по-видимому, родственны существительному *пентюх*, которое, по мнению Ж. Ж. Варбот, является полонизмом, восходящим к глаголу *peńać* [59]. Для объяснения возникновения у слова *пентюх* и его вариантов значения ‘несообразительный человек’ приводится глагол *пантать* ‘ходить с трудом после болезни’: «Неуверенная, медленная или расхлябанная походка легко ассоциируется с бестолковостью, несообразительностью, забывчивостью» [59, с. 60]. Детерминант *медленная* кажется нам неслучайным в этом комментарии, поскольку на основе семы ‘недостаточная подвижность’ способны развиваться самые разные значения: ‘несообразительность’, ‘простоватость, бесхитрость’, ‘нерасторопность’, ‘непроворность’, ‘неуклюжесть’ и т. д. И наоборот, подвижность ассоциируется с бойкостью, расторопностью, сообразительностью, деловитостью, хитростью.

Эту особенность можно наблюдать в континуантах и.-е. **uer-*: «Процесс верчения связан, как правило, с вращением предмета в вертикальной плоскости, поэтому в гнездах праславянских корней, продолжающих и.-е. **uer-*, часто встречаются наименования подвижных, юрких животных, хитрых, изворотливых людей ... а также предметов, которые вертятся вокруг своей оси» [85, с. 9]. На этом фоне закономерностью выглядит появление ленингр. *неварóвый* 'необщительный, ненаходчивый' (*Какой-то он, знаешь, неваровый человек, ненаходчивый*) (СРГК, т. 3, с. 401), сыктывк. *неварóвый* 'неразговорчивый, необщительный' (*Неваровая Анна-та чево-ко сего-дня*) (СРНГ, т. 20, с. 325).

Итак, значительная часть представлений носителя народной культуры об общительности и необщительности человека базируется на понятиях «дом», «людное место» и «лес». Через эти понятия человек с высокой степенью регулярности интерпретирует поведение человека в обществе.

Посредством элементов пространственного кода воплощены мотивы закрытости, изолированности, периферийности, нахождения среди людей, поиска подхода к объекту.

Инструментом интерпретации выступают следующие оппозиции:

- «открытое vs. закрытое (пространство)»: идея границы между своим и чужим-общим пространством проецируется на поведение людей, из которых одни склонны постоянно находиться в «своем» пространстве, уединяясь, другие склонны бывать за его пределами;

- «людное vs. малолюдное (пространство)»: в языковой картине мира люди делятся на две категории в зависимости от их расположенности vs. нерасположенности к взаимодействию с окружающими, к пребыванию среди людей;

- «центр vs. периферия»: обжитое, обустроенное пространство, ассоциируемое номинатором с общительностью, противопоставляется окраине, боковине, символизирующей худшую социализированность;

- «верх vs. низ»: в наивно-языковой картине мира открытый верх противопоставляется скрытому, спрятанному низу, ассоциируемому с необщительностью;

- «подвижный vs. медлительный»: метафора подвижности зафиксировала представление о деятельном характере общительного человека и пассивности необщительного.

Обобщая сказанное, отметим преобладание образов, рисующих положение предметов в пространстве, над образами, связанными с движением, перемещением. В восприятии современного горожанина общительность – это характеристика человека по его «акциональному статусу», под которым понимается уровень предрасположенности и подготовленности к взаимодействию с людьми, в то время как в языковом сознании представителя традиционной культуры это социально значимая позиция и готовность к общинной кооперации. О том, насколько различны представления об общительности в разных языковых средах, можно судить по различиям в частоте обращения представителей разных социально-языковых групп к средствам одного и того же предметно-тематического кода. В диалектной подсистеме русского языка общительность получает осмысление через пространственные категории значительно чаще, чем в литературной разновидности языка.

2.4. Речевой код

Очевидная для номинатора связь между общением и речью, языком зафиксирована им в мотивации диалектных и общенародных обозначений общительного и необщительного человека: волог. *простой на язык* ‘разговорчивый, общительный’, волог. *скупой на язык* ‘неразговорчивый, необщительный’ (СВГ, т. 12, с. 129), волог. *язычица* ‘женщина, умеющая приятной беседой расположить к себе собеседника и благодаря этому добиться желаемого’ (*Язычицы эти ко всем подьедут, всего добьются своим языком*) (Там же, т. 12, с. 131).

Общительность репрезентируется в лексическом материале как словоохотливость и вербально выраженная благожелательность: оренб. *байчивый* ‘словоохотливый, разговорчивый, приветливый’ (СРНГ, т. 2, с. 57) (от *баять*), волог. *таврэц* ‘очень разговорчивый, общительный человек’ (СВГ, т. 11, с. 4) (волог. *таврять, таврять* ‘высказывать мнение, суждение, обсуждать кого-, что-либо, разговаривать’ (Там же), костром., яросл. *бахорливый* ‘разговорчивый или приветливый’ (СРНГ, т. 28, с. 156) (от *бахорить* «говорить» (Там же)). Производящие глаголы **bajati*, **baxoriti* являются расширениями основы **ba-* (ЭССЯ, т. 1, с. 135, 138).

В понятии «приветливость» находит отражение сочетание вербальной основы взаимодействия с эмоциональной отзывчивостью. Корень *вет-*, *вит-*¹ ‘говорить, изрекать’, в словах литературного языка сочетающийся с приставками и образующий единицы лексико-семантической группы «Говорение» (*завещать, завет, завещание, привет, привечать, навет, навещать*), в русских народных говорах обнаруживается в бесприставочных дериватах: пск., смол., калуж., калин. *вѣтлый* и брян. *вѣтный* ‘приветливый, ласковый; милый; общительный’, орл., курск., ворон., тамб., пенз. *вѣтливый* ‘учтивый, приветливый’, перм., тобол. *ветля́ный* ‘общительный, жизнерадостный’ (СРНГ, т. 4, с. 194–197). Префикс со значением совместности действия присутствует в волог. *совѣтный* «незамкнутый, общительный», яросл. *совѣтливый* и *советля́ный* ‘приветливый, обходительный’ и ‘разговорчивый, общительный’ (Там же, т. 39, с. 184–186). Отметим различия в значениях, которые приобрело сочетание этой приставки и корня в русском литературном языке, где оно служит обозначением наставления, обмена мнениями, совместного обсуждения какого-либо вопроса, и в диалектах, где оно называет черту характера – готовность к контактированию с окружающими.

В сочетании с приставкой *со-* рассматриваемый корень дает также лексему, характеризующую человека, необщительного вследствие застенчивости, но не составляющую антонимической пары обозначениям общительного человека, поскольку противоположное значение появляется у него при отсутствии отрицательной частицы: яросл. *советля́ный* ‘скромный, застенчивый’ (Там же, с. 185). Это объясняется, вероятно, наличием у данной основы значения ‘соглашаться, ладить’, ср. диал. *совѣтный* ‘дружный, согласный’ (*Лавочник у нас смирный, советный*), *совѣтность* ‘согласие, дружба, лад’ (Там же) и лит. устар. *совет* ‘дружные, согласные отношения между кем-либо’ (*Совет да любовь; Только бы в совете жить*) (СлРЯ, т. 4, с. 175). В этом случае *советля́ный* следует понимать как ‘сговорчивый, со-

¹ От праслав. **vĕtiti*, ср. *навет, наветить* (ЭССЯ, т. 23, с. 229). М. Фасмер сопоставляет с корнями в литов. *vaitenù* ‘сужу, обсуждаю, полагаю’, др.-прусск. *waitiāmai* ‘мы говорим’, *waitiāt* ‘говорить’ и др. (Фасмер, т. 1, с. 305).

гласный'. Немногословность, нежелание поддерживать разговор запечатлены и в диал. (б/у места) *безотвѣтливый* 'нелюдимый, неразговорчивый' (СРНГ, т. 2, с. 196).

При формировании лексики, характеризующей человека как необщительного, донорскую функцию закономерно выполняют глаголы говорения с отрицанием: свердл., арх., карел. *неразговѳрный* 'необщительный, молчаливый' (Там же, т. 21, с. 139), перм. *неразговореный* и *неразговѳристый* 'неразговорчивый, молчаливый, необщительный' (СПГ, т. 1, с. 592), пенз. *небаслѳвый* 'неразговорчивый, молчаливый; необщительный, угрюмый' и костром. *небѳянный* 'неразговорчивый, необщительный человек' (СРНГ, т. 20, с. 315). Необщительность связывается носителем языка со скупостью речевых проявлений либо молчанием: волгогр. *жить молчаком* 'быть нелюдимым, ни с кем не общаться' (СДГВО, т. 2, с. 157), читин., бурят. *смолчѳк* 'тихий, замкнутый, вызывающий недоверие человек' (СРГС, т. 4, с. 356).

Сходство семантики, происхождения, аналогичность связи между прямым и переносным значением свойственны свердл. *нѳмка* 'нелюдимый, замкнутый человек' и ср.-урал. *немотѳ, немтѳ* 'молчаливый, замкнутый человек' (СРНГ, т. 21, с. 81, 85, 87), волгогр. *немырь* 'неразговорчивый, молчаливый, замкнутый человек' (СДГВО, т. 3, с. 484), волог. *куйм* 'о нелюдимом, очень застенчивом человеке' (ср. диал. *куйм* 'глухонемой человек', 'косноязычный человек', 'заика', 'молчаливый человек') (СРНГ, т. 16, с. 29). Являясь синонимами, они имеют один и тот же корень. Праслав. **kijьmь*, образованное сложением местоименной экспрессивной приставки *ki-* (с пейоративным оттенком) и корня глагола **jьmѳ, jѳti*, интерпретируется как 'невнятный, плохопонятный' (ЭССЯ, т. 13, с. 86). В свою очередь, **nѳть*, по версии Микколы, представляет собой результат преобразования сочетания **ne + -еть/-jьmь* (Там же).

Сходство с рассмотренными словами имеет волог. *бутаим, бутѳим, бутуим* 'нелюдимый, угрюмый человек' (*Кто сердится друг на дружку и не заговорит, тот и бутаим; Сидит как бутѳим, ниче не говорит, че видит, не скажет, че думат, не скажет, бутѳим и есть; Ой ты, скажем, бутѳим невоспитанной*) (СГРС, т. 1, с. 230–233). Применительно к отражению в языке речевых характеристик нелюдимого человека отметим, что слово *бутѳим* бытует в севернорусских гово-

рах прежде всего как обозначение человека, не способного говорить: волог. *бутаім, бутойім* ‘немой’ (СГРС, т. 1, с. 230–231). Слово неясное, требующее специального рассмотрения, оценки возможности его интерпретации в вариантах *бут-а-им* (контаминация двух корней) и *бу-та-им* (сложение архаичного префикса *бу-*, инфикса *та-* / *то-* / *ту-* и корня *-им-*).

В первом случае предполагается контаминация широко распространенной в русских говорах лексемы *бутуз* (*бутус, бутыс, бутыш, бутас*) и диалектного слова *куим*, которые имеют значение ‘необщительный человек’, ср. перекрестные ссылки на эти лексемы в речи информанта: *Бутоим-от, как куим, разговаривать умеет, а ничего не разговаривает. Бутыс такой сердитый, ничего не говорит, бутоим* (Там же, с. 231).

Вторая интерпретация связана с сочетанием архаичной приставки *бу-* (слова с такими префиксами обычно имеют экспрессивный характер с пейоративным оттенком [221, с. 37]), инфикса *та-* / *то-* / *ту-* (полно представлено варьирование вставных элементов) и корня *-им-*. Такая структура в словообразовательном отношении близка другим приставочным образованиям с корнем *-им-*, ср. *бутаим, куим, немой*. На наш взгляд, здесь сомнительна возможность исключения инфикса без потери смысла (нет фиксации **буим* ‘немой’), в то время как в подобных случаях принято опираться на сосуществование слов с инфиксом и без него, ср. диал. *втутолмить* и *втолмить* ‘научить’; *затаиливать* ‘заносить илом’ и *заилеть* ‘покрыться илом, обмелеть из-за заноса ила’; *растомаха* ‘неряшливый, неаккуратный человек’ и *размахоля* ‘небрежный, нерадивый в делах человек, разгильдяй; небрежно и неряшливо одетый или непричесанный, лохматый человек’ [222, с. 33–35]. Однако в случаях, когда такого соответствия не наблюдается, нередко у слова обнаруживаются эквиваленты без инфикса с другими приставками; так, орл. *растагарить* ‘разжечь’ сравнивают с болг. диал. *нъгаръм* ‘нагревать, накалять’ и арх. *угарить* ‘вздорить, бестолково браниться, ссориться’ [Там же]. В рассматриваемом случае таким эквивалентом могли бы выступить существительные *куим, немой*. Таким образом, можно говорить о словообразовательной модели, реализованной в словах *немой, куим, бутаим*.

Сложность обоснования изложенных версий¹ обусловлена узким ареалом слов *бутаим*, *бутоим*, *бутуим* (Верховажский район Вологодской области), что может указывать на маргинальность либо архаичность этих языковых фактов. Вне зависимости от истории происхождения рассматриваемых слов их значения, отраженные в словаре ('немой' и 'нелюдимый человек'), свидетельствуют в пользу сходства данных лексических единиц со словами *немой* и *куим*, общим для которых является семантический перенос 'не говорящий, косноязычный' → 'необщительный'.

Представления номинатора о немногословности замкнутых людей делают закономерным его обращение к звукоподражательным основам, передающим невнятную речь либо ворчание. Так, свердл. *кы́ра* 'нелюдимый, угрюмый и скупой человек' (СРГСУ, т. 2, с. 81) следует отнести к ономатопеям, продолжающим праслав. **kьrknŕti*, производное от **kьrkati* (ЭССЯ, т. 13, с. 215), ср. перм. *кырить* 'ворчать' (СРНГ, т. 16, с. 202), сиб. *кы́ркать* 'кричать, бранить' (ДО, с. 97), олон. *кы́рнуть* 'каркнуть, издать звук, вставить в общий разговор замечание' (Куликовский, с. 47), свердл. *кы́ркать* 'кашлять' (СРГСУ, т. 2, с. 81), коми-перм. *кы́рскать* 'хрустеть' (СРГКПО, с. 134), читин. *ба́бушка кы́ра* 'ворчливая, сварливая' (*В ичишках пляшешь: шир-шир, никакого стуку не слышно, а эта бабушка Кыра все ворчит. Че скажешь, глядишь: опять натутурилась, заест, ну чисто бабушка Кыра*) (Пашенко, ч. 1–2, с. 9).

В обозначениях нелюдимого человека активны звукокомплексы с повтором [р] и [м]. К ним следует отнести слова с корнем *мымр-/*

¹ В качестве третьей версии можно было бы выдвинуть предположение о том, что слово *бутаим* является приставочно-суффиксальным образованием, однокоренным с *таить(ся)*, *тайна*. Ср. структурно близкие существительные: *нелюдим*, *подхалим*, *отчим*, *побратим*. Эта версия привлекательна в том смысле, что семантика скрытности соотносима с образом нелюдимого, замкнутого человека. Суффиксальные образования с тем же корнем широко представлены в русских народных говорах: *таиба* 'тайна' (Срезн., т. 3, с. 912), волог. *таем* 'тайно, тайком' (КСГРС), *таилице* 'потайное место, тайник' (Срезн., т. 3, с. 913), новг. *таймный* 'скрытый' (НОС, т. 11, с. 21), *таймник* и *таймница* 'кто таймничает' (Даль, т. 4, с. 396). Однако слово *таим* не зафиксировано в качестве субстантива, обозначающего человека, что делает версию ненадежной.

мур⁻¹, обозначающие нелюдима, поскольку праслав. **mumra* считается производным от имитатива **mumrěti* / **mumriti* / **mumrati* (ЭССЯ, т. 21, с. 42) (ср. синонимичные им **mumrati* / **mumriti* (Там же, с. 43) с вариантным вокализмом): ставроп. *мумы́ря* ‘неразговорчивый, нелюдимый человек’ (СРНГ, т. 18, с. 345), диал. (б/у места) *му́мра* и *мы́мра* ‘домосед’ (Даль, т. 2, с. 366), твер. *му́мра* ‘домосед’ (ДО, с. 119), новг. *мы́мрик* ‘молчун, застенчивый человек’ (*У него сын был настоящий мымрик*) (НОС, т. 5, с. 115); ср. пск., твер. *замы́мряться* ‘сделаться угрюмым, домоседом, нелюдимым’ (СРНГ, т. 10, с. 270). Сема ‘необщительный’ имплицативно присутствует в обозначениях угрюмого, мрачного, невеселого человека, несмотря на то что нелюдимость как черта характера остается не названной в словарной дефиниции: простореч. бран. *мы́мра* ‘об угрюмой, неразговорчивой, скучной женщине’ (СлРЯ, т. 2, с. 317), *мы́мра* (обл., презрит.) ‘угрюмый, скучный человек’ (ТСРЯ, т. 2, с. 288), орл. *мы́мря* ‘об угрюмом,

¹ Кроме представленного в русских народных говорах значения ‘нелюдим’ слова с корнем *мур*- имеют в русском языке ряд других значений, объединенных высокой степенью экспрессии, что характерно для звукоподражательных основ. Ср. диал. *му́мря*, *мы́мря* ‘вялый зевака, ротозей’ (Даль, т. 2, с. 359), простореч. *мы́мра* ‘о несообразительном, глупом, вялом человеке’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 1417), появившиеся на базе значения ‘жевать’, поскольку в нем выделяется сема низкой интенсивности действия: вост. *му́млить*, *му́мрять*, *мы́мрять* ‘сосать, мочкать, чавкать, жевать, как беззубый; мулындать, вяло и долго жевать’ и ‘говорить вяло или нечисто, шамкать, как беззубый’ (Даль, т. 2, с. 359), волог. *му́мрять* и *му́млять* ‘есть тихо, медленно, не торопясь’ (СОВН, с. 262); ср. новг. *мы́мрять* ‘делать что-либо медленно’ (НОС, т. 5, с. 115). Закономерно привлечение экспрессива и к выражению семантики болезненности, худобы: новг. *мы́мрик* ‘слабый, истощенный человек или животное’ (Там же), урал. *му́мрыш* ‘заморыш (о человеке или животном)’ (*Маленький растет теленок, не поправляются, мумрыш, ребенок маленький тож*) (СРГСУ, с. 310), тул. *мы́мра* ‘очень худой, тщедушный человек’ (СРНГ, т. 19, с. 57), вят. *мо́рмыш* ‘о невзрачном, низкорослом человеке’ (Там же, т. 18, с. 268). Возможно, здесь имеет место аттракция с *заморить*, *уморить*, *заморыш*. Кроме того, осуждение в народной культуре получает невнимание к одежде, поскольку это признак нарушения сложившихся норм и небрежность по отношению к соблюдению «статуса» хозяйки дома, замужней женщины: рост. *мы́мря* ‘о грязном, нечистоплотном человеке’ (*От мымря сасетка, сроду в грязном платти*) (БТСДК, с. 292), новосиб. *мы́мря* ‘неряха, грязнуля’ (*А она, мымря, в драной кофточке на миру появилась, страмовка*) (СРГС, т. 2, с. 307) и др. Наконец, слово *мы́мра* известно русскому языку в качестве обозначения некрасивой женщины: смол., влад., калуж., тул., пенз., иван.-вознес. *мы́мра* ‘некрасивый, страхолудный человек (обычно о женщине)’ (*Мымрой и выглядит-то*) (СРНГ, т. 19, с. 57).

неразговорчивом человеке’ (*Он такой мымря, ни рѣзгѣварисси с ним*) (СОГ, т. 6, с. 160), рост. *мы́мря* ‘угрюмый человек’ (*Такая мымря всю жызынь ходить ни улыбаица*) (БТСДК, с. 292), калин. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ (Опыт СГКО, с. 131), орл. *мумы́ра, мумы́ря* ‘о молчаливом, угрюмом человеке’ (*Я ни мумы́ря какая стаяла, и спеть, и спливать луччи всех магла*) (СОГ, т. 6, с. 156), пск., твер., калин. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ (СРНГ, т. 19, с. 57), пск. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ (*Сидит, як мымра*) (ПОС, т. 19, с. 129), твер. *му́мра* ‘о невеселом, грустном человеке’ (*Ну что ходишь как мумра, невеселый, голову повесивши*) (Селигер, т. 3, с. 311), коми-перм. *му́мра* ‘невеселый, портящий всем настроение человек’ (*Сидит – мумра, смотреть вовсе на его неохота*) (СРГКПО, с. 152), пск., твер. *мы́мра* ‘человек угрюмого вида, не веселый’ (ДО, с. 120), новосиб. *мы́мрить* ‘хныкать’ (СРГС, т. 2, с. 307), смол. *замы́мриться* ‘надуться, закапризничать’ (ССГ, т. 4, с. 93).

К этому же этимологическому гнезду принадлежит, вероятно, смол. *мурму́ль* ‘угрюмый, малообщительный человек’ (*Ен мурмуль: ни табе пѣшутить, ни табе пѣсмияца*) (Там же, т. 11, с. 257), в котором представлен вариант корня, более близкий к исходному общеслав. **tъrmati / *tъrmiti*, появившемуся от экспрессивного редуцированного глагола **tъr-m (r) ati* (предполагается, что в результате корневого удлинения и диссимиляции он мог измениться в **ту (r) mрати, тумрати*) (ЭССЯ, т. 21, с. 42). Первоначальный вариант корня – **tъrm-* – представлен в обозначениях замкнутых людей единичными фактами, ср. белорус. *мурме́ль* (экспр.) ‘молчаливый, неразговорчивый человек’ (СПЗБ, т. 3, с. 85). Преимущество в эксплуатации этого варианта корня закреплено за значениями, связанными с ворчливостью или невнятной речью: пск., твер. *мормоте́нь* ‘о том, кто говорит неясно, неразборчиво’ (СРНГ, т. 18, с. 268), белорус. *мормы́ль* ‘воркунь, брюзга’, белорус. *мормылекъ* ‘говорится о капризном ребенке; упрямец’ (Носович, т. 1, с. 290), болг. *мърмо́рко* ‘ворчун’ (БРС, с. 399), с.-хорв. диал. *мр̑ма* ‘молчун, неразговорчивый человек’, словц. *mrtaј* ‘ворчливый, угрюмый человек’, словин. *těrmot* ‘неразговорчивый человек, ворчун’ (ЭССЯ, т. 20, с. 250–251) и др. Опосредованно они также связаны с образом необщительного человека и его речевыми характеристиками.

Образованиями звукоизобразительного характера являются также слова с повторяющимся звуком [м]. Так, карел. *мо́мом* ‘нелюдимый, угрюмый, неприветливый человек’ соотносимо, вероятно, со звукоподражательным глаголом **momotati*, ср. словен. *momotáti* и *mimotati*, чеш. *momtati*, н.-луж. *momotaś*, ст.-польск. *momotać*, польск. диал. *momotać* и *mamotać*, укр. *момо́тати* ‘неясно произносить, бормотать’ (ЭССЯ, т. 19, с. 208), ср. также укр. *мо́мом* ‘зайка, бормотун’ (Гринченко, т. 2, с. 443). Укажем, однако, на карельские лексемы, имеющие звукоподражательный характер: *mömmötteä* ‘ворчать, рычать (о медведе)’, ‘лепетать (о ребенке)’, ‘бормотать, ворчать’, *mömmötys* ‘мычание (о быке)’ (KKS, т. 3, с. 434). Ср. также в языке коми – *мо́мөт* ‘глуповатый, придурковатый, ограниченный, недалекий человек; болван, остолоп, глупец’ и ‘мямля’ (КРС, с. 398). Возможно, звукоподражательное сочетание с повтором губно-губного имеет типологический характер. Ср. тот же звук в нижегор. *ми́мика* ‘о молчаливом, нелюдимом человеке’ (СРНГ, т. 18, с. 165), твер., пск. *мамо́ня* ‘угрюмый, малообщительный человек’ (Там же, т. 17, с. 352) (ср. иван.-вознес. *мамо́нить* ‘болтать; ворчать’ (Там же), орл. *мамы́ка* ‘человек с дефектом речи’ (Там же, с. 354)).

Итак, запечатленными в лексическом материале критериями общительности и необщительности закономерно являются речевая активность (высокая либо низкая), технические параметры речи (невнятность) и эмоциональный настрой (благожелательность или неприветливость). В ходе создания номинаций носитель русского языка обращается к возможностям звукоизобразительных основ (*мырить*, *кырить*, *мамонить*, *момотать*, *букать*), к глаголам говорения (*баять*, *бахорить*, *говорить*, *приветить*), к глаголам, передающим отсутствие звучания (*молчать*).

Обратим внимание на меньшую продуктивность речевой модели по сравнению с предыдущими, несмотря на то, что в обыденной логике немногословность – один из существенных признаков необщительности. Само соотношение предметно-тематических кодов несет информацию о мышлении представителя данной языковой группы.

2.5. Зоологический код

При создании обозначений общительного и необщительного человека носитель диалекта обращается к образам животных, с которыми связаны определенные стереотипы сознания.

В севернорусских говорах нашлось средство для концептуализации общительности. Отталкиваясь от представления о стадных животных, носитель языка использует в качестве производящей основы слово *табун*: арх. *табу́нный* ‘общительный (о человеке)’ (СРНГ, т. 43, с. 207), арх. *табу́иный конь* ‘об общительном человеке’ (Там же, с. 208).

Необщительность же ассоциируется с пугливыми, либо мрачными, либо прячущимися животными, насекомыми.

В основе ряда обозначений нелюдима лежат стереотипные представления о поведении дикого животного – пугливого, боящегося людей, отсюда обращение к слову *ручной* (с отрицанием): вят. *нерушнóй человек* ‘о нелюдимом, необщительном человеке’, ср. вят. *нерушнóй* ‘норовистый, не привыкший к дому, дикий (о животном)’ (Там же, т. 21, с. 147)¹.

Поведение дикого животного отражено и в буквальной основе фразеологизма *дикий как козел* ‘о нелюдимом человеке’ (ЧРДФ, с. 167), ряз., курск. *козѳться* ‘избегать людей, дичиться’, поскольку это животное является эталоном беспокойного поведения, пугливости (в большей степени – коза) и упрямства (стереотипно – козел), ср. олон. *козлѳться* ‘упрямиться, упорствовать’, калин. *козля́стый* ‘упрямый’, олон., нижегор. *козлы́* ‘ссора, нелады’ (СРНГ, т. 14, с. 65–71).

Представлениями о дикости и одиночестве хищника, ни с кем не имеющего дружественных отношений, мотивировано пск. *один как волк* ‘об очень одином, нелюдимом и угрюмом человеке’ (СПП, с. 90), волгогр. *обраста́ть во́лчьей шѳрстью* ‘дичать, становиться нелюдимым’ (МСДГВО), ср. лит. *волком смотре́ть* ‘смотреть недруже-

¹ Отметим сходство между однокоренными (с корнем-дик-) обозначениями животного и необщительного человека: арх., волог., рус. (лит.), рус. (латв.), рус. (эст.) *ди́кий* и *дикóй* ‘странный, неловкий, застенчивый; иногда шальной’ (*Зять дикой, не людмяный; Дикой он, людей сторонится*) (СРНГ, т. 8, с. 56), дон. *дикóй* ‘о необщительном, замкнутом человеке’ (БТСДК, с. 133), смол. *дикли́вый* ‘застенчивый, пугливый’ (СРНГ, т. 8, с. 62), новг. *дику́ша* ‘застенчивая, нелюдимая женщина; дикарка’ (Там же, с. 65) и др. Однако между ними нельзя предполагать отношения семантической деривации.

любно, угрюмо, враждебно' (ССРЛЯ, т. 2, с. 609). От обозначения волка происходит и симб. *бирючина* 'угрюмый, нелюдимый человек', ср. симб. *бирючина* 'волк' и 'волк, медведь, иногда всякий зверь' (СРНГ, т. 2, с. 295) (заимств. из тюрк. (Фасмер, т. 1, с. 168)).

Образ животного, отличающегося грозным нравом и угрожающим видом, вызывающий ассоциации с хмурым, сердитым и неприветливым человеком, запечатлен в твер. *бык* 'о молчаливом, серьезном, имеющем как будто сердитый вид мальчике', диал. (б/у места) *быковатый* 'угрюмый, глядящий исподлобья' (СРНГ, т. 3, с. 342–343), волог. *бычий характер* 'неприветливость, грубость в обращении' (СГРС, т. 1, с. 247), ср.-урал. *пройти быком* 'о человеке, который проходит мимо с вызывающим видом, не отвечая на приветствие' (ЧРДФ, с. 190). Поэтому существительным *бык* закономерно мотивированы диалектные обозначения необщительного человека: курск., тул., влад. *быковатый* 'нелюдимый, застенчивый', влад. *быкonia* 'несмелый, застенчивый человек' (*Поешь. Что ты сидишь, как быконя?*) (СРНГ, т. 3, с. 343–344). Экспрессивность калуж. *недоеный* 'угрюмый, замкнутый, застенчивый' (Там же, т. 21, с. 20) усилена за счет его использования в виде характеристики мужчины, мальчика: *У ей все дети как дети, разговорчатые, а этот какой-то недоеный вырос, за рупь слово не вытянешь из него* (Там же). Такое словоупотребление нивелирует различия между образом коровы, которая беспокойна из-за избытка молока, и образом «сердитого» быка.

Еще одно мотивационное направление в диалектной лексике поля «Общительность» составляют слова, образованные по модели 'животное, укрывающееся под чем-либо' → 'нелюдим'.

В контексте, приведенном в словаре к орл., тул. *потурой* 'хмурым, угрюмым человеком' (*Такой нелюдимый живет на свете, потурой да и только*), указано на свойство «нелюдимый». Слово является вторичной номинацией от диал. (тул., калуж., орл.) *потурой* 'крот' (Там же, т. 31, с. 317). Основанием для семантического переноса стал мотив «обитающий под землей», т. е. «прячущийся».

Внутренняя форма «под камнем» выявляется в сев.-двин. *подкаmeshник* 'водяное насекомое, обитающее под камнями', у которого развилось переносное значение: сев.-двин. *подкаmeshник* «нелюдимый, злой человек» (Там же, т. 28, с. 26).

Аналогичные отношения семантической производности можно реконструировать между перм. *закожурник* ‘белый червь, живущий под корой деревьев’ (*Была бы древесина с корой, под корой закожурники ходят, черви – закожурники белые*) и перм. *закожурник* ‘замкнутый, необщительный, скрытный человек’ (*У нас его все как закожурника знают*) (СПГ, т. 1, с. 290). Сложность заключается в том, что они зафиксированы в разных районах одной области и в словаре подаются как омонимы. Возможно, обозначение червя не было прямым источником для развития значения ‘нелюдим’ и номинатор шел напрямую от мотивировки «за кожей». Однако связь с животным миром еще раз подтверждается тем, что слово *закожурный* встречается в заговоре в ряду детерминантов болезней домашнего скота (СРНГ, т. 10, с. 140).

Итак, зоологическая метафора появилась в результате наблюдений над внешним видом и поведением животных (пугливых, враждебных, сердитых) или над их образом жизни, средой обитания (лошади держатся табуном, крот обитает под землей, не показывается наверху, насекомые и черви прячутся под камнями, под корой).

2.6. Зрительный код

Зрение является одним из каналов получения информации об окружающей действительности, поэтому носитель языка представляет мир как изображение. Средствами зрительного, или визуального, кода реализуется семантика уединения.

Если затворничество трактовать с позиций наблюдателя, т. е. соседей, то нелюдим – «тот, кого нельзя увидеть»: костром. *невидím* ‘малообщительный человек, нелюдим’ (*Ой, какой невидим, бука!*) (Там же, т. 20, с. 342), перм. *невидím* (жен. *невидímка*) ‘нелюдим’ (*В соседях у меня невидимы, не разговаривают вовсе с народом*) (СПГ, т. 1, с. 584), яросл. *невидímочка* ‘девушка замкнутого характера, необщительная, любящая уединение’ (СРНГ, т. 20, с. 343), карел. *невидímкий* ‘угрюмый, замкнутый’. Видимо, сюда же следует отнести горьк. *невзóra* ‘человек с замкнутым, необщительным характером’ (Там же, с. 341–343).

Если характеризовать действия необщительного человека, то он предстает как «тот, кто не выглядывает (из дома), не показывается (на

людях)»: влад. *нека́занка* ‘нелюдимый человек’ (*Что за такие неказанки: чтобы их никто не видел, да никто о них не говорил*) (СРНГ, т. 21, с. 56), нижегор. *невы́гляд* ‘угрюмый человек, нелюдим, домосед’ (Там же, т. 20, с. 365), диал. (б/у места) *невыглядный* ‘домоседливый, нелюдимый’ (Там же).

Таким образом, в лексике русских народных говоров зафиксировано отсутствие нелюдима в зрительном образе окружающего мира.

2.7. Предметно-материальный код

Осмысление абстракций через представления о физических свойствах предметов материального мира можно наблюдать в лексике семантического поля «Общительность» на примере обозначений общительного и необщительного человека.

Так, внутренняя форма олон. *гла́дкий* ‘общительный, обходительный’ (Там же, т. 6, с. 179) получает объяснение через соотнесение с метафорой качества поверхности изделия (и его обработки), которая чрезвычайно продуктивна в лексико-семантическом поле «Воспитание», ср. внутреннюю форму таких характеристик невежливого, необходительного человека, как *грубый, неотесанный*. В данном случае она актуализируется в связи с представлениями о культуре общения, на что указано в дефиниции, которая включает в себя адъективный квалификатор ‘обходительный’.

Кроме того, необщительный человек представляется вялым, квелым. Дефицит коммуникативной активности запечатлен посредством обращения носителя русского языка к мотивировочному признаку «кислый»: печор. *кислу́ха*¹ ‘необщительный, замкнутый человек’ (*Неопытной, невежливой он, кислуха; Марфа-то неопходительна, с людьми хорошо разговаривать не любит, робить не хоцет, кислуха да*) (СРГНП, т. 1, с. 313).

¹ Эта же внутренняя форма выявляется в многочисленных негативных характеристиках человека по отношению к труду, умелости, силе, расторопности, эмоциональному состоянию: диал. (б/у места) *кислу́х* ‘вялый, ленивый, унылый человек’ (СРНГ, т. 13, с. 233), пск., твер. *киселя́й* ‘вялый, неумелый, бестолковый человек’ (Там же, с. 228), колым. *кислова́тый па́рень* ‘плохой, неповоротливый работник; апатичный, недеятельный человек’ (Там же, с. 232), ряз., новг., прикам. *кисляк* ‘слабый, слабосильный, хилый человек’ (Там же, с. 236), ворон. *кислый* ‘угрюмый’ (Там же, с. 235) и др.

Идея вялости, недостаточной активности воплощена и во внутренней форме волгогр. *клеклый*¹ ‘необщительный’ поскольку этим словом может обозначаться нечто вязкое, склизкое или обмяклое, вялое: волгоград. *клеклый* ‘непропеченный, сырой внутри (о хлебе)’, ‘вялый, завядший, увядший (о растениях)’ (СДГВО, т. 3, с. 86).

* * *

Таковы модели номинации, последовательно отраженные в рассмотренном лексическом материале. В изучаемом поле активны антропологический, мифологический, пространственный, речевой, зоологический, зрительный, предметно-материальный коды.

В диалектной наивно-языковой картине мира склонность или несклонность человека к взаимодействию с другими людьми получает **образные воплощения** чаще, чем в картине мира носителя литературного языка. Ономазиологический подход выявляет устойчивые ассоциации между необщительностью человека и отстраненной позицией старообрядца и мусульманина в отношении к миру, поведением домового нечисти, чужестью дикой природы и ее враждебностью к человеку, пугливостью и образом жизни животных, насекомых, грозным видом животных, а также мягкостью, вялостью некоторых предметов материального мира. Общительность же ассоциируется с широтой и высокой степенью освоенности пространства человеком, с поведением стадных животных и гладкостью поверхности предмета.

На основе мотивационного анализа лексико-семантического поля «Общительность» в русских народных говорах реконструируется модель мира, основу которой составляют следующие **константы восприятия действительности носителем русской традиционной культуры**:

- человек находится в тесных взаимодействиях с членами своей общины или занимает позицию отстраненности;
- жилище является «необщинной» территорией, закрытой от всех;
- Русь (русь) как эталонный макросоциум характеризуется людностью и широтой, открытостью пространства;

¹ Наряду с уже упомянутым значением ‘необщительный’ у слова *клеклый* развилось также значение ‘забитый, бесхарактерный’ (СДГВО, т. 3, с. 86).

- речевое поведение человека есть следствие характера и средство его диагностирования;
- человеческому сообществу противопоставлены мир нечисти и мир дикой природы в качестве иных, чужих;
- домовые – представители потустороннего мира, которые отличаются привязанностью к своему локусу обитания и враждебностью к человеку;
- животные – живые существа, поэтому их повадки, образ жизни похожи на поведение людей в социуме;
- лес и любые объекты в нем – дерево, яма, звери, живущий в лесу человек – обладают общими для них признаками (хотя бы одним из них): изолированностью (из-за отдаленности от людских поселений), враждебностью к человеку (поскольку дикая природа таит в себе опасность).

Константы представляют собой суждения, обладающие устойчивостью и бесспорностью в сознании носителя культуры (или субкультуры), концептуальные установки, общие для этнического коллектива и усвоенные человеком на протяжении жизни. Использование средств одного предметно-тематического кода основывается на одной или нескольких константах.

Например, представление о чужести демонологических существ человеку обусловило обращение номинатора к мифологическому коду, в то время как пространственный код, в отличие от предыдущего, неоднороден в плане самих трактовок и «видов» пространства – реального географического и идеального, моделируемого в соответствии с противопоставлением верха и низа, центра и периферии и т. д. Поэтому можно говорить о совокупности нескольких установок, касающихся пространства: представлений о доме, о Руси (руси), о лесе.

Константа обеспечивает номинативное единство, но не мотивационное. Так, мифологический код опирается на одну константу, но основанием для создания номинации является или представление о том, что нелюдим сидит дома, как вечно обитающий в «своем» пространстве домовый, или представление о немногословности нелюди-ма, сравниваемой со стереотипом речевого поведения домовый нечисти, или представление об угрюмости, мрачности нелюди-ма, ассоциирующейся с враждебностью домовых к людям.

В мотивационной структуре лексико-семантического поля «Общительность» роль организующих центров выполняют три мотивационные доминанты, каждая из которых представлена бинарной оппозицией.

Мотивационная доминанта «изолированность vs. консолидация» является базовой в изучаемом поле, поскольку лежит в основе большинства рассмотренных номинативных моделей. Она реализуется в нескольких сквозных мотивах: «входящий в группу – одинокий» (*людиться, нелюдим, артельный, народный, один как волк*); «свой – чужой» (*свойский, чужеватый, бука, думова, кержак, магомет*); «открытый – закрытый» (*закожурник, западай, неказанка, скроземельный, крот, потема, запечник, ерома* и др.); «центральный – отдаленный» (*лесной, боковатый*).

Мотивационная доминанта «активность vs. пассивность» реализуется в диалектной языковой среде при помощи элементов предметно-материального (*кислуха, клеклый*), пространственно-динамического (*расхожий, потурный, неваровый, пантюха*), речевого (*байчивый, скупой на язык*) кодов.

Мотивационная доминанта «соединение vs. несоединение» задает осмысление общительности как умения осуществлять коммуникацию, т. е. как контактности, необходимой для выполнения совместных с кем-либо действий: *подходчивый, лазушный, сробливый, гладкий*.

Итак, мотивационные доминанты, когнитивные структуры наибольшей степени абстракции, безусловно, обладают наименьшей этнокультурной нагрузкой и имеют интерпретирующий характер по отношению к сквозным и частным мотивам, реконструируемым при анализе лексем, однако составляют ядро понятия, «комплект» представлений о сути номинируемого явления действительности, приводят к общему основанию все множество частных мотивов и образов.

Найти соответствие между мотивационной доминантой и семой как частью понятийного содержания означает найти точки соприкосновения смыслов, распределенных между семантикой и мотивацией. Именно пласт мотивов выполняет роль верифицирующего инструмента в установлении объема и наполнения понятия.

Поиск упорядочивающих семантических линий, узловых смыслов, задающих семантическую и мотивационную структуру поля

«Общительность», приводит к выводам о том, какими предстают в наивно-языковом сознании носителей русских народных говоров общение и общительность. В понимании представителей традиционной культуры *общение* ориентировано на консолидацию, является инструментом интеракции и представляет собой деятельность, требующую активности, энергичности; *общительный человек* включен в коллектив, успешен в интеракциях и деятелен; *необщительный человек* занимает позицию вне коллектива, неблагополучен в интеракциях и инертен.

Раздел II

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Свое поведение и построение отношений с другими представителями своего микросоциума человек соотносит с тем, как отнесутся к этому окружающие: близкие, родные, соседи. Вне акций целенаправленного контроля над действиями человека общество подспудно оказывает влияние на каждого, кто входит в социальную группу, признает ее ценности, доверяет мнениям, оценкам, высказываемым членами группы в отношении других людей.

В традиционном обществе более, чем в любом другом, принято опираться на то, что известно о прошлом, о поступках человека, его семье, роде, и выверять свои действия мнением других людей. Механизмом неявной регламентации взаимоотношений людей внутри социальной группы, в пределах которой люди длительное время знают друг друга, является общественное мнение.

В настоящем разделе на лексическом материале (преимущественно диалектном) проводится реконструкция понятия «общественное мнение», значимость которого подтверждена существованием различных форм общественного порицания в традиционном социуме, в котором вывелись основы русской культуры, и номинативной разработкой этого понятия в русском языке.

Далее будут представлены результаты семантического и мотивационного анализа лексики и фразеологии этой семантической области, проведенного с целью прояснить структуру данного лексического поля, установить объем и наполнение рассматриваемого понятия в русской традиционной народной культуре.

Глава 3. Семантическая структура лексического поля «Общественное мнение» в русских народных говорах

К числу лексико-семантических полей, единицы которых участвуют в вербализации представлений о социальной регуляции, принадлежит лексико-семантическое поле «Общественное мнение», объ-

единяющее слова разных частей речи со значениями ‘уважать’, ‘стать уважаемым’, ‘осудить’, ‘опозорить’, ‘имеющий плохую репутацию’, ‘неавторитетный, неуважаемый’, ‘неуважаемые люди, сброд’, ‘общественное мнение, репутация’, ‘распространение дурной славы’ и др.

Часть слов со значениями ‘оценивать’, ‘публично выражать оценку’, ‘принуждать вести себя иначе’ и подобными значениями имеют общую сему ‘оказывать влияние’ и рисуют процесс направленного воздействия общества на поведение человека.

Кроме того, лексико-семантическое поле включает в себя оценочные характеристики человека по признаку отношения к нему других членов общины, т. е. обозначения уважаемых и неуважаемых, ничемных, имеющих низкий социальный статус людей. Процессуальный компонент семантики в таких словах отсутствует, однако они образуют элемент социальной стратификации общества – не по занятости в какой-либо трудовой деятельности, не по принадлежности к социальным институтам или включенности в семью как ячейку общества. Скорее, речь идет о такой стратификации общества, которая является естественным следствием *межличностных взаимодействий*. Она чрезвычайно значима для носителя народной культуры. Человек существует в пределах общины с ее замкнутостью, многолетними традициями и перспективой остаться в этом сообществе людей, закрепитесь в нем, создать семью, растить детей, работать, жить, строить свое будущее, сохраняя при этом традиционный уклад жизни. При такой высокой степени стабильности окружения взаимные оценки выполняют функцию взаимного контроля над поведением, его коррекции. Человек является объектом оценки и сам участвует в оценивании. Его уважают, не уважают, презирают, ни во что не ставят, высмеивают (и т. д.), а он выполняет эти же действия в отношении других людей.

Круг номинаций этой семантической области остается не вполне определенным. Категория общественного мнения сопряжена с понятием оценки и лишена ясных очертаний в языковом сознании, поскольку она, имея небольшую собственную номинативную базу, трансформируется в понятия репутации, авторитета и соотносится с порицанием как формой выражения общественного мнения. Каждое из этих понятий («оценка», «репутация», «авторитет», «порицание») в той или иной степени и форме вербализовано.

3.1. Семемы лексико-семантического поля «Общественное мнение»

В общенародном языке мысль о том, что мнение о человеке является общим для всех или многих членов социума, воплощена в лексеме *слава*.

Культурному концепту СЛАВА посвящена работа Е. В. Нагибиной, которая исследует семантическую эволюцию, деривацию, синтагматические связи существительного *слава* в русском литературном языке и в качестве ядерных выделяет следующие признаки: person (субъект), indication (его характеристика), society (общество, окружение) и opinion (мнение, оценка) [199]. В работе преследуется цель описать концепт, который, в сущности, расщепляется из-за полисемии: в зоне внимания оказывается несколько разных понятий, в том числе понятие репутации. Материал и ракурс исследования не предполагают обращение к другим языковым воплощениям этого понятия, остается без внимания лексика русских народных говоров, расширяющая ряд вербальных репрезентаций понятия «общественное мнение», в котором существительное *слава* занимает центральную позицию.

Это слово является многозначным и имеет в современном литературном языке следующие значения: лит. *слава* ‘почетная известность как свидетельство признания заслуг, таланта, доблести и др.’, ‘то или иное мнение о ком-, чем-либо; репутация’, ‘(разг.) слово, молва, толки’, ‘возглас, выражающий хвалу, признание’, ‘название русской хвалебной величальной песни’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 1123). Полисемия этого существительного позволяет уточнить, как категория «общественное мнение» соотносится с понятиями «известность», «молва», «хвала». Опираясь на идею смысловой близости значений одного слова, мы попытались придать более определенные очертания понятию «общественное мнение».

Во-первых, актуализируется сема ‘известный’, ср. аналогичное соседство значений в лит. *имя* ‘репутация’ и ‘чья-л. известность, слава’ (Там же, т. 5, с. 321). Определение прилагательного *известный* в словаре литературного языка содержит сему ‘знать’: лит. *известный* ‘такой, который (которого) знают, о котором имеется то или иное представление, понятие’ (Там же, с. 112). Взаимосвязь знания и общественного мнения следует толковать, по-видимому, как условную:

знание о ком-либо является необходимым условием для формирования общественного мнения о нем. Оцениванию предшествует **распространение сведений о качествах или поступках человека**, информирование. Ср. диалектные контексты, подчеркивающие знание окружающих о людях, имеющих репутацию хорошего или плохого мастера: диал. (б/у места) *в славе кто-, что-л.* ‘кто-, что-либо пользуется широкой известностью, славится’ (*Этот мастер в славе, все к нему!*) (СРНГ, т. 38, с. 213), брян. *гэпала* и *загавála* ‘мастер, производящий плохую по качеству продукцию’ (*Нашоу каму аддать работу – гэпалу*) (брян. *гэпнуть* ‘сильно ударить’ (СНГЗБ, с. 79)). Вспомним также, что своеобразной «формой контроля» общественного мнения является замалчивание, сокрытие чьих-либо действий. Недостаток «информационных ресурсов» тормозит изменение общественного мнения. Связь между знанием о человеке (его поступках, характере, мастерстве и др.) и мнением о нем подтверждается тем, что лексемой *знать* мотивировано обозначение человека, о котором сложилось хорошее мнение, ср. внутреннюю форму карел. *знáемый* ‘известный, уважаемый’ (*Муж хороший был человек, знаемый, получал хорошо*) (СРГК, т. 2, с. 254).

Во-вторых, из сопоставления лексем *слава* ‘слово, молва, толки’ и *слава* ‘репутация’ (а также из родства существительных *слово* и *слава*) выводится представление о **речевой деятельности как основном способе формирования общественного мнения**. В общенародном языке функционируют также слова *молва*, *слухи*, *толки*, *пересуды*, которые толкуются в словарях друг через друга и имеют явно выраженный речевой компонент в семантике: *молва* ‘слух, весть, толки в народе, обществе о ком-, чем-либо’ (Лиза: *Грех не беда, молва не хороша*. София: *Что мне молва? Кто хочет, так и судит* – Грибоедов, «Горе от ума») (ССРЛЯ, т. 6, с. 1164), *слухи* ‘молва, толки’ (*Из слов его я заметил, что про меня и княжну уж распущены в городе разные дурные слухи* – Лермонтов, «Герой нашего времени») (Там же, т. 13, с. 1285), *толки* ‘молва, слухи; пересуды, разговоры’ (Там же, т. 15, с. 540), простореч. *пересуд* и разг. *пересуды* ‘высказывание недоброжелательных суждений о ком-либо, о чьих-либо действиях, поступках’ (Там же, т. 9, с. 923). При всей их семантической близости существительному *слава* выделение у них самостоятельного значения ‘общественное мнение, репутация’ не состоялось.

В-третьих, значения, соотносимые с понятием хвалы ('хвалебная песнь', 'хвалебный возглас'), свидетельствуют о том, что рассматриваемое существительное может выражать *оценочные смыслы вне атрибутивных сочетаний*. Действительно, его дериваты способны, с одной стороны, служить обозначениями хорошего мнения о человеке (доброй славы): бурят., кемер. *славутный* 'знатный, пользующийся всеобщим уважением, славой, зажиточный' (*У гости ходили. К худым-то людям не ходили, усе старались к славутным людям*) (СРГС, т. 4, с. 337), волог. *славну́ха* 'девушка на выданье, отвечающая требованиям, предъявляемым к невесте в отношении ее физических и нравственных качеств' (СРНГ, т. 38, с. 217). С другой стороны, это слово и его производные используются для обозначения сомнительной репутации: простореч. *слава* 'дурное мнение, плохая репутация' (*Все они кругом мошенники, а на нас слава – А. Островский, «Свои люди – сочтемся»*) (ССРЛЯ, т. 13, с. 1124), пск., твер. *посла́ва* 'молва, дурная слава' (СРНГ, т. 30, с. 174), смол., курск. *осла́ва* 'дурная слава' (*Пошла по вусей деревне об нас ослава*) (Там же, т. 24, с. 20), калуж. *осла́виться (кем-л.)* 'быть оговоренным, обесславленным' (*Мужик и ославился бабкой*) (Там же), сев.-двин. *насла́виться* 'стать предметом слуха, сплетни; опозориться' (Там же, т. 20, с. 168), волог. *насла́вленным быть* 'иметь дурную славу' (*Колиша уж так наслан был*) (СРГК, т. 3, с. 375), калуж. *сла́вить на наро́де* 'распространять всюду худую славу' (СРНГ, т. 38, с. 215), пск. *наложіть сла́вушки* 'ославить' (*Много славушки наложат – нет защиты никакой*) (ПОС, т. 20, с. 74) и др.

Противоположные значения соседствуют в диал. *насла́вить* 'расхвалить, прославить' (*Наславили работу его, а она не лучше других (б/у места)*) и 'ославить, оклеветать' (*Не так уж он виноват, как наславили про него*) (волог.) (СРНГ, т. 20, с. 168). Во всех приведенных случаях оценочный компонент включен в семантическую структуру слова, при этом в каждой конкретной ситуации словоупотребления из двух полярных оценок актуализируется только одна, поскольку они связаны отношениями взаимоисключения.

Энантioseмия в данном лексическом гнезде объясняется речевой семантикой внутренней формы слова: предметом высказываний может быть равно хорошая и плохая оценка.

Оценки могут быть выражены посредством «внешнего» атрибутивного компонента (*худой, добрый, плохой* и др.), прилагаемого к существительному *слава* в контекстах: *слава* ‘как кто слывет, прослыл в людях, молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству’ (*Об нем добрая, плохая слава ходит; Поп-то Сава, да не хороша слава*) и ‘слух, молва вообще, вести, говор’ (*Хороши ребята, да славушка худа; Девка хороша, да слава нехороша; Добрая слава в углу сидит, худая слава по дорожке бежит*) (Даль, т. 4, с. 220), смол. *кто-, что-либо плохой, хорошей славы* ‘кто-, что-л. с плохой, хорошей славой, репутацией’ (СРНГ, т. 38, с. 213).

Ср. также включение атрибутивной единицы *худой* в структуру композитов: горьк. *худосла́вить* ‘плохое говорить о ком, о чем’ (*Што ты про меня худославишь?*) (КСРНГ), калуж., ветлуж. *худосла́вничать* ‘распространять дурную славу, молву о ком-либо, наговаривать’ (*Не стыдно ли худославничать про людей-то?*) (Там же), калуж. *худосла́вничество* ‘распространение дурной славы’ (Там же), карел. *охудосла́вить* ‘ославить, опозорить’ (*Охудославить – пустить плохую славу*) (СРГК, т. 4, с. 350), ряз. *худосла́вье* ‘плохая репутация, дурное мнение’ (*На кой ты мне нужен, худославье принимать*) (Деул. сл., с. 590).

Таким образом, если соотнести понятие «мнение» с другими актуализированными в значениях этого слова понятиями «известность», «молва», «хвала», то получится, что общественное мнение – это оценка, которая основывается на распространении сведений («информировании»), вербализуется (выражается через посредство речевой деятельности), имеет полярность (плюс или минус). ***Под общественным мнением понимается итог дискретных речевых актов между членами микросоциума, нацеленных на распространение сведений о чужих поступках и их оценках – одобрении и неодобрении.***

Слово *честь* как обозначение почета, уважения также сопряжено с понятием репутации: печор. *в честь попа́сть* ‘начать пользоваться чьим-то уважением’ (*Я ведь Нинке сколь помогала, а в честь не попала*) (ФСРГНП, т. 1, с. 116), перм. *избесче́стить* ‘опозорить’ (*Чем я тебя избесчестила, что ты ко мне не ходишь?*) (СПГ, т. 1, с. 345). В пословице *Девичья слава, что зеркало: идохнуть нельзя* (Даль, т. 4, с. 220) существительное *слава* можно без потери смысла заменить словом *честь*. Глаголу *честить*, как и глаголу *славить*, свойственна «внутрисловная антонимия (энантиосемия)»: *честить* (кого) ‘читать,

чествовать, почитать, уважать душою' и 'бранить, ругать, поносить, хулить' (Даль, т. 4, с. 617–618), влад. *честить* 'величать, угощать' и 'ругать' (1853) (КСРНГ).

Однако в некоторых контекстах понятия славы и чести подчеркнуто дифференцированы: *Честь честью, да славы нет. Честь честью, а слава нехороша* (Даль, т. 4, с. 617). В этом случае под честью понимается этическая категория, объективная характеристика человека по тем установкам, принципам, которых он придерживается ('совокупность высших морально-этических принципов личности' (ССРЛЯ, т. 17, с. 987)). Контекстные противопоставления отчетливо высвечивают различие между честью как совокупностью духовных характеристик человека и славой как общественным мнением. В отличие от энантиосемичного глагола *честить*, существительное *честь* не может содержать в своей семантической структуре негативно-оценочные компоненты.

Антонимичные оценочные прилагательные сочетаются сегодня и со словом *репутация*, которое первоначально, в период заимствования (XVIII в.), имело положительную маркировку, включаясь в ряд *честь – слава – хвала*, и лишь в XIX в. стало стилистически нейтральным, вступив в словесный ряд *слава – имя – реноме* со значением 'общее мнение о ком-либо' в качестве доминанты [27, с. 193–194]¹. Ср. в словаре иностранных слов 1908 г.: *репутация* 'добрая или дурная слава' (Смирнов, с. 671–672). Вероятно, семантическая трансформация произошла под давлением энантиосемии, свойственной словам *слава, наславить, честить*.

В книжной традиции наряду со словом *репутация* употребляются существительные *имя, реноме*: *репутация* 'общественное мнение, сложившееся о ком-, чем-либо' (*Ответьте мне прежде всего: интересуется вас хоть сколько-нибудь то, что о ней говорят и сплетничают? Ну, словом... черт!... ее репутация* – Куприн, «Поединок») (ССРЛЯ, т. 12, с. 1240), *имя* 'сложившееся о ком-л. общее мнение; репутация' (*Вы будете убиты, Умрете – с именем и смертью подлеца* – Лермонтов, «Маскарад») (Там же, т. 5, с. 321), *реноме* 'установившее-

¹ В статье А. В. Бастрикова решается задача описания судьбы заимствований (*амбиция, реноме, репутация, респект*) и в числе прочих рассматривается вопрос адаптации в русском языке заимствованного существительного *репутация* на фоне слов *честь, слава, молва, мнение* в книжной речи [27].

ся мнение о ком-, чем-либо; репутация' (*Авторы не будут в обиде, а ты приобретешь реноме хорошего переводчика* – Чехов, «Письмо Ал. П. Чехову, 25 дек. 1882») (ССРЛЯ, т. 12, с. 1218). Отметим в их определениях такие ключевые моменты: апелляцию к понятию «мнение», актуализацию сем 'общий' и 'сложившийся, установившийся'.

Мнение определяется в словаре русского литературного языка как 'суждение, выражающее оценку, отношение, взгляд на что-л.' (Там же, т. 6, с. 1078). На основании этой дефиниции можно говорить о том, что репутация базируется на оценивании, а точнее, на выражении оценки, т. е. *порождается оценочными высказываниями*. При помощи атрибутивов *общее, общественное*, прилагаемых к существительному *мнение* в дефинициях слов *имя* и *репутация*, акцентировано внимание на *совпадении множества оценок по качеству*. Наконец, посредством причастий *установившееся, сложившееся* (о мнении) в дефинициях всех трех слов (*имя, репутация, реноме*) зафиксирована сема *становления оценки*: репутация предстает как результат длительного процесса «накопления» сходных оценок, члены микросоциума постоянно находятся в режиме взаимного оценивания. Мнения разных людей, высказанные в разное время, складываются в систему, которой все представители общества пользуются как «картой социальных ориентиров».

Таким образом, в семантическую структуру понятия «общественное мнение» входят элементы «оценка поведения человека», «множественный субъект оценивания» и «постепенное становление оценки». *Под общественным мнением понимается результирующее значение, которое складывается из многочисленных оценок, одинаковых по качеству и подтверждаемых разными людьми в течение длительного периода.*

Сопоставив этот вывод с приведенным выше, обратим внимание на то, что слава и репутация, традиционно одинаково определяемые как общественное мнение о человеке, осмысляются несколько по-разному. То и другое видится результатом оценочных высказываний людей. Однако представления о славе, которая толкуется как «то, что распространяется», тесно связаны с семантикой оповещения и речевой деятельности, репутация же трактуется как «то, что постепенно складывается». Слава и репутация соотносятся как информация и образ соответственно.

Для характеристики релевантного в народной культуре понятия «общественное мнение» более значима процессуальная составляющая, объективированная в лексемах *молва*, *слава*, поскольку в традиционном социуме обнародование сведений о каждом является *механизмом регулирования отношений между людьми*. Для носителя современной культуры важнее *личность с ее багажом – репутацией*.

В современном русском языке слова *молва*, *слава*, *честь* уступили позиции заимствованию *репутация*. С одной стороны, оно называет «итоговое значение» множества оценок, в отличие от слова *молва*, обозначающего процесс распространения сведений. С другой стороны, оно обладает однозначностью, что дает ему преимущества в использовании перед полисемичными словами *честь*, *слава*.

В качестве некоторых соображений по поводу изоморфности понятий «общественное мнение», «слава», «репутация» отметим, что они имеют разную сочетаемость с посессивным глаголом *иметь*. Можно сказать: *иметь репутацию*, *иметь славу* (в значении ‘репутация’). Однако общественным мнением «обладать» нельзя, поэтому сочетание **иметь общественное мнение* в русском языке ненормативно.

Отметим интересную зависимость: понятие общественного мнения тем более релевантно и определено, чем меньше коллектив и крепче традиции. Отличие народной трактовки общественного мнения от всех других состоит в определенности эталона, по которому один член микросоциума оценивает другого. Этим мерилom является *обычай, традиция*, ср. значения перм. *не к лицу румяна* ‘о несоответствии какого-л. поступка общепринятым нормам поведения, обычаям и т. п.; о том, что не делает чести кому-л.’ (*Трепаться да гулять со всякими не к лицу румяна; уж выйти замуж, дак выйти*), перм. *в честь полéзть* ‘стараться сделать как принято, чтобы не осудили другие’ (*Хоть не дорогое, а все-таки дарила я здарье-то, все-таки в честь-то полезла*) (СПГ, т. 2, с. 306). Носитель традиционной культуры кладет в основу оценочных высказываний о человеке представления о том, как принято и как не принято делать, поступать в том обществе, частью которого он является.

Согласно русской языковой картине мира репутацию может иметь не только человек, но и более крупные социальные единицы. Прежде всего, это семья, ср. тамб. *свátать по важé* ‘выбирать невесту не по красоте или богатству, а по тому, какие у нее родственники’ (СТГ, с. 164).

Кроме того, «наславленной» может быть деревня, ср. контекст к костром. *просмѣянный* ‘тот, над которым смеются’ (*Воронино – просмишная деревня. Там имена Ипат, Роза да Ларион – такие имена надает батюшка, ненастоящие. Деревня такая, видимо, просмишная, из-за людей эдаких, просмеяли, или сами себя могут просмеять. Или там хулиганистая деревня, или безработная*) (ЛК ТЭ). Своего рода «дурная слава» деревни подразумевается в арх. *черная деревушка* ‘бедная деревня, в которой много домов топилося по-черному’ (АОС, т. 11, с. 64), костром. *немшениная сторона* ‘о деревне или группе деревень, в которых жители не используют мох при постройке дома’ (ЛК ТЭ), ср. *немшо(е)ный* ‘о построении: срубленный без моха, непроложенный, непробитый мохом’ (*Сибирь немшениная – дразнят сибиряков, потому что никто из инородцев тамошних не мшит изб*) (Даль, т. 2, с. 539). Речь идет о неблагополучных деревнях, где нет крепких хозяев, а жители не могут или не хотят заботиться о своем хозяйстве. Деревня имеет репутацию, совпадающую с репутацией ее жителей.

В результате проведенного семантического анализа языковых фактов, репрезентирующих понятие «общественное мнение» в русском языке, выявляется следующее содержание этого понятия:

1. Общественное мнение – это результат оценивания поступков или качеств человека.
2. Субъектом оценки является множество людей, составляющих окружение объекта оценки.
3. Объектом оценки может быть как человек, так и другие «социальные единицы»: деревня, семья.
4. Необходимым условием формирования общественного мнения является знание о поступках, качествах человека.
5. В традиционном обществе эталоном, с которым человек сверяет поведение окружающих, является обычай.
6. Способом формирования общественного мнения является речевая деятельность членов сообщества.
7. «Накопление» оценок и обмен мнениями – протяженный во времени процесс: члены микросоциума постоянно находятся в режиме взаимных оценок.
8. Основанием для выводов служит совпадение мнения разных людей.

9. Общественное мнение, или репутация, представляет собой результирующее значение оценок, т. е. универсальную оценку по шкале «хороший – плохой», подытоживающую любые другие оценки.

10. Общественное мнение является механизмом регулирования социальных отношений.

Слова со значением ‘общественное мнение’ составляют центр лексико-семантического поля с одноименным названием, поскольку, во-первых, образуют ряд синонимов (*слава, честь, молва, репутация, имя, реноме*), что свидетельствует о высокой значимости называемого объекта в русской языковой картине мира, во-вторых, некоторые члены этого ряда принадлежат общенародному языку.

Остальное пространство лексико-семантического поля «Общественное мнение» составлено семантическими секторами «Уважение» и «Порицание».

Категории уважаемых людей и сброда занимают значительное место в языковом сознании носителя традиционной культуры. Например, в русских говорах феноменально большое количество обозначений неавторитетных людей, сброда в народной речи: новг. *шáвань*, новг., твер., курск. *шáвель*, тул. *шáверень* ‘шваль, сброд, сволочь, ничтожный, дрянной люд’ (Даль, т. 4, с. 637), иркут., новосиб. *шарáбора* ‘компания непорядочных, неприличных людей; сброд’ (СРГС, т. 5, с. 324), курск., новг., твер. *шáвель* ‘ничтожные люди, дрянь’ (*Всякая шавель обо мне говорит; Собрались, да все шавель*), краснодар. *шúваль* ‘шваль, плохие люди’ (КСРНГ), *шúшера, шúшерь, шúшель* (собр.) ‘сброд, сволочь люда, шушваль, дрянной люд’ (*Такая шушера сошлась, что не знаешь, куда отвернуться*), тобол. *шúхоботь*, олон. *шúхворость* ‘сброд, шваль, шушваль, шижголь, сволочь’, *шваль* (собр.) ‘шушваль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка’, вост., перм. *шúшара, шúша*, калуж. *шúжголь* ‘народ, сброд, сволочь, шихоботь, шваль, шушваль; голь перекатная, бедняк, или шатун, лентяй’ (Даль, т. 4, с. 644, 656, 670], перм. *галерка* ‘о людях, не имеющих веса, авторитета в обществе’ (СПГ, т. 1, с. 155); среди них большую группу образуют фразеосочетания вида «кто (что)-л. да кто (что)-л.», имеющие семантику собирательности: костром. *шóша да барабóша* ‘сброд, никчемные люди’ (*Ни на что негодных людей называла мама так, скажет: собрались шоша да барабоша*) (ЛК ТЭ), олон., костром, горьк. *кол да перетьика* и костром. *шваль да под-*

бирало '(пренебр.) непорядочные люди; всякий сброд' (*У нас ведь родня-то шваль да подбирало, оторви да брось, кол да перетыка*) (СРНГ, т. 26, с. 249) и др.

Обозначений уважаемых людей, имеющих «вес» в обществе, существенно меньше: оренб., ворон., урал., сиб. *старик* 'уважаемый член общества, имеющий право голоса на сходе, пользующийся авторитетом и доверием односельчан' (Там же, т. 41, с. 70), перм. *почетный* 'уважаемый, пользующийся вниманием' (*Они все же почетные люди, справные, в чести живут; Не буду хулить себя и сестру, были мы почетными и по родным и сами по себе, трудливые мы были, вот и уважали нас*) (СПГ, т. 2, с. 194) и др.

Любопытно, что обозначения уважаемых и неуважаемых людей различаются по реализации в них количественной семы: 'единственность' vs. 'множественность'. Неуважаемые люди представлены в наивно-языковом сознании как составляющие асоциальную группу, держащиеся ватагой и похожие друг на друга неблаговидностью поступков или образа жизни: *Вся ошошь идет* (ЛК ТЭ), моск. *шурда́-бурда́* 'всякий народ, все больше мало годные люди' (*Шурды́-бурды́ собрались*) (КСРНГ), дон. (неодобр.) *сук (да, и) крюк (да, и) дрюк, ва́ленок-бирю́к (лапоть)* 'отрицательная характеристика группы людей' (*Два чилавека, адин аднаво стоить, сук и крюк, сучки збивают; Сук, дрюк и лапоть сабрались там, бягун ли, бягличка, бедными, пьяницы*) (БТСДК, с. 518) и др.

Семантическая область «Порицание» также достаточно хорошо разработана в русских диалектах. В числе объектов номинации оказываются:

- порицающие действия, как правило, речевые, поскольку без использования вербальных средств невозможно ни распространение сплетен, ни внушение, ни обсуждение, ни осмеяние: карел. *офофóнить* 'опозорить, пристыдить' (*Ой, как я его офофонила при всем-то народе, вот постыдку-то было; Поди скажи Темухе-то, что я пойду в Великую затра, дак офофоню его обязательно*) (СРГК, т. 4, с. 342), брян. *разгудить* 'расславить, разбранить, осудить' (СНГЗБ, с. 225), мурман. *заплевáть* 'строго осудить' (*Пойдет мужчина с девушкой, заплюют, не принято было*), ленингр. *клейми́ть* 'ругать, осуждать' (*И как меня соседи клеймят*) (СРГК, т. 2, с. 176, 363), карел. *зажу-пéть* 'начать говорить о ком-н. неодобрительно, с осуждением' (За-

жупят все в поселке об них, и остановить нельзя было) (СРГК, т. 2, с. 123), яросл., перм., урал., влад., вост.-закам., сарат., смол., волог. *честить* ‘бранить’ (Ну и начели честить ево; Увидала я его, мошенника, и уж честила, честила – все выбаила, чего знала; Как стал его честить при всем народе), пск., твер. *чэствовать* ‘честить, ругать, бранить, выговаривать’ (КСРНГ), печор. *всяко выставлять* (*вы́ста-вить*) ‘сильно ругать кого-либо, порочить, позорить’ (Баба Люба вчере расе на танцы бегала, дэж седни в магазине всяко молодежь выставляла; Петровна ее с Митькой видела, дак всяко бедну девку выставила) (ФСРГНП, т. 1, с. 154) и др.;

- порицающий субъект, особенно часто это фигура сплетника или насмешника, острого на язык: иркут. *простусмэшник* ‘тот, кто часто подшучивает над другими; шутник, пересмешник’ (Михаил-то Пятроич простусмешник такой, он ево и поднял на смех) (СРГС, т. 4, с. 48), калуж., курск. *худослávник* ‘сплетник’, ветлуж., урал. *худослávница* ‘сплетница’ (КСРНГ); кроме того, глаголы с семантикой порицания имплицитно содержат в своем значении актант «множество людей», объективируемый в контекстах: перм. *испозóрить* ‘опозорить’ (Да ты што, мама! Серьгу да Ольгу надумала крестить, нас только всех испозорят, засмеют), перм. *на стыд вы́вести* ‘опозорить’ (Всяко место будешь писать – меня на стыд выведешь; Меня на стыд выведут люди-те, узнают дак) (СПГ, т. 1, с. 132, 364) и др.;

- объект порицания, который имплицитно присутствует в глагольной семантике и номинативно воплощен в негативных характеристиках человека; среди всего разнообразия таких характеристик отметим слова со значением ‘тот, кто оказался последним в каком-либо общем деле – работе, игре и др.’: юж.-урал. *чуча-мазя* (уд.?) ‘так дразнят дети того, кто позже всех выходит из воды при групповом купанье’ (Чуча-мазя – дохла коза!) (Малеча, т. 4, с. 468), смол. *телена* «последний возница во время возки навоза, над которым шутят» (КСРНГ);

- предметы, вручаемые объекту в знак посрамления, что обычно сопровождается произнесением речевой формулы: калуж. *петровская кила* ‘лошадиная голова, которую привязывают к крыльцу не принявшего участия во встрече Петрова дня’ (Петровская кила по зорям ходила, всех побудила) (СРНГ, т. 13, с. 206).

Порицание представляет собой действие, нацеленное на человека, обладающего негативными характеристиками, и воплощается в словес-

ном поношении и ритуальных акциях. При этом важны публичность, множественность порицающих субъектов и способ демонстрации (наличие формы выражения).

Скажем также об особенностях вербализации в русских народных говорах категорий «позор» и «стыд». Опираясь на современную речевую практику, можно предполагать, что стыд и позор существенно различаются по критерию «личное vs. общественное», ср.: «Ситуация позора предполагает оценку поведения субъекта со стороны общества, тогда как ситуация стыда – самооценку субъекта» [319, с. 132]. Однако в русских говорах слова с корнем *-стыд-* употребляются для обозначения публичного общественного неодобрения: карел. *Ой, как я его офофонила при всем-то народе, вот постыдку-то было* (СРГК, т. 4, с. 342), свердл. *бессты́жую рóжу носіть* ‘терпеть позор’ (*Че-небудь сделат человек неладно – бесстыжу рожу носит*) (СРГСУ/Д, с. 27).

Подведем итоги проведенного семантического анализа. В русском литературном языке на роль центра лексико-семантического поля «Общественное мнение» могло бы претендовать, вероятно, слово *репутация* и стоящее за ним понятие, однако статус заимствования препятствует тому, чтобы видеть в нем ключевое понятие русской традиционной культуры. В русских народных говорах центральной зоной этого поля следует считать лексический фонд, соотносимый с понятием «слава». Наряду с этим выделяются вербальные реализации понятий «уважаемый vs. неуважаемый человек» и номинации семантической области «Порицание».

Анализ языковых фактов обнаруживает, таким образом, не только социокультурную значимость, но и сложность понятия «общественное мнение», которое, во-первых, не может рассматриваться изолированно, без обращения к лексическим воплощениям понятий репутации, авторитета и порицания и, во-вторых, имеет специфику в разных языковых идиомах.

3.2. Контекстный анализ лексики поля «Общественное мнение»

Придерживаясь выбранной логики рассмотрения материала, обратимся к анализу высказываний диалектоносителей. Внимание к контекстам обусловлено спецификой объекта исследования: отвлеченное понятие, как правило, толкуется общо, в отвлечении от его конкрет-

ных проявлений, от той «почвы», на которой оно «произрастает». Дефиниции не дают представления об этнокультурно значимом наполнении понятия, об особенностях его трактовки в разных языковых идиомах, о связи с другими понятиями. Имея дело с дефинициями высокой степени обобщения ('неуважаемый человек', 'неавторитетный', 'недостойный', 'непорядочный'), мы вынуждены обращаться к контекстам для того, чтобы выяснить вопрос о причине негативного отношения членов сообщества к человеку как объекту оценки. Представления о сущности общественного мнения (или репутации) существенно дополняются пояснениями диалектоносителя и уточняются самой речевой ситуацией, жизненными обстоятельствами, в которых человек рассуждает о репутации, используя соответствующую лексику.

Феномен общественного мнения проявляется в расслоении общества, выделении в нем уважаемых людей и маргинальных слоев, ср. контекст, актуализирующий их противопоставление: *Собрались Шоша да Ероша, добрый человек туда не сунется* (СРГС, т. 5, с. 360). Социальный статус «уважаемый человек» или «неуважаемый человек» устанавливается на основании прошедшего и сказывается на будущем, поэтому далее речь пойдет о ретроспективе и перспективе.

Репутация человека как результат оценки его поведения

При помощи оценочных наименований уважаемых людей и сброда, составляющего «социальную периферию» (такие номинации особенно многочисленны в русских народных говорах), запечатлены представления о том, что в любом естественном коллективе есть лучшие и худшие. Расставить такие акценты можно только ретроспективно.

Сведения о том, кто и за что считается заслуживающим или не заслуживающим уважения, вскрывают систему ценностей данного общества. Иначе говоря, оценки, опосредованные социумом, предопределены типом общества: оно задает критерии оценки, релевантные в это время в этом коллективе, поэтому имеет значение ограничение исследуемого лексического материала одной подсистемой языка. Так, данные русских народных говоров позволяют реконструировать картину мира представителя традиционного общества. Контексты позволяют провести реконструкцию образа худшего представителя общины.

Язык фиксирует в качестве социальных маргиналий таких людей, которые заслужили дурную славу предосудительными поступками.

Репутация непутевого, имеющего пагубные привычки человека – пьющего, гулящего, легкомысленного, невоспитанного: костром. *ошошь* ‘представители «социального дна», маргинальные слои населения, сброд, шваль’ (*Вся ошошь собралась, пьянчуги-те; Мужик-от всю ошошь собрал, всех шалав-то; Ошошь – никчемные люди, распущенные там, гулящие, пьющие, курящие*) (ЛК ТЭ), печор. *всю (всякую) славу потерять* ‘утратить уважение окружающих’ (*Какой был мужик работающий, а пить стал, дак всю свою славу потерял; Вот беда, с пути сбилась баба, дак всяку славу потеряла*) (ФСРГНП, т. 1, с. 153), костром. *шеварешка* и *шиварешка* ‘ничего из себя не представляющий, пустой человек, обычно девочка, девушка’ (*И шеварешки – это девчонок называют, ругательство, невоспитанные, ничего из себя не представляющие. Да и вся семья – шеварешки по сравнению с путными людьми*) (ЛК ТЭ).

Репутация вора, разбойника, грабителя: омск. *замаранная ручка* ‘репутация вора’ (*Насчет этого, у его ручка замараная, он обязательно че-нибудь украдет*) (СРНГ, т. 35, с. 283), том. *причинный* ‘виновный; провинившийся; имеющий плохую репутацию’ (*Причинный человек – если он чего украдет; его нельзя ни на какую работу допускать*) (СРГС, т. 4, с. 21), перм. *галерка* ‘о людях, не имеющих веса, авторитета в обществе’ (*Надо убрать с окна, а то галерка-то стащит*) (СПГ, т. 1, с. 155). В словаре М. И. Михельсона находим выражение *голь, шмоль, ноль и компанія*, а также – *голь да шмоль* (*Прежде были разбойники, грабители да воры, люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія аккордомъ плутуютъ – Н. С. Лѣсковъ, «Мелочи Архіер. жизни. Русское тайнобрачіе»; Воруйте, батюшки, воруйте! Нынче по этой части свободно, потому вездѣ голь да шмоль завелась – какъ тутъ деньгамъ уцѣлѣть! – Салтыковъ, «Пестрыя письма»*) (Михельсон, с. 77), где четырехкомпонентный ряд слов включает в себя обозначения представителей «социального дна», ср. смол. *шмоль* ‘попрошайки, нищие’ (Сомов, с. 660), костром. *шмольник* ‘скупец, скряга и попрошайка’ (Даль, т. 4, с. 660).

Репутация проходимца: костром. *шехарда́* ‘всякий сброд, люди из разных мест, разного статуса и т. п.’ (*В деревне теперь собралась шехарда-то вся*) (ЛК ТЭ), омск. (презрит.) *черт бѣлого свѣту* ‘недо-

стойный человек' (*Откэда ен приехал? Черт белого свету, проходи-мец*) (ФСРГС, с. 217). Контексты актуализируют оппозицию «местные vs. пришлые» – вариант оппозиции «свои vs. чужие». Чужаки не вызывают доверия, потому что у них нет дома, «корней», что неприемлемо для носителя традиционной культуры.

Репутация болтуна и пустослова: карел. *крутя́га* 'непорядочный человек' (*Крутяга, по-нашему, – это худой человек, которой слова не держит*) (СРГК, т. 3, с. 38), ленингр. *ерунда́* 'о несерьезном, пустом, болтливом человеке' (*Саша такой черненький, узколиченький, он поспокойнее, а Вася – ерунда такая, тыр-тыр-тыр, сто слов в минуте, таракта такой, балалайка бесструнная*) (Там же, т. 2, с. 28).

Репутация плохого работника, бездельника, бесхозяйственного человека: перм. *шиша да лона* 'случайные, незначительные люди; сброд, пустословы' (*У нас пекаря Шиша да Лона, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то; Бригадиры-те все нехорошие попадают, Шиша да Лона*) (СПГ, т. 2, с. 554), омск., новосиб. *тю́ха да ма-тю́ха, да колупа́й с бра́том* 'кто попало, всякий сброд' (*Собрались нехороши, бездельники, беспутные, непочетные, Тюха да Матюха, да Колупай с братом*) (ФСРГС, с. 200), свердл. *ря́ха-маря́ха* (пренебр.) 'неряха' (*Сноха-то у ей така ряха-маряха*) (СРГСУ, т. 5, с. 102) и др.

Репутация сплетника и сквернословия: арх. *судья́* 'сплетник, сплетница' (*Не хвалят соседки ее, такая она судья*) (СРНГ, т. 42, с. 179), перм. *вонь да болоть* 'неодобрительно о людях малоуважаемых, незначительных' (*У нас в селе старухи вонь да болоть – сплетничают, ругаются*) (СПГ, т. 1, с. 117).

Репутация недостойного представителя своей социальной группы (субэтноса): каз.-некрас. *голь да переты́ка* 'о молодых казаках, не достигших мудрости старшего поколения' (*Это разве казаки? Это голь да перетыка! Раньше были казаки!*) (СРНГ, т. 26, с. 249), ср. другое определение при том же контексте: каз.-некрас. *голь да переты́ка* 'пренебрежительное название молодых казаков, якобы измельчавших по сравнению со старым поколением' (Сердюкова, с. 193). Презрительные коннотации обусловлены здесь идеей своеобразного «культурного отступничества», мыслью об «ослабленности» социальных характеристик из-за утраты традиций, устоев.

Итак, коллективное осуждение вызывают воровство, пьянство, распутство, пустозвонство, распространение сплетен, неумение и нежелание работать, а также отход от традиций своей социальной группы.

К обозначениям социальных маргиналий принадлежат также языковые факты, называющие бедняков, немощных и тех, кто не смог уехать жить из деревни в город. В отличие от номинаций, представленных выше, служащих для обозначения людей, которые совершают предосудительные поступки или отличаются дурными привычками, эти лексемы называют социальные категории: детей, стариков, необразованных, немощных, неимущих.

Так, типичным диалектным контекстом является высказывание вида «В деревне остались только...»: перм. *тjо́тя да ля́па* (*Ноне только тjо́тя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ниче не знат. Кто мало-мало грамотной, дак в город уходит*) (СПГ, т. 2, с. 459), смол. *лабу́рда* ‘о немощном, старом человеке’ (*У дяреуни большой лыбу́рды, мылады усе уехыли у горыт*) [ССГ, т. 6, с. 6], смол. *лубо́к* ‘о старом, немощном человеке’ (*Тяперь лупки анны астались у дяреуни, мылады мала*) (ССГ, т. 6, с. 55–56).

В обозначениях бедняков – влад. *шушубара* ‘бедный, не стоящий внимания народ’ (КСРНГ), волог. *кол да переты́ка* ‘о тех, кто крайне беден’ (СВГ, т. 7, с. 45) и др. – негативная оценка, выражающая неодобрение по отношению к представителям «социальных окраин», присутствует в виде семы или коннотации. Ср. перм. *голь да переты́ка* ‘о том, кто крайне беден; бедность’ (*Сами кол да ер да переты́ка, а людей промывают*) (СРНГ, т. 26, с. 249). При подстановке вместо фразеологизма его значения ‘бедный’ фраза не имеет смысла: **Сами «бедны», а людей промывают*. С точки зрения логики материальное неблагополучие не может помешать людям обсуждать других людей, высказываться о ком-либо нелицеприятно, однако с позиций этики человек, который не состоялся в социальных отношениях, не должен («не имеет права») судить о других.

Обозначения детей, стариков, немощных приобретают оценочную коннотацию «негодный» только из-за нетрудоспособности этих категорий населения («негодны к работе»): усть-вым. *голь да моль* ‘самые маленькие, самые слабые и беззащитные люди’ (*Отечественная война началась, на пристани остались голь да моль*) (ФСРГРК, с. 64), костром. *ошошь* ‘социально незначимые, маргинальные слои населения’ (*Косят-то взрослые, а потом отправляют нас – всю ошашь – к ночи: повернем сено, потом загребем и мечем стога; Ошашь – вся мелочь наша, вся мелузга – дети; Как ошошь – люди не-*

дорослые бегают, кто молодые) (ЛК ТЭ), ср. перм. *шошка* 'подростки' (*А шошка-то в войну работала на тяжелой работе, ох, жалко их*) (СПГ, т. 2, с. 559)¹.

Итак, язык фиксирует в качестве социальных маргиналий, с одной стороны, тех, кто принадлежит к категориям бедных, немощных, нетрудоспособных людей, с другой стороны, тех, кто асоциален, поскольку ведет предосудительный образ жизни, совершает неблагоприятные поступки.

Репутация, слава, молва о человеке как условие его успешности в социальных взаимодействиях

Многие аспекты повседневной деятельности человека оказываются замеченными и оцененными соседями и другими членами общины. Для представителя традиционного общества осведомленность о ближайшем окружении имеет особую важность в перспективе построения дальнейших отношений в общине, что наиболее часто отражено в контекстах.

В высказываниях диалектоносителя объективирована причинно-следственная связь между общественным мнением о ком-либо и включенностью этого человека в социальные взаимодействия внутри крестьянской общины. Носитель языка склонен чаще обозначать и обсуждать негативные, чем положительные явления, поэтому контексты фиксируют связь преимущественно между неодобряемыми чертами человека и отказом ему как потенциальному партнеру в работе, игре и других социальных контактах. Худая слава о человеке оборачивается нежеланием окружающих иметь с ним общие дела: читин. *хита́* 'о плохом человеке' (*Он хита, мне его не надо. Что я с хитой делать-то буду. Хите ничего не доверять*) (СРГС, т. 5, с.210), иркут., омск. *связа́* 'общение, знакомство, связка' (*С им связка пока худа: он парень нехорош*) (Там же, т. 4, с. 262). Страхом перед «последствиями» объясняется желание человека скрыть свои неблагоприятные поступки и одновременно с этим быть осведомленным о привычках, поступках людей, со-

¹ Показательно, что *народом* называются мужчины в противоположность женщинам и трудоспособные люди среднего возраста в противоположность молодежи и старикам: пск. *наро́д* 'о мужчинах' (*Народа нет, анны жэнишчыны астафшы*) (ПОС, т. 20, с. 210), пск. *наро́д* 'люди среднего возраста' (*Шшыс зарасло фсе, ни маладежы, ни народу, адно старье*) (Там же, с. 211).

ставляющих его обычное окружение, ср. тамб. *играться* ‘перейти границу отношений, запретных в добрачный период’ (*Узнають, што играца начяли – стыдна! Хто такую вазьметь!*) (СТГ, с. 85).

Далее рассмотрим высказывания прогнозирующего содержания, распределив их в соответствии с включенными в них негативными характеристиками человека.

Уважаемые люди – и непутевые, неавторитетные. Выстраивая отношения с людьми, представитель крестьянской общины исходит прежде всего из разделения людей на авторитетных и неуважаемых: диал. *самостоятельный* ‘степенный, уважаемый’ (том.) и ‘твердый, внушающий доверие, надежный’ (иркут.) (СРГС, т. 4, с. 225), казан. *клека* ‘отсев общества, низший сорт людей’ (СРНГ, т. 13, с. 275), свердл. *безлюдье* ‘бесправные люди’ (*Мы, говорит, люди, а вы – безлюдье; Вот по таким покосам мы и косили, безлюдье*) (СРГСУ/Д, с. 21) и др.

Один из мотивов высказываний – отказ непутевым, неуважаемым людям в заключении брачных союзов, ср. контексты к перм. *на честё (быть, жить)* ‘пользоваться успехом, признанием, уважением’ (*Оне в деревне-то не на честе были, не любили их – я взамуж-от к имя не пошла*) (СПГ, т. 2, с. 529), перм. *неходячая копейка* ‘не имеющий ценности’ (*Че от Митьки толку-ту, он и в армии не был; неходячая копейка. Это уж не жених*) (Там же, т. 1, с. 414). Для сопоставления приведем литературный контекст к слову *шмольник* ‘попрошайка, нищий’ (*Нечего сказать, жених недюжинный!.. Э, да что толковать об этом шмольнике!* – Михаил Загоскин, Русские в начале осемнадцатого столетия) (Сомов, с. 660).

В еще большей степени высокий социальный статус и асоциальность человека становятся заметными в ситуации гощения. Желание видеть кого-либо в гостях или отправиться в гости именно к этому человеку – лучший индикатор его доброй репутации: бурят., кемер. *славутный* ‘знатный, пользующийся всеобщим уважением, славой, зажиточный’ (*У гости ходили. К худым-то людям не ходили, усе старались к славутным людям*) (СРГС, т. 4, с. 337), печор. *в (при) честі и (да) в (при) мілости (почете); в (на) уважэнии; на почете; на славе* ‘пользуясь уважением и любовью людей (жить)’ (*Она как придет, все ее обнимают, все в гости зовут, у всех она в чести*) (ФСРГНП, т. 1, с. 116).

Типичным диалектным контекстом можно назвать высказывание, негативно характеризующее состав гостей, если они принадлежат маргинальным слоям крестьянской общины: новг., твер., курск. *шáвель* ‘шваль, сброд, сволочь, ничтожный, дрянной люд’ (*Какие это гости, одна шавель!*) (Даль, т. 4, с. 637), перм. *са́мый клек* (*Гостей звала давно, а собрались что не самый клек: кол да перетыка, а из добрых-то никто не пришел*) (СРНГ, т. 13, с. 275), перм. *шушера́* ‘ничтожные, незначительные люди’ (*Ай, да всякая шушера собралась, приличных-то никого не было*) (СПГ, т. 2, с. 564), перм. *Шиша да Агаша, третья – Палаша* ‘малопочитаемые люди’ (*Кто у тебя седни был в гостях-то? – А-а, Шиша да Агаша, третья Палаша*) (СПГ, т. 2, с. 554).

Недоверие к людям с низким социальным статусом, принадлежащим к «социальным окраинам», закономерно проявляется и тогда, когда создается рабочее объединение – бригада, артель: перм. *шушера́* ‘ничтожные, незначительные люди’ (*Собрала в бригаду всякую шушера, робить некому*) (СПГ, т. 2, с. 564) бурят. *чэлядь* ‘ненадежные люди’ (*С этой челядью дела иметь нельзя – подведет; Вся челядь в одну артель собралась*) (СРГС, т. 5, с. 125), том. *причинный* ‘виновный; провинившийся; имеющий плохую репутацию’ (*Причинный человек – если он чего украдет; его нельзя ни на какую работу допускать*) (СРГС, т. 4, с. 21).

Итак, люди с низким социальным статусом неуспешны в установлении связей между людьми в микросоциуме.

Хороший или плохой работник. Объектами пристального внимания и оценивания являются в народной культуре три аспекта, связанные с трудом: отношение к труду, мастерство и забота о своем хозяйстве, доме. Это означает, что слишком общую формулировку «плохой работник» следует уточнить в понятиях «бездельник», «неумелый работник», «плохой хозяин».

И вновь слава плохо работающего человека оборачивается для него прежде всего трудностью в устройении брачных отношений. Девушку или парня, которые слыли работными, хозяйственными, охотно берут в жены и мужья: костром. *работно́й* ‘работящий, хозяйственный’ (*Он работной был, а у нее семья большая, женщин в ней много было. Она и выбрала его по причине, что хозяйства у него большого не было, а он работной: будет смотреть и за ее хозяйст-*

вом хорошо) (ЛК ТЭ), свердл. *родли́вый* ‘прилежный, работающий’ (*Жонихи стали выбирать, родливая или нет*) (СРГСУ, т. 5, с. 80). И наоборот, нерях и бездельников не выбирают для любовных отношений, не хотят принимать в дом, ср. контекст к слову *росома́га* ‘неряха, разиня’ (*Конечно, парни росомагу не любили, никто на ей не женился*) (СРГС, т. 4, с. 182).

Кроме того, тот, кто проявил себя как неумелый работник, оказывается исключенным из игровых взаимодействий во время посиделок: тамб. *неуда́ха* ‘девушка, не приспособленная к рукоделию’ (*Если девычка долга ни магла прясть научица, то ие ны пысиделки ни пускали. Ниудахай низывали, и замуж ие ни очинь-та брали*) (СТГ, с. 122).

Того, кто не умеет и не любит работать, не желают видеть и в рабочих коллективах: бурят. *фóмка да еремка* ‘случайно собравшиеся неумелые люди, взявшиеся что-либо делать’ (*Какая там артель из Фомки да Еремки?*) (СРГС, т. 5, с. 194). Того, кто зарекомендовал себя как плохой мастер, не выбирают и в качестве исполнителей: брян. *гéпала* и *загава́ла* ‘мастер, производящий плохую по качеству продукцию’ (*Нашоу́ каму аддать работу – гепалу*) (СНГЗБ, с. 79).

Порядочный человек и безнравственный, гулящий. Скромность, нравственно безупречное поведение девушки, женщины представлено в записях диалектной речи как качество, обеспечивающее возможность оказаться выбранной для создания семьи: омск. *самостоя́тельный* ‘добронравный’ (*Самостоятельна называется тихая, хорошая женщина. Люди посоветовали: «Ты возьми ее, она самостоятельна»*) (СРГС, т. 4, с. 225). С другой стороны, в русских народных говорах обнаруживается большое количество лексем, называющих человека, который уличен в блуде. Быть замеченным в этом – значит оказаться на подозрении у родителей, выбирающих жениха для своей дочери или невесту для своего сына, и быть исключенным из числа потенциальных женихов, невест.

Легкомысленное поведение детей вызывает опасения родителей за его дальнейшую судьбу: тамб. *бузулы́к* ‘молодой человек, который не женился в возрасте 18–25 лет’ (*А энтот, бузулык-то, уж гордый был, спасу нет, но красивый. Кажна бы рада была, а он все по девкам да по девкам таскался. Посмотрели, посмотрели, да потом и отка-*

зывать начали. Кто ж такого в родню возьмет. Так и живет бобылем вон) (СТГ, с. 42). Забота родителей о том, чтобы спасти репутацию своих непутевых детей, запечатлена во фразеологии. Чтобы скрыть грехи гуляющего сына, родители стараются ускорить его женитьбу: тамб. *женіть ба́харя / пустогра́я, женіть из-под па́лки / из-под ремня́, женіть насі́лкой / широкопы́ткой* ‘насильно женить парня, как правило, позже установленного традицией срока (т. е. после 25 лет)’ (*Если маладыи заигрались большы дазвольнава, то их магли шыркапыткай жанить: штоп худая малва нишла; Мы за сваем, знаиш, как сматрели. Штоп фсе как у людей было. А то вон их сколько шатаица ниприкаиных. Затаскаица и ни пасмотрють, што паринь. Ни жэниш патом. Закрепица бахарь – и фсе. Вроди и маладой, а будутъ гаварить меш сабой, што мы хатим жанить бахаря. И ни пириубидиш их. Так и астаца можыть адин*) (СТГ, с. 71–72) (тамб. *широкопы́ткой* ‘быстрым шагом’ (Там же, с. 190)).

Тонкости сватовства включают в себя не только оценку достатка, но и оценку девической честности, ср. контекст к новосиб. *смоленая* ‘о девушке, которую опозорили, вымазав смолой ворота’ (*Котора девка и хороша, да смолена, к ей сват не пойдет*). Поставить позорный знак на воротах дома могли, вероятно, и в шутку, и из мести: бурят. *смоляніха*, новосиб. *смоля́чка* ‘женщина, девушка, у которой высмолили ворота недоброжелатели’ (СРГС, т. 4, с. 355, 357). Это означает, что репутация может намеренно использоваться как инструмент управления социальными отношениями.

Нелюдимый, одинокий человек. В нелюдимом, живущем уединенно человеке, вообще в любом обособлении носитель народной культуры видит ущербность. Более того, возникают подозрения в сношениях человека с нечистой силой, отсюда тамб. *колдун* ‘мужчина, который никогда не был женат’ (*Хто ни жэница – эт калдун. Вот у нас их тахта и завуть. Фсе нармальныя жэнюца, а эт – адин, значить калдун. Ни ладна у няво штой-та, рас ниhto за няво ни идетъ*) (СТГ, с. 96).

Люди отказывают одиночке в умении находить общий язык с окружающими, а значит – в способности делать что-либо совместно с другими: читин. *розня́к* (экспр.) ‘одинокий, нелюдимый человек’ (*Розняк в артели не уживется*) (СРГС, т. 4, с. 180).

Болтливый человек, сплетник. Проблема болтунов состоит в том, что соседи из опасений быть ославленными опасаются с ними

общаться: свердл. *разносливой* ‘не умеющий хранить тайну’ (*Марья разнослива, не секретничай с ей*), *росспросник* и *росспросчивой* ‘тот, кто любит подробно расспрашивать о чем-л., выведывать что-л.’ (*Сусед росспросник: «Где была? Че видала?» – все уж выспросит; Она бабенка росспросчива, дак ты не останавливайся с ей*) (СРГСУ, т. 5, с. 84, 87), волог. *шафурка* ‘сплетница’ (*Не говори ничего при этой шафурке*), *шептаник* ‘человек, который занимается сплетнями, сплетник’ (*Матвей – шептаник. Ему нельзя доверять*) (СВГ, т. 12, с. 76, 82), печор. *базарная корова* ‘болтливая женщина, сплетница’ (*Ты уж с этой коровой-то базарной не знайся, она все сплетни по деревне разносит*) (ФСРГНП, т. 1, с. 26). Контексты содержат совет ограничить контакты с тем, кто любит посудачить о людях.

Наконец, человека со злым языком не впускают в дом: бурят. *свидень* (презр.) ‘подслушивающий, подглядывающий человек; сплетник’ (*Как заведется в деревне свидень, всех переплетет*), бурят. *от свиденя подальше, не обожжет, так замараёт* ‘семейская поговорка’ (*Свидень как свидетель, со свиденем дальше дверей не ходят*) [СРГС, т. 4, с. 253]. Репутация сплетника делает его нежеланным гостем.

Итак, предметом пристального внимания и оценки являются такие характеристики человека, как социальный статус, хозяйственность и умелость, нравственность, общительность (нелюдимость, болтливость). Они образуют «базу», обеспечивающую или закрывающую перспективы участия человека в социальных взаимодействиях внутри своей общины.

Далее перечислим ситуации, которые заставляют носителя народной культуры брать в расчет сведения о ближайшем окружении, о репутации людей.

Самое упоминаемое событие – ***выбор жениха или невесты***, поскольку этот шаг определяет судьбу людей на долгие годы, на всю жизнь. Ради него, а не ради праздного любопытства, родители присматриваются к другим семьям: ср. контекст к том., новосиб., бурят. *родова́* ‘родственники’ и краснояр. *родова́* ‘родственники, имеющие общие унаследованные признаки, качества; порода’ (*По родове невесту выбирали, а ее и не знали самое*) (Там же, с. 176), тамб. *св́атать по вазжэ* ‘выбирать невесту не по красоте или богатству, а по тому, какие у нее родственники’ (*Тады так проста ни аддавали. Энта щяс ана дамой привидеть, а радитили и знать ни знают хто он, а уж рад-*

ных и падавна. Вот и разводяца. А тады была принята сватать на важэ, фсю радню прасеють, штоп им ровня была. А то и за карявава аддадут, ежли радня дастойна) (СТГ, с. 164).

Блуд молодого парня, потенциального жениха, не одобряется, но еще больше осуждается «нечестность» невесты: влад., калуж., ряз., ворон., кемер. *раскорить* ‘не одобрить (чем-л. выбор), разругать, опорочить’ (*Перед гулял с нею, а тут ему раскорили ее, он сказал – Победнее возьму*) (СРНГ, т. 34, с. 94), читин., бурят. *прослышка* ‘плохая слава’ (*Про невесту прослышка прошла, и нареченный от нее сразу отказался*) (СРГС, т. 4, с. 45).

В сущности, к выбору жениха или невесты имеет прямое отношение *игра*, поскольку деревенские увеселения молодежи, в которых популярна эротическая тематика, являются неотъемлемой частью празднично-обрядовых комплексов и предваряют образование брачных союзов. Отвергаемые в юности, исключенные из молодежной игровой коммуникации, неудачливые при выборе игровых пар рисковали в будущем остаться в одиночестве, ср.: «Для репутации девушки было большим ущербом не участвовать в пляске» [194, с. 176].

Уважение или дурная слава человека сказываются также на *гостеприимстве* хозяев дома, а в системе гощений участвует каждый член микросоциума и в качестве хозяина, и в качестве гостя. С понятием репутации человека связаны понятия «почетный гость», «званный / незванный гость», «желанный / нежеланный гость». Например, к категории нежеланных, непривечаемых гостей относятся сплетники и сплетницы. Выше уже отмечалась многочисленность однотипных диалектных контекстов, выражающих недовольство хозяев социальным статусом посетителей: *шваль* (собир.) ‘шушваль, шушера, сволочь или сброд, дрянной, людишка’ (*Не гости, а шваль*) (Даль, т. 4, с. 644) и др. Неслучайно в обрядовых гощениях огромное внимание уделяется размещению гостей за столом.

Сферой социальных взаимодействий, для которой важно мнение людей о человеке, является также *работа*, в особенности коллективная, связанная с образованием артелей, бригад и других рабочих объединений: том. *причинный* ‘виновный; провинившийся; имеющий плохую репутацию’ (*Причинный человек – если он чего украдет; его нельзя ни на какую работу допускать*) (СРГС, т. 4, с. 21).

Объективированные в диалектных контекстах связи между характеристиками человека и видами социальных контактов для удобства обозрения представим в виде таблицы (табл. 2). Словом *есть* обозначена подтвержденная зависимость вида контакта от определенного качества или статуса человека. Тире означает, что искомой зависимости не наблюдается. Однако следует учитывать, что в некоторых случаях эта связь может иметь место, несмотря на то что в наших руках не было контекстных свидетельств, подтверждающих влияние этого «вида» репутации на какую-либо область социальных взаимодействий.

Таблица 2

Зависимость успешности социальных контактов
от репутации человека

Характеристика человека	Сфера социальных контактов			
	Брак	Игра	Гощение	Работа
Уважаемые люди и сброд	Есть	–	Есть	Есть
Хороший и плохой работник	Есть	Есть	–	Есть
Порядочный и безнравственный человек	Есть	–	–	–
Нелюдимый, одинокий человек	–	–	–	Есть
Сплетник, болтун	–	–	Есть	–

Поиск жениха или невесты, игра, приглашение в гости, наем работников – все это *ситуации социального выбора*. В их основе лежит взаимность (или невзаимность) намерений, которая во многом predeterminedена славой, молвой о человеке. По сути, назначение репутации состоит в освоении социального пространства.

**Глава 4. Мотивационная структура
лексико-семантического поля «Общественное мнение»
в русских народных говорах**

Ономазиологический анализ слов лексико-семантического поля «Общественное мнение» позволяет выявить ряд мотивационных моделей, однако особенности поля вносят свои коррективы в методику исследования и принципы представления материала. Распределение анализируемой лексики между предметно-тематическими кодами не

всегда возможно, поскольку при осмыслении понятия общественного мнения носитель языка нечасто обращается к предметно-образной сфере, соотносимой с какой-либо областью действительности. Внутренняя форма некоторых слов включает в себе признак, на основании которого лишь с известной долей условности можно либо вовсе недопустимо реконструировать метафору. В таких случаях поиск образности кажется излишним, так как может привести к натянутым сближениям. Например, невыполнима операция образной реконструкции на основе мотивировочных признаков «худой», «суд», «счет», представленных во внутренней форме карел. *охудовáть* ‘ославить, опозорить’ (*Она охудовала свидетеля, который был на свадьбе*) (СРГК, т. 4, с. 350), перм. *осудливый* ‘склонный к порицанию’ (*Осудливая эта бабка-то*), перм. *считáть* ‘уважать’ (*Нонче старых-то не больно считают*) (СПГ, т. 2, с. 53, 427).

В рассматриваемом лексико-семантическом поле подобные языковые факты составляют большой процент слов в сравнении с лексемами, которые образованы по номинативным моделям, основанным на метафоризации (забайкал. *столбовóй* ‘надежный, положительный (о человеке)’ (СРНГ, т. 41, с. 208)) или реляции (смол. *людя́* ‘плохой человек’ (*Есь люди, а есь людя, анно тока низвання – чилавек*) (ССГ, т. 6, с. 67)). Использование методики выделения предметно-тематических кодов при такой характеристике исследуемого лексического материала представляется неоправданным. Особенности поля продиктована необходимостью иной систематизации лексики – на основе экспликации «идей», обусловивших обращение номинатора к тем или иным мотивировочным признакам, т. е. выявления мотивов и установления связей между ними.

4.1. Мотивационная доминанта демонстрации отношения к человеку

Демонстрация любого рода представляет собой действие и всегда определяется выбором средств, пригодных для совершения этого действия. В ходе мотивационного анализа лексики семантического поля «Общественное мнение» выясняется, что одноименное понятие осмысляется носителем языка через представление о способах выражения отношения к человеку.

Во-первых, способом «демонстрации» личного мнения о человеке является речь, и только после многочисленных актов говорения и слушания рождается феномен общественного мнения. Об этом свидетельствуют реципиентно-донорские отношения между лексико-семантическими полями «Общественное мнение» и «Речь», зафиксированные во внутренней форме слова *молва*, а также существительного *слава* и его производных *наславить*, *ославить*, *ослава*, *послава* и прочих, поскольку эти лексемы этимологически родственны глаголу *слыть* и субстантиву *слово*.

Приведем еще ряд слов, внутренняя форма которых указывает на речевое действие человека: др.-рус. *хвалá* ‘благосклонный отзыв, одобрение, прославление’, др.-рус. *хулá* ‘уничижительный отзыв о ком- или о чем-нибудь; порицание, охудение’ (*От твоей хулы я худым не сделаюсь*) (СЦСРЯ, т. 4, с. 397, 415], калуж., ряз., пенз., юж.-урал. *хулá* ‘дурная слава, то, что порочит кого-либо’ (КСРНГ), др.-рус. *хулáти* и *хули́ти* ‘порицать’ (Срезн., т. 3, с. 1420), пск. *нахули́ть* ‘наговорить о ком-н. много плохого’ (*Эта большое дела хвалка, можым нахвалить, а можым нахулить*) (ПОС, т. 20, с. 406), рус. (латв.) *схули́ть* ‘обругать, опорочить кого-л.’ (*Чем она хуже других, а схулили, и никто ену не берет*) (СРНГ, т. 43, с. 79). Существительные *хвала* и *хула* восходят к праслав. однокоренным **xvala* и **xula* соответственно. Связанные чередованием в корне и значением устного действия (‘крик ликующий, торжествующий, хвалебный’ – ‘крик негодующий, презрительный’), они сближаются с др.-инд. *sváрати* ‘звучать, петь, воспевать, хвалить’ и принадлежат, таким образом, гнезду с этимоном и.-е. **sʰe-*, имеющим семантику звучания (ЭССЯ, т. 8, с. 114–115).

Отсылка к понятию «речь» содержится во внутренней форме слов *порицать*, *опорочить*. Демонстрационный ресурс звучащей речи подчеркнут и во внутренней форме брян. *разгудить* ‘расславить, разбранить, осудить’ (СНГЗБ, с. 225).

Вербально переданная информация воспринимается окружающими на слух и расценивается как обладающая знаковостью, поэтому общенар. *слухи* ‘молва, толки’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 1285), читин., бурят. *прослы́шка* ‘плохая слава’ (*Про невесту прослышка прошла, и нареченный от нее сразу отказался*) (СРГС, т. 4, с. 45) имеют во внутренней форме отсылку к глаголам восприятия речи: *слышать*, *слушать*.

Во-вторых, общественное мнение не являлось бы таковым, если бы не было способов его выразить публично в виде позорящих речевых формул, обращенных к объекту порицания, а также смеха или вручения символического предмета.

Семантическая модель 'смеяться' → 'выражать неодобрение' реализована в лит. *высмéивать* 'выставлять кого-, что-либо в смешном виде; указывать смешные стороны в ком-, чем-либо; выражать неодобрение, презрение в насмешках, осмеивать', *осмéивать* 'подвергать злой насмешке; высмеивать', *просмéивать* 'подвергать насмешкам, высмеивать' (ССРЛЯ, т. 2, с. 8, 11, с. 1126, 1226, 1373), волог. *пóсмех* 'предмет насмешек, тот, над кем смеются, издеваются, посмешище' (*Ой ты, посмех, матери за тебя стыдно, в город во всем грязном вышел, вот уши надерет*) (СВГ, т. 12, с. 7), том. *просмéшник* 'тот, кто любит просмеивать людей, весельчак и заводила' (*Просмешиник на вечерке обязательно для смеху, для веселья. Заводит всех*), бурят. *просмéшница* 'насмешница' (*Просмешиница – она может просмеять кажнова человека, знает не знает за ним что-то*) (СРГС, т. 4, с. 45).

Значение 'смеяться, хохотать' является, вероятно, промежуточной ступенью для возникновения волог., арх., беломор., яросл., вят., перм., сиб. *грáять* 'издеваться, насмехаться, осмеивать кого-л.' (СРНГ, т. 7, с. 119), арх., волог., свердл. *прогрáять* 'осмеять' (Там же, т. 32, с. 115), свердл. *програéнье* 'осмеяние', свердл. *на програéнье взять* 'осмеять' (СРГСУ, т. 5, с. 25). Этимологически они восходят к звукоподражательному праслав. **grajati* (ЭССЯ, т. 7, с. 102). Континуанты этого корня являются по преимуществу обозначениями резкого, громкого звука: печор. *прогрáивать* 'каркать (о воронье)' (СРНГ, т. 32, с. 115), диал. *грáять* 'каркать', 'кричать', 'смеяться, хохотать', а также 'говорить' (Там же, т. 7, с. 119). Громкость звука, рассчитанная на привлечение внимания, является аргументом в пользу семантики демонстративного речевого поведения.

Мнение становится общественным только по его «обнародованию», поэтому человек совершает акции, назначение которых состоит в реализации функции выражения социального порицания. Об этом свидетельствует богатейшая этнокультурная традиция, рефлекс которой обнаруживаются в лексическом материале, например, в виде обозначений символического предмета, вручаемого отстающему: онеж. *киlá* 'пучок сена или сжатого жита, прикрепленный к палке'

(Ставят на полосы соседней, запаздывающих с жатвой) (СРНГ, т. 13, с. 206), волог. *кила́* ‘петелька из ниточки’ (А тот, кто всех опередил, показывает килу) (СРГК, т. 2, с. 345) и др.

Показ или вручение предмета часто сопровождается произнесением текста (о чем уже говорилось выше), которое следует рассматривать как средство социальной дискредитации человека.

Роль знака может выполнять не только вещь, но и метка, которая также служит средством указания на объект порицания. Например, известный народной культуре обычай мазать смолой (дегтем) ворота дома, где живет «нечестная» девушка, запечатлен в новосиб. *смоленая* ‘о девушке, которую опозорили, вымазав смолой ворота’ (СРГС, т. 4, с. 355). Другой пример – внутренняя форма ленингр. *клея́ми́ть* ‘ругать, осуждать’ (И как меня соседи клеймят) (СРГК, т. 2, с. 363) (ср. лит. *клея́ми́ть*).

Семантика указания на объект осуждения выражается, помимо прочего, посредством обращения к производящей основе *тыкать*, описывающей в прямом значении указательный жест: волог. *потычи́ще* (уд.?) ‘бранное прозвище; посмешище, на которое тычат пальцами’ (Даль, т. 3, с. 367), волог. *поты́чище* ‘глумление, издевательство, осмеяние’ (Он ведь убежау, побояусе туда-то вернутьсе. Ведь бу́дет ему потычишишо, настояшиее потычишишо бу́дет. Все ведь будут потыкаться. Сейчас ведь потыкаемся им, на работу никто не берет), волог. *потыка́ться* ‘подтрунивать, насмеяться над кем, чем-л.’, ‘отзываться о ком-л. нелестно, с язвительной злой насмешкой’ (Питерячи́ха корову выгоняет, на поскотину, у других уж коровы наились. Говорят: как у Питерячихи! Так все и потыкались Питерячихой) (СВГ, т. 12, с. 19, 20), волог. *поты́чище* ‘предмет насмешек, тот, над кем смеются, издеваются, посмешище’ (Ну и девка, потычишишо-то, вырядилась, как в лес пошла), ‘позор, стыд’ (Ведь это потычище старухе матюкаться), волог. *пóтык* (бран.) ‘человек, совершающий позорные, бесстыдные поступки’ (Ой, бессовестные пóтыки, что им и надо тутока) (Там же), костром. *потыка́ться* ‘обзывать, называть плохим словом, оскорблять, попрекать’ (Этим словом у нас не потыкались; могли сказать: – Че ты этим потыкаешься, он не хуже тебя), костром. *на потыку́шках* ‘на посмешище’ (На потыкушках все она, все поддергивали таких людей) (ЛК ТЭ) и др.

Идея демонстрации передается через посредство глаголов *выставить, вывести, навести*, включенных в состав фразеологизмов: перм. *на стыд вы́вести* ‘опозорить’ (*Всяко место будешь писать – меня на стыд выведешь; Меня на стыд выведут люди-те, узнают дак*) (СПГ, т. 1, с. 132), перм. *навести́ на позóр* ‘опозорить’ (*Он кричит – ты де меня на позор навел, перед всей деревней!*) (Там же, с. 540), печор. *вся́ко выставля́ть (вы́ставить)* ‘сильно ругать кого-либо, порочить, позорить’ (ФСРГНП, т. 1, с. 154), ср. лит. *выставля́ть на позор, на осмеяние* (ССРЛЯ, т. 2, с. 1243). Глагол *выставить* означает ‘поместить для обозрения, напоказ’ и ‘представить, изобразить кем или в каком виде’ (*выставить в смешном виде, выставить мучеником*) (МАС, т. 1, с. 283). В них представлена метафора положения фигуры в пространстве, точнее, локализации на открытом, «всем видном» месте. Назначение действия *выставлять* состоит в том, чтобы обратить внимание всех на человека как объект порицания и создать его негативный и вместе с тем вызывающий смех образ.

«Рассказывать», «вручать символ», «делать метку», «высмеивать», «выставлять» – значит делать так, «чтобы все увидели». Этими сквозными мотивами представлена мотивационная доминанта демонстрации.

Показательно, что идея выставления на всеобщее обозрение положена в основу лит. *позор, позорить*, перм. *испозóрить* ‘опозорить’ (СПГ, т. 1, с. 364), сюда же, вероятно, волог. *зорить* ‘ругать, поучать, стыдить’ (*Зорили меня тогда, в суд вызвали, начали зорить, так зорите*) (СРГК, т. 2, с. 257). Сделать видным – значит сделать известным, а привлечение внимания, вовлечение всех в обсуждение есть формирование общественного мнения.

4.2. Мотивационная доминанта значимости человека в социуме

Общественное мнение в конечном итоге выражается в оценке места и значимости человека в социуме, поэтому в вербальных репрезентациях этого понятия присутствует идея параметризации – на уровне семантики, где представлена оппозиция смыслов ‘уважаемый, авторитетный’ vs. ‘неуважаемый, никчемный’, и на уровне мотивации, где выявляется оппозиция мотивов ‘значимый’ vs. ‘ничего не значащий’.

Определяя лучших и худших в своем микросоциуме, человек создает номинации, во внутренней форме которых запечатлен какой-либо параметр, обычно поддающийся измерению, расчету численных значений в применении к вещественному, предметно-материальному миру.

Русскому языку хорошо известен семантический перенос 'вес' → 'уважение': смол. *vága* 'уважение' (*Пришло время, что старому ниякей ваги*), волог. *vájít* 'уважать, почитать' (*Я так важу вашу милость*) (СРНГ, т. 4, с. 9, 14), тамб. *svátat* по *vájé* 'выбирать невесту не по красоте или богатству, а по тому, какие у нее родственники' (СТГ, с. 164), том., кемер. *уважительный* 'уважаемый' (*Матка тоже была уважительная для людей для всех*) (СРГС, т. 5, с. 125), самар. *важнёющий* 'сановитый, вельможный'. Слова этого корня составляют в русских народных говорах тематическую группу «Вес»: брян. *vági*, иркут. *vájá* 'большие весы', диал. *vájít* 'взвешивать, определять вес' и 'иметь вес, весить' (СРНГ, т. 4, с. 5, 10–15). Переносные значения показывают, что через представление о тяжести vs. легкости вещей осмысливается категория ценности, значимости: южн., самар., ниж.-новг. *vága* 'ценность, стоимость, значение' (*Дело это невелико, вагою ниже рубля*) (Там же, с. 9). На это указывает этимологический словарь: «Переносное знач. “уважение, ценность” из знач. “вес”» (Фасмер, т. 1, с. 263).

Наряду с идеей весомости в мотивации слов тематической группы «Уважение» реализована семантика стоимости: пск. *рубь пучок* (пренебр.) 'о людях, не заслуживающих уважения' (*Девки сами на шею вешаюца. Девки – рубь пучок*) (СПП, с. 66), перм. *стóить челкóвого* 'обладать ценными качествами, значимостью' (*Председатель хорошей у нас, челкового стоит*), перм. *полнóгтя (síнего нóгтя) не стóит* 'не заслуживает уважения, внимания' (*Она его полногтя не стоит, а фигуры строит над им*) (СПГ, т. 2, с. 402), ср. лит. разг. *стóящий* 'заслуживающий внимания, представляющий ценность' (в том числе о человеке) (ССРЛЯ, т. 14, с. 979).

Она же реконструируется в перм. *чинить* 'уважать' (*Девку у нас в деревне не стали чинить. Сусиди начали поноситься, пошла косина*) (СПГ, т. 2, с. 531), ряз. *чинить* 'почитать, оказывать знаки внимания, уважения' (Деул. сл., с. 597). Глагол *чинить* восходит к праслав. **činiti*, производному от **čipъ* и имеющему древнюю семантику укладывания слоями, однако в число фиксаций этого глагола в славянских

языках входят болг. *чѣня* ‘делать’ и ‘стоять, иметь стоимость’, макед. *чини* ‘делать, учинять’, ‘стоять, иметь цену’, что дает основания предполагать связь между праслав. **čĩnь* и **сѣна*, опирающуюся на архаичную взаимосвязь в сознании человека смыслов ‘действие (результат)’ и ‘плата за действие’ (ЭССЯ, т. 4, с. 112–115). Первоначальная метафора стоимости, реконструируемая в рус. *чин*, не осознается носителем русского языка, однако семантика значимости, развившаяся у слов с этим этимологом, вероятно, через посредство семантической ступени ‘наделять чином’, обусловила участие континуантов этого корня в выражении значения ‘уважать’.

Кроме того, в словах, являющихся продолжениями праслав. **čьstiti*, **čьtiti*, **čĩtati* **čĩsti*, которые составляют группу родственных глаголов (Там же, с. 119, 174–177), воплощен этимологически реконструируемый мотив «брать в расчет, принимать во внимание»: перм. *считáть* ‘уважать’ (*Нонче старых-то не больно считают*) (СПГ, т. 2, с. 427), ряз. *почѣсть* ‘проявить внимание, уважение’ (Деул. сл., с. 452), лит. *чтить* ‘испытывать и проявлять к кому-, чему-нибудь глубокое уважение; почитать’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 1113), ряз. *почетка* ‘почет, уважение’ (Деул. сл., с. 453), перм. *на почете* ‘пользоваться уважением’ (СПГ, т. 2, с. 194), ленингр. *зайтї в почет* ‘стать уважаемым’ (СРГК, т. 2, с. 126), перм. *почетный* ‘уважаемый, пользующийся вниманием’ (СПГ, т. 2, с. 194), устар. *честить* ‘оказывать честь, уважение кому-, чему-нибудь’ и простореч. *честить* ‘бранить, поносить’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 974–975), влад. *честїть* ‘величать, угощать’ и ‘ругать’ (КСРНГ), печор. *в честь попáсть* ‘начать пользоваться чьим-то уважением’ (ФСРГНП, т. 1, с. 116), ряз. *читáть* ‘почитать, оказывать уважение’ (Деул. сл., с. 599) и др. Анализ семантики континуантов этих корней позволяет установить, что социальное признание осмысливается через категорию оценки – расчета значимости и принятия во внимание того, кто значителен, ср. «счетную» и «оценочную» семантику ряз. *почѣсть* ‘оценить, отнестись к чему-л. каким-л. образом’, ряз. *читáть* ‘считать, производить подсчеты’, ‘принимать в расчет, во внимание, считать’, ‘расценивать каким-л. образом, воспринимать как-либо’, ‘иметь мнение, полагать’ (Там же, с. 452, 599).

Мотив высокой значимости представлен метафорой приема почетного гостя, которого усаживают в «красный угол» – под божницу,

где стояли иконы: печор. *в красна́х сидеть* ‘пользоваться заслуженным авторитетом’ (*И рукодельна, и в доме порядок – в краснах сидит, в уважении у людей; Иван Иванович уж сидит в краснах, все его уважают, и мастер хороший и семьянин хороший*) (ФСРГНП, т. 1, с. 79).

На основе представлений о корне как органе, необходимом для жизни растения, подвергаются осмыслению самые разные понятия, опирающиеся на семантический признак ‘главный, основной, существенный’, ср.: *корень зла, поменять в корне, докапываться до корней, зри в корень*. Поэтому слово *корень* вполне ожидаемо оказывается включенным в структуру печор. *в кореню́ (корню́) быть (жить)* ‘быть первым, уважаемым, авторитетным’ (*Сюду он в кореню: на работе и в общиэственных делах; Он и в школы был сегда в корню*) (ФСРГНП, т. 1, с. 78).

Добавим также, что утверждение человека в обществе, повышение социальной значимости осмысляется носителями русского литературного языка через метафору увеличения размера: лит. *вы́расти в чьих-либо глазах* ‘приобрести уважение, подняться, выиграть в чьем-либо мнении’ (ССРЛЯ, т. 2, с. 1191).

Мотивы ‘иметь большой вес’, ‘много стоить’, ‘быть принятым в расчет’, ‘сидеть на почетном месте’, ‘составлять самую значимую часть чего-либо’, ‘иметь внушительные размеры’ сводимы к мотиву высокой значимости, которому на уровне семантики соответствует сема ‘авторитет, уважение’.

В противоположность этому арсеналу мотивов в лексике, называющей неуважаемого человека, реализован другой комплекс идей.

Так, идея малой значимости трансформируется в мотив негодности, ненужности и воплощается образно в виде «мусорной» метафоры, ср.: карел. *ошметок* и *ошаметок* ‘жалкий, опустившийся человек’ (СРГК, т. 4, с. 359) и простореч. *ошметки* ‘остатки лаптей, обуви; рваные, изношенные лапти’, ‘обрывки, куски, клочья’, ‘комки грязи или снега, земли’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 1829), смол. *субор* ‘собранные в кучу камни на пашне, поле’, ‘куча мусора’ и ‘сборище никчемных, незначительных лиц’ (СРНГ, т. 42, с. 134).

В одном ряду стоят просторечные и диалектные обозначения людей: простореч. *шваль* ‘о презренном, ничтожном человеке’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 1313), простореч. *шу́шера, шу́швара, шу́шваль* ‘незначительный, ничтожный или негодный, дрянной человек, недостойный вни-

мания, уважения' (ССРЛЯ, т. 17, с. 1633), курск. *шúшель* 'дрянь, сволочь', *шúшаль* 'ничтожные люди, сволочь' (*Он принимает к себе всякую шушаль*) (КСРНГ), новг. *шáвань*, новг., твер., курск. *шáвель*, тул. *шáверень* 'шваль, сброд, сволочь, ничтожный, дрянной люд' (Даль, т. 4, с. 637).

Семы 'негодный', 'плохой', 'ненужный' связывают эти обозначения людей (несмотря на то, что они не образуют группу родственных слов, так как имеют разные корни) с обозначениями старых пожитков, ненужной мелочи, дряни, мусора, непригодных предметов: простореч. *шваль* 'негодная, дрянная вещь' (*Выкинуть шваль*), 'о худой лошади, корове и т. п.', устар. *шúшера* 'негодные, дрянные вещи; всякая мелочь, дрянь' [ССРЛЯ, т. 17, с. 1313, 1633], пск. *шúшар*, тамб. *шúшарь* 'дрянь, негодная вещь', пенз. *шúшер* 'дрянь, негодное' (*Я думал, он набрал что-нибудь ценное, а у него один шушер*), курск. *шúшель-мúшель* 'что-л. ненужное, мелкое', алт. *шúшера-мúшера* 'негодные вещи: всякая мелочь' (*Шушера-мушера зовете... а то все там горшки, черепки*), курск. *шúшаль* 'негодные вещи, дрянь' (КСРНГ), *шúшера*, *шúшерь*, *шúшель* (собир.) 'шухоборь, шарабарщина, всякая дрянь, плохие, ветхие пожитки' (*Шушера, мякина да сору половина*), *шáвань* и *шáверень* 'иногда о вещах' (плохих, негодных) (Даль, т. 4, с. 637, 670] и др. Сема незначительности выкристаллизовалась в орл. *шúшерь* 'мелочь, не стоящая внимания' (Там же). Сложно установить характер связи между обозначениями человека и негодных мелких вещей, направление семантического развития ('негодная вещь' → 'негодный человек' либо 'нечто негодное' → 'негодная вещь' и 'негодный человек'), однако общность семы 'негодный, плохой' не подлежит сомнению.

Семантический перенос 'мусор' → 'сброд' состоялся, вероятно, при образовании костром. *ошошь* 'представители «социального дна», маргинальные слои населения, сброд, шваль' (ЛК ТЭ) на основе «мусорных» значений: костром. *ошошь* 'о непригодных для обработки, сучковатых деревьях' (*Лес рубят, да одни сучки, скажут – одна ошошь, брось рубить*), 'лесной мусор' (*В лесу это ошошь такая – разны ветки, кора на ветках бывает, как мох*), 'малопригодные остатки чего-либо, дрянь' (*Ну, например, дрова несут худые – «Всю ошошь ты собрал да принес»; Грибы, например, перебирала, одни хорошие, другие не очень, ошошь – это уже не очень, но в дело идет;*

Ошашь – дребедень разна брошена, на свалку только, тряпки всякие, еще что бесполезное) (ЛК ТЭ). Ср.: М. Фасмер объясняет вят. *ошошь* ‘мусор, отходы’ как появившееся из **осошь* ‘то, что обрубается при отесывании дерева’ (цслав. *осошити* ‘обрубить сучья’) в результате ассимиляции (Фасмер, т. 3, с. 180).

Модель ‘мусор’ → ‘сброд, неуважаемые люди’ – одна из самых продуктивных в лексико-семантическом поле «Общественное мнение».

Отметим, что среди обозначений нетрудоспособного населения (стариков, детей) также есть вторичные номинации, называющие в своих первичных значениях мусор, старые ненужные вещи, отходы: смол. *лабудá* (экспр.) ‘изношенная, рваная одежда, обувь; тряпье’ и (перен., собир.) ‘о малолетних детях, не способных еще работать’ (*Пришоу с вайны, а дома анна лъбуда астальсь*) и ‘о старых, немощных людях’ (*Мъладежы нет, анна лубуда асталась*) (ССГ, т. 6, с. 5). Семантика неуважения к людям здесь отсутствует, но отражена внутренняя дифференциация общины на «работников» и «неработы» и имеет место оценочность по отношению к «ослабленным» социальным категориям.

Идея незначительности разрабатывается не только при помощи мотива негодности, но и через мотив «неполного соответствия» статусу человека. Так, в русских народных говорах слово *люди* используется без детерминантов в качестве обозначения как хороших людей, так и недостойных, непутевых членов общины: смол. *людье* (собир.) ‘люди (о хороших людях)’ (*С нилюддим ты звизальсь. А ты што, люддя?*), смол. *людя* ‘плохой человек’ (*Есь люди, а есь людя, анно то-ка низвання – чилавек*) (ССГ, т. 6, с. 67).

4.3. Мотивационная доминанта расчета и воздаяния по поступкам

Итогом поступков человека становится оценка его окружающими, а следствием сформировавшейся оценки – образ человека (собственно репутация, «клеймо»), а также отношение окружающих либо примененное наказание.

Общественное мнение как оценка. Общественное мнение складывается на основе совокупности *оценок* человека разными людьми и представляет собой результирующее значение всех оценок. Смысловой элемент ‘оценка; оценивать’, выявленный в ходе семан-

тического анализа слов изучаемого лексико-семантического поля, подтверждается принадлежностью к данному полю слов *суд*, *судить*, которые выражают идею оценивания. Ср. общенар. *суд* ‘мнение, суждение о ком-, чем-либо; оценка кого-, чего-либо’ (ССРЛЯ, т. 14, с. 1144). Судить – значит рассчитывать, оценивать допустимость поступка, его соответствие нравственному закону, традиции и принимать решение о расчете – расплате за поступок. Выражая идею говорения, слова *судить*, *осуждать* и другие слова того же корня способны служить обозначением невербализованной, невысказанной личной оценки (*осуждаю кого-л.*).

Вместе с тем судом называется организованный акт обсуждения и принятия решения о наказании человека, совершившего неблагоприятный поступок: урал. *самосуд* ‘мирской, общинный суд, осуществляемый на сходке’ (*И суд был у нас, самосудом называли. Собиралась сходка и говорят: вот, мол, Авдеев-то сына какого вырастил – ворует. И самосуд приказывал, дать, мол, ему десять розг*) (СРНГ, т. 36, с. 104).

В традиционном социуме общественное мнение существует и вне организованного акта обсуждения. Человек представляется членом того микросоциума, к которому он принадлежит, «плохим» или «хорошим» в зависимости от того, что о нем говорят. Пересуды, молва, слава, как уже было сказано ранее, воплощают в себе механизмы распространения информации, которая трактуется как свидетельство того, что «все так говорят о человеке», «всем известно его поведение» и, как следствие, «он таков, как говорят». Ср. лит. *предосудительно*, *осуждать* ‘выражать неодобрение кому-, чему-л., считать что-л. дурным’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 1214), перм. *осуда* ‘осуждение’ (*Я не боюсь осуды – пусть говорят*), перм. *осу́ждать* ‘осуждать’ (*Люди осуждают меня, а я че сделаю*) (СПГ, т. 2, с. 53–54). Несколько чужих мнений о ком-либо преобразуются в сознании человека в ментальный объект «общественное мнение о ком-либо», который служит видимым ориентиром для всех в масштабе общины. Именно образ «плохого, недостойного» или «хоршего, уважаемого» человека оказывается решающим при выстраивании отношений внутри микросоциума.

Общественное мнение как основание к наказанию или поощрению. С общественной оценкой напрямую связано *воздаяние*: когда общественное мнение сформировано, люди определенным образом ведут себя по отношению к объекту оценки.

Положительное мнение окружающих о человеке проявляется в признании и концептуализируется в языке как нахождение среди людей, отсюда мотивировочный признак «на людях»: заурал. *стать на люду* ‘стать уважаемым, оказаться в центре внимания’ (СРНГ, т. 41, с. 94), печор. *в (на) лю́ди вы́йти* ‘добиться уважения, почета, авторитета’ (*Хорошо работает она, дак в люди вышла, все ее почитают; Она все на доске почета была, в люди вышла, долго она дояркой у нас работала*) (ФСРГНП, т. 1, с. 84). Возвращаясь к уже затрагиваемому ранее понятию «людскости», заметим, что оно неслучайно трактуется как качество, обеспечивающее положение среди людей, признание, а не как общительность в современном понимании, равная контактности.

Отрицательное мнение о человеке оборачивается определенными реакциями окружающих: бранью, попыткой принудить человека к другому, принятому поведению.

Так, в лексике реализован мотив нападения, агрессии: мурман. *заплевáть* ‘строго осудить’ (*Пойдет мужчина с девушкой, заплюют, не принято было*) (СРГК, т. 2, с. 176). Здесь можно наблюдать апелляцию к жесту выражения отвращения, ср. лит. *заплевывать* ‘покрывать, пачкать что-либо плевками’ и ‘осыпать бранью, оскорблять’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 778). Ср. также кемер., орл., иркут. *не бит(а), не руган(а)* ‘с незапятнанной репутацией; находящийся на хорошем счету’ (*Всю жизнь не бит, не руган прожил; Сроду не бита, не ругана, все люди скажут*) (ФСРГС, с. 12).

Мотив воздействия принуждением представлен в перм. *пону́жать* ‘судить (в судебном порядке, а также общественным судом)’ (*Из-под прилавка сейчас продают, дак их понужают, кой-кого и в тюрьму садят*) (СПГ, т. 2, с. 168), родственном лит. *принуждать, вынуждать* и ст.-слав. *нуда* и выражающем семему ‘заставлять’ (в полном соответствии с первичной семантикой ‘мучить’ (ЭССЯ, т. 26, с. 34–37)).

Таким образом, носитель языка связывает с понятием общественного мнения идею расчетов, т. е. получения или платы по счетам.

Общественное мнение как инструмент изменения морально-нравственного облика человека. Итогом оценочных высказываний о человеке (а кроме того, вероятно, и невысказанных оценок) является его репутация, которая мыслится как совокупность характеристик человека, приписываемых ему, и образно концептуализируется как нечто имеющее определенный вид, так же, как лит. *облик*, обозначаю-

щее 'внешность', переносно называет 'то, что составляет индивидуальность, внутреннее содержание кого-л.; душевный склад, характер' (ССРЛЯ, т. 8, с. 212). В наивно-языковом сознании достойный человек представлен «чистым», неуважаемый – «грязным»: пск. *намáзать* 'наврать, насплетничать' (*Намазали, намазали бабы пра яе фсяво, што и в дяревню ни выйти*) (ПОС, т. 20, с. 81), пск. *му́хи засра́ли* (*обгадили, обкакали, обосрали*) *кого* (неодобр.) 'о человеке, потерявшем добрую репутацию' (СПП, с. 54), пск. *грязи налетéло* 'начались сплетни, разговоры' (*Вот откуда грязи-та налетела, он з другой нашол*) (ПОС, т. 20, с. 59), *марать человека, честь его* 'говорить о ком дурно, по заслугам, или клеветца' (Даль, т. 2, с. 305), ср. также лит. *бросать в кого-л. грязью, смешивать с грязью, втоптать (затоптать) в грязь* 'порочить, поносить, унижать' (ССРЛЯ, т. 3, с. 458), лит. *чистый, чист от пороков, подозрений* (Там же, т. 17, с. 1079).

Общественное мнение как побуждение к реагированию. Наконец, ожидаемым результатом осуждения человека общество считает пробуждение в нем чувства стыда, а его отсутствие трактуется как нарушение ожиданий, свидетельство неподчинения человека обществу, его устоям: свердл. *бессты́жую рóжу носítь* 'терпеть позор' (*Че-небудь сделает человек неладно – бесстыжу рожу носит*) (СРГСУ/Д, с. 27). При этом важно наличие vs. отсутствие внешних признаков раскаяния – смущения, переживаний, которые были бы видны окружающим, отсюда обращение к словам *лицо, рожа*: перм. *натяну́ть бересту на лицо́* 'спрятаться от позора' (*Тебе ведь надо бересту на лицо натянуть да так и ходить, как тебе не стыдно на люди выйти!*) (СПГ, т. 1, с. 576).

Таким образом, общественное мнение о человеке подытоживается вынесением решения, наказанием или поощрением, сложившимся в глазах других людей образом человека и ожиданием определенной реакции – реакции стыда.

* * *

В связи с невысокой активностью метафор в лексико-семантическом поле «Общественное мнение» основной ракурс исследования поля в ономасиологическом ключе составило мотивационное обоснование номинативных моделей. При таком подходе представление материала более результативно, поскольку возможно охватить всю лек-

сику, составляющую поле, и увидеть в нем организующие линии. Распределение слов по предметно-тематическим кодам в соответствии с реконструируемыми в них образами дало бы фрагментарную и не имеющую объясняющей силы картину.

Можно констатировать, что при образовании номинаций изучаемого семантического поля было задействовано лишь несколько предметно-тематических кодов: социальный, предметно-материальный, речевой. Другие коды либо представлены единичными фактами (психосоматический, зрительный), либо вовсе не актуальны при осмыслении категории общественного мнения (мифологический, ландшафтный, пространственный и др.).

В ходе анализа образных и необразных номинаций лексико-семантического поля «Общественное мнение» были выявлены мотивационные доминанты ***демонстрации отношения к человеку, значимости человека в социуме, расчета и воздаяния по поступкам***. Это означает, что носители традиционной культуры видят эту ментальную категорию как такую, которая обладает следующими характеристиками:

- имеет яркие формы выражения, составляя тем самым механизм регуляции сосуществования людей в микросоциуме;
- определяет положение человека в общине, организует структуру общества, распределение;
- представляет собой инструмент определения наказания и поощрения.

Раздел III

ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА КАК СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЦЕННОСТЕЙ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Образование, воспитание, культура входят в число базовых культурных ценностей народа, поскольку составляют основу процесса передачи потомкам накопленного культурного опыта и обеспечивают сохранение традиций. Воспитание состоит в изготовлении «человеческого продукта» в соответствии с представлениями о том, каким должен быть человек, а эти представления детерминированы культурой. Культура толкуется в народной среде как умение обращаться с окружающими и выражается в поведении человека, в его следовании обычаям, нормам, что особенно значимо для традиционного общества. Менее всего согласовано с крестьянским миросознанием понятие образования, поскольку эта сравнительно новая общественная структура, предназначенная для организованной передачи знаний, на этапе своего зарождения была встречена в народной среде неоднозначно. Однако образованность, воспитанность и культурность человека становятся предметом оценки в диалектной речи, так как представляют собой те черты личности, которые более других имеют социальный «привкус», поскольку их приобретение опосредовано воздействием общества, а практическое значение состоит в социальной адаптации человека.

Трехчастное имя лексико-семантического поля, ставшего предметом нашего внимания, указывает на то, что понятия, обозначения которых в него включены, имеют значительные зоны пересечения, препятствующие их раздельному рассмотрению. Обоснованием их общности могут служить следующие аргументы.

Общее семантическое ядро. Человек на протяжении жизни совершенствуется в разных областях: осваивает грамоту, накапливает сведения о мире, приобретает практические навыки, оттачивает мастерство, учится вести себя согласно требованиям социума, в котором живет.

В дефинициях слов отображены такие ситуации, как получение образования (перм. *большая грамота* 'образование' (*Сиротой жил,*

дак не дали большу-то грамоту) (СПГ, т. 1, с. 185), кемер., иркут. *на скамье сидеть* ‘учиться в школе’ (СРГС, т. 4, с. 300)), приобретение культурных навыков (новг. *накультироваться* ‘набраться знаний, стать культурным’, волог., ленингр. *навадить* ‘приучить к чему-н.’ (Что ты его не навадила говорить «Здравствуй»?) (СРГК, т. 3, с. 297, 341)), воспитание детей (брян., смол. *припутить* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ (СРНГ, т. 31, с. 361), арх. *поўка* ‘родительское воспитание’ (Там же, т. 30, с. 333)), морально-этическое воздействие на взрослого человека путем внушения, наказания, совета (печор. *говоря* ‘увещания, наставления’ (СРГНП, т. 1, с. 139), печор. *в кость сказать* ‘дать нужный совет’), приобретение жизненного опыта (печор. *битый по плечу* ‘бывалый, опытный, много повидавший, много знающий’ (ФСРГНП, т. 1, с. 44, 79)), освоение ремесла и хозяйственных умений и навыков (карел. *натуриться* ‘научиться, приобрести навык в работе’, мурман. *нашпиговаться* ‘наловчиться, научиться что-н. делать’ (СРГК, т. 3, с. 388, 401), перм. *азы́ иметь* ‘иметь представление, понятие о чем-л.’ (Азы-то имеешь косить? Главно, на пятку жми) (СПГ, т. 1, с. 358)). Человек становится объектом целенаправленного воздействия других людей или действует самостоятельно, наблюдая за людьми и обстоятельствами.

Сходство столь разнообразных ситуаций утверждается тем, что по отношению к любой из них мы используем слова *учить*, *учиться*: учиться писать, читать, ходить, косить, учиться какой-либо профессии, учиться вести себя, учиться быть сдержаннее, мудрее, учиться жить в сообществе людей, учиться хитрить и т. д. Многие из приведенных дефиниций апеллируют к слову *знания*.

Отметим, что, например, слово *образовывать* и его дериваты в русских народных говорах обозначают разные ситуации приобретения знаний: и обучение в школе, техникуме, институте (арх. *образоваться* ‘получить образование’ (Жонка-то моя образовалась в техникуме...)), и освоение ремесла, приобретение мастерства или привычки (пенз. *образовывать* ‘приучать к чему-либо’ (Образовывать их к хорошему делу)), и воспитание наставлениями (перм. *образовать* ‘устыдить образумить’), и накопление опыта (арх. *образовать* ‘изменить к лучшему’ (Армия-то всех образует...)) (СРНГ, т. 22, с. 192–193)).

Это означает, что в наивно-языковом сознании перечисленные ситуации интерпретируются как варианты или стороны одного и того же процесса – познания.

Перекрестные толкования, или перекрестная мотивация. В литературном языке и в русских народных говорах лексемы *образование, культура, воспитание*, а также их производные толкуются друг через друга: лит. *образованный* ‘получивший образование, обладающий образованием; просвещенный, культурный’, *образовывать* ‘сообщать кому-либо знания; просвещать, делать культурным’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 363, 367), *культурный* ‘достигший определенного уровня культуры; просвещенный, образованный’, *культура* ‘образованность, воспитанность, культурность’ (Там же, т. 5, с. 1828, 1830), устар. *образовáтель* ‘воспитатель; просветитель’ (Там же, т. 8, с. 364), *воспитываться* ‘получать общее развитие и образование, преимущественно в закрытом учебном заведении’ (в одном из значений) (Там же, т. 2, с. 707), пск. *накульту́риться* ‘стать образованным, культурным человеком’ (*Сийчас фсе люди накультурились, грамотные стали; Вы-та накультурились, везде пахадили, паездили*) (ПОС, т. 20, с. 48), свердл. *культурник* ‘образованный человек’ (СРГСУ, т. 2, с. 74). Если взглянуть на это же явление с точки зрения мотивации, то окажется, что каждое из слов *образование, культура, воспитание* может служить производящей основой для номинаций другой семантической сферы из числа этих трех.

Семантическая диффузность толкований слов. В дефинициях слов нередко соседствуют маркеры из разных (в пределах этих трех) семантических областей: арх. *отменítый* ‘некультурный, необразованный, темный’ (*Отменитой народ-то, говорили не так*) (СРГК, т. 4, с. 307), урал. *сивола́пчатый* ‘грубый, невоспитанный, необразованный’ (*Сослать такого гуся сиволапчатого в ссылку, примерно, туда, где солнца не видать*) (СРНГ, т. 37, с. 274), кемер. *челдо́н* ‘необразованный, некультурный человек’ (СРГС, т. 5, с. 270), моск. *выра́живаться* ‘образовываться, становиться культурнее’ (СРНГ, т. 5, с. 338), арх. *у́мственный* ‘культурный, образованный’ (КСГРС), арх., краснояр., камч. *многогра́мотный* ‘культурный, образованный’, ряз. *мужла́й* ‘грубый, некультурный, необразованный человек; мужлан’ (СРНГ, т. 18, с. 186, 335), ленингр. *некультя́пистый* ‘необразованный, некультурный’ (СРГК, т. 3, с. 410), енис., забайкал.

óхридъ ‘необразованный, невоспитанный, грубый человек’, перм., нижегор., новг., костром., волог. *пéнтюх* ‘о некультурном, грубом, необразованном, невоспитанном человеке’, ворон., тамб. *охря́па* ‘некультурный, необразованный человек’ (СРНГ, т. 25, с. 50, 53, 343). Масштабы явления таковы, что оно не может быть расценено как дефект дефиниций, лексикографическая погрешность. Следует считать его свидетельством тесной взаимосвязи рядоположенных понятий.

Сходство способов номинации. При мотивационном анализе лексики, соотнесенной с понятиями «воспитание», «образование», «культура», выявляется общность реализуемых носителем языка моделей номинации. В частности, этому способствует указанная выше особенность толкований: в случае разделения этого лексического фонда на три разных лексико-семантических поля слова с двумя маркерами в дефиниции неизбежно попали бы в два поля одновременно и их внутреннюю форму следовало бы учитывать в ходе анализа мотивации в обоих случаях. Ср. метафору деревообработки, представленную в яросл. *неотесок* ‘некультурный, необразованный человек’, костром. *нестрóганый* ‘невоспитанный, необразованный’ (Там же, т. 21, с. 104, 166) и др.

Руководствуясь этими аргументами, можно оперировать понятием поля в отношении лексико-фразеологического фонда, описывающего три названных понятия. Замена трехчастного названия однословным именем «Обучение» была бы неправомерной, так как оказались бы исключенными обозначения самостоятельного приобретения опыта, а название «Познание» центрирует внимание, наоборот, на освоении знаний без участия в этом другого человека или общества и скрадывает зависимость представлений о совершенствовании человека от культурной среды.

Лексико-семантическое поле «Воспитание, образование, культура» чрезвычайно объемно по количеству объединенных в нем номинаций и семантически разнородно. Оно достойно многостороннего неторопливого исследования, которое выходило бы за рамки рассмотрения вербальных репрезентаций механизмов социальной регуляции в традиционном обществе. В настоящей работе лексика этого поля окажется предметом внимания лишь в той части, которая касается семантической области «Социальные взаимодействия».

Проведение условных границ внутри лексико-семантического поля имеет следствием два положения, реализованные в настоящей работе: (1) далее будет представлен выборочный семантический и мотивационный анализ лексики семантического поля «Воспитание, образование, культура»; (2) в данном разделе полевой ракурс исследования сменяется аспектуальным.

Глава 5. Особенности семантики слов лексического поля «Воспитание, образование, культура» в русских народных говорах

Социально обусловленный компонент семантики языковых единиц, составляющих лексико-семантическое поле «Воспитание, образование, культура», является основным предметом рассмотрения в настоящей главе, однако необходимо предпослать ему обзор семантического пространства поля и некоторые соображения относительно его моделирования.

5.1. Характеристика идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание, образование, культура»

Компенсируя обусловленное поставленными задачами ограничение объекта исследования, предварим мотивационный анализ краткой общей характеристикой идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание, образование, культура». Прежде всего, отметим его разнородность в семантическом и грамматическом отношении. В его состав входят глаголы со значениями ‘учить’, ‘учиться’, ‘обучаться’, ‘получать образование’, ‘переучивать’, ‘быть (не) грамотным, (не) образованным’, ‘расширять кругозор’, ‘воспитывать’, прилагательные со значениями ‘обученный, ученый’, ‘сведущий, знающий, развитый’, ‘(не) культурный’, ‘(не) образованный’, ‘(не) грамотный’, ‘невежественный’, ‘(не) воспитанный’ и существительные со значениями ‘ученик’, ‘воспитанник’, ‘обучение’, ‘воспитание’, ‘учеба’, ‘неуч’, ‘невежда’, ‘невежество’, ‘невоспитанность’, ‘недостаток образования’, а также фразеологизмы с подобными дефинициями. Слова с другими толкованиями так или иначе логически связаны с перечисленными выше семемами.

В поле можно выделить сегменты, образованные языковыми фактами, референциально соотнесенными с какой-либо денотативной областью, т. е. с ситуациями передачи и приобретения знаний:

- обучение в образовательных учреждениях;
- освоение практических умений и навыков (ремесленнических, хозяйственных);
- приобретение жизненного опыта;
- воспитание детей;
- морально-этическое воздействие на человека;
- освоение в новой социальной среде;
- совет;
- вовлечение в какую-либо авантюру или приобщение к асоциальным элементам.

При анализе значений общенародных и диалектных лексем выявляются две основные пропозиции в соответствии с двумя типами описываемых ситуаций: воздействием человека на другого человека либо самостоятельным приобретением знаний и опыта. Относительно этих пропозиций можно определить место каждого лексического факта в семантической структуре поля. Иначе говоря, семантический центр поля составляют предикаты 'учить' и 'учиться'. Центральную позицию в лексико-семантическом поле, границы которого заданы ситуацией, занимает глагол. Роль организующего центра поля predetermined для него, поскольку в самом его значении заложены синтаксические валентности, которые «закрываются» номинациями *ученик, учитель* и их синонимами и задают, таким образом, особенности заполнения остального номинативного пространства поля: *учить* – кто, кого, чему; *учиться* – кто, у кого, чему.

Сема 'учить'. Так, глагол *образовывать* называет субъект-субъектное действие: пенз. *образовывать* 'приучать к чему-либо' (*Образовывать их к хорошему делу*) (СРНГ, т. 22, с. 192–193), карел., рус. (литов.), рус. (латв.), рус. (эст.) *образовать* 'образумить; проучить' (*Я ее так образую, не бивши*), перм. *образовать* 'устыдить, образумить'. Цельнооформленные лексемы служат обозначениями воздействующего субъекта (учителя) либо объекта воздействия (ученика): устар. *образователь* 'воспитатель; просветитель' (ССРЛЯ, т. 8, с. 364), моск., пск., ленингр., смол. *обученец* 'ученик' (*Это мой обученец в этом деле*) (СРНГ, т. 22, с. 193) и др.

Сема 'учиться'. Слово *образовываться*, имеющее в просторечии значения 'получать образование, становиться образованным' и – в совершенном виде – 'стать рассудительнее, разумнее' (ССРЛЯ, т. 8, с. 367), в архангельских, например, говорах означает 'учиться в школе, техникуме, институте' (арх. *образоваться* 'получить образование' (*Жонка-то моя образовалась в техникуме...*) (СРНГ, т. 22, с. 193)). Этот возвратный глагол касается преимущественно образа ученика, поскольку наличие учителя и сам акт чьего-либо воздействия слабо актуализированы в дефиниции и в мотивировочном признаке. В подобных случаях акцент делается на усвоении знаний учеником (на изменении субъекта), в то время как обучающий не упоминается: брян. *повиднеть* 'поумнеть, стать более знающим' (*Школа меняет: год поучился – и то повиднел*) (СРНГ, т. 27, с. 244). В некоторых языковых фактах семантика, отсылающая к обучающему лицу, отсутствует вовсе, ср. волог. *обумиться* 'обучиться, научиться, узнать больше' (КСГРС), пск. *в голову бросать что* 'усваивать, запоминать что-либо' (СПП, с. 29).

Нередко обучение осознается как результат воздействия не человека, а обстоятельств, которые меняют, формируют человека, вынуждая его к приобретению знаний и умений: арх. *образовать* 'изменить к лучшему' (*Армия-то всех образует...*) (СРНГ, т. 22, с. 192), диал. (б/у места) *грамотить* 'вынуждать учиться грамоте' (*Торговля грамотит мужиков*) (Там же, т. 7, с. 111) и др.

Ментальная модель познания, фиксируемая в языковых единицах, включает следующие элементы:

- действие (учить или учиться);
- объект воздействия (ученик, познающий);
- субъект действия (человек или обстоятельства);
- атрибуты (книга);
- результат (характеристика человека: воспитанный, культурный).

Моделирование разных ситуаций обучения на основе значений слов и фразеологизмов показывает, что среди актантов, имплицитно содержащихся в семантике глагола *учить*, можно выделить более значимый в сравнении с другими. Приобретение знаний при отсутствии обучающего лица возможно, в то время как обучение при отсутствии приобретающей стороны (ученика, обучающего, познающего)

невозможно. Первая валентность глагола *учить* (*кто*, т. е. учитель) может оставаться незамещенной в реконструируемой пропозиции, а вторая (*кого*, т. е. ученика) – ее обязательный элемент.

Результат любой из перечисленных выше ситуаций познания связан непосредственно с фигурой объекта воздействия, которому до того были свойственны определенные характеристики по интеллекту, жизненному опыту, компетентности в чем-либо, мировоззрению, нравственности, поведению, претерпевающие изменения за счет приобретения новых знаний, умений, опыта, привычек, нравственных качеств, черт характера, что отражено, например, в значениях глаголов: *учиться* ‘усваивать какие-либо знания, овладевать знаниями, изучать что-либо’, ‘овладевать какими-либо навыками, опытом, умением делать что-либо’; ‘воспитывать, вырабатывать в себе какую-либо привычку, качество, умение’, *учить* ‘воспитывать, вырабатывать, прививать какие-либо качества, привычки, навыки’ (...*учить деликатности*), ‘обогащать опытом, знаниями, пониманием чего-либо’ (*Жизнь учит...*) (ССРЛЯ, т. 16, с. 1161–1163).

Сема ‘изменять (кого-л.)’ объективирована в таких глаголах, как арх. *образов́ать* ‘изменить к лучшему’ (*Армия-то всех образует...*) (СРНГ, т. 22, с. 192), смол. *переинáчить* ‘сделать другим, перевоспитать’, пск., смол. *перейншиить* ‘сделать кого-либо другим, перевоспитать’, киров., костром. *переворáчивать* ‘перевоспитывать, переубеждать’ (*Учить-то тебя некому, мне бы тебя на годик, я бы тебя переворотила*) (Там же, т. 26, с. 58, 113), волог. *перешкóлить* ‘учить кого-н. заново и по-иному; переучивать’ (СРГК, т. 4, с. 478), урал. *переконováливать* ‘прививать другие навыки, перевоспитывать’ (*Их свекровь переконовалила*) (СРНГ, т. 26, с. 128).

Модель обучения, таким образом, содержит агентивный компонент: кто-либо или что-либо вызывает изменения в человеке. Одновременно с этим надо констатировать наличие динамического компонента семантики: человек меняется, приобретая знания, мастерство, компетентность, новые черты характера или нравственные качества, опыт.

Заметим, однако, что значительную часть поля составляют языковые факты, не содержащие динамического компонента в семантике, «статично» характеризующие человека по его поведению, опыту, знаниям, умениям. Это существительные и прилагательные со значениями ‘(не) образованный’ / ‘(не) образованный человек’, ‘(не) культур-

ный' / '(не) культурный человек', '(не) воспитанный' / '(не) воспитанный человек' и т. п.: костром. *нестрóганый* 'невоспитанный, необразованный' (СРНГ, т. 21, с. 166), новг. *сурóвый* 'необразованный, не сведущий ни в чем' (НОС, т. 10, с. 190) и др. В слове *нестроганый* динамический элемент семантики отчасти сохраняется посредством использования глагольной производящей основы *строгать*. Качество (невоспитанность, недостаток образования) представлено как следствие отсутствия воздействия (воспитания).

Итак, воспитание, образование, культура предстают в жизни и в языке в виде множества ситуаций. Лексические единицы, называющие отдельные объекты, действия, характеристики, вписаны в ситуативный контекст, который можно представить в виде двух типовых схем (моделей), одна из которых фиксирует коммуникативную ситуацию («человек → человек»), другая воплощает идею приобретения знаний под давлением естественного хода вещей, без влияния человека, выступающего в роли воздействующего субъекта («обстоятельства → человек»). Обе пропозиции основываются на семе «изменение объекта воздействия».

Думается, семантическое структурирование лексико-семантического поля следует осуществлять различно в зависимости от задач исследования.

С одной стороны, привлекательно в плане максимально полного учета семем деление поля на сегменты в соответствии с денотативным разнообразием, выявляемым в ходе анализа слов одной тематики и организованным по принадлежности денотата слова к тематической группе (воспитание ребенка родителями, совет, освоение в новой среде, обучение в образовательном учреждении и т. д.). Вторичное сегментирование внутри этих лексических групп позволяет делать выводы об особенностях номинативного представления каждой частной семемы, о специфичных для какого-либо языкового идиома семемах, о семантически ценных различиях между сходными номинациями и т. д.

С другой стороны, путем типологизации семем (например, понятия «учитель», «воспитатель», «родитель», «делающий кому-л. внушение человек» совпадают в инварианте «субъект воздействия») можно реконструировать инвариантную модель, которая с теми или иными различиями воплощается в каждой тематической группе, и исходить из постулата о том, что структура лексико-семантического

поля изоморфна этой модели. Такой метод исследования полевой семантики можно применить только в отношении «сюжетного» поля. Описание в логике фрейма дает возможность экспликации представлений носителя языка о логических взаимосвязях между элементами ситуации действительности, позволяет провести реконструкцию сценария на основе языковых фактов и оценить значимость и место в нем каждого актанта, прояснить унифицированную структуру понятия, выделить ядерные и второстепенные семы, оценить разнообразие номинативных воплощений отдельных элементов модели.

В то время как метод регистрирования тематических групп внутри поля базируется на дифференциации единого понятия, на явлении асимметрии между единственностью базового понятия обучения и множеством его семантических модификаций (получение образования, воспитание ребенка, обучение ремеслу, освоение практического умения, совет, нравственное воздействие и пр.), реконструкция инвариантной модели какого-либо объекта или процесса основывается на явлении конденсации, обобщения, укрупнения частных моделей до общей прототипической.

5.2. Социально обусловленный компонент семантики в лексике поля «Воспитание, образование, культура»

Лексические единицы, традиционно рассматриваемые как итог осмысления человеком действительности, хранят информацию о значимых для носителя языка понятиях и связях между понятиями. В языковой картине мира диалектоносителя выявляется существенность для него взаимосвязи между обучением, воспитанием и местом человека в социуме. Остановимся далее на диалектных фактах, удовлетворяющих условию присутствия в их значениях «социальной семантики».

Семема «измениться, вращаясь в другой социальной среде или в процессе историко-культурных изменений». В лексике русских народных говоров маркировано приобретение человеком нового социального опыта, который вынуждает человека измениться, освоившись в незнакомом месте или в новое время.

Роль «шаблона», по которому человек себя перестраивает, может играть иная социальная группа: пск., твер. *обазу́риться* ‘находясь в среде некультурных людей, стать грубым, огрубеть’, ср. пск., твер. *обазу́риться* ‘привыкнуть, освоиться где-либо’ (СРНГ, т. 21, с. 342).

Наиболее часто в лексике фиксируется приобретение деревенским жителем городских привычек: пск. *запитері́ться* ‘перенять городские манеры, образ жизни’ (*То ужэ гораз запитерились, прямо как в городе стали, закультурились*) (ПОС, т. 12, с. 40), пск. *напетері́ться, напі́териться, напите́рачьчиться, напите́рачьчь* ‘перенять привычки, манеры, речь городского жителя’ (*Сынок большой в армии был. Пакуль служыл, пришол – гаварить харашо напятаярился в горади; Напитерился – благаротства набрался значыт; Наша-та мама напите-рачылась, стала гъварить па-гърадскому*) (Там же, т. 20, с. 130, 137).

Особенно заметным маркером чужести являются отличия в речи, о чем свидетельствует огромное количество записей диалектной речи, ср. контексты к арх. *лѡвкий* ‘правильный, соответствующий нормам (о речи)’ (*А в город придешь, думаешь, как бы сказать ловчее слово*) (СРГК, т. 3, с. 137), волог. *на опакішу* ‘неправильно не так, как надо’ (*С русскими живут, а на опякишу как-то говорят, все по-чухарски, совсем мало говорят по-нашему*) (Там же, т. 4, с. 202), арх. *ломать щекѡй* ‘говорить не так, как принято; ломать язык’ (*Лучше не ломала бы щекѡй, коль говорить не умеешь*), арх. *ляпанча* ‘тот, кто говорит не по установившимся в данной местности нормам’ (*Как говорится, наречие переменялось, все такие ляпанчи*) (Там же, т. 3, с. 143, 179), ленингр. *кувырка́ть* ‘говорить не так, как принято, нелитературно’ и ‘стараться говорить культурно, грамотно’ (*Культурную воображает, кувыркает, будто в городе была, сама-то нигде не была*), ленингр. *с мѡды говорі́ть* ‘говорить правильным, литературным языком’ (Там же, с. 48, 244), карел. *зачва́кать* ‘заговорить на литературном языке’ (*А хорошо заговоришь, так тут сразу и скажут: «Ну, зачвакала питерка»*), волог. *заштека́ть* ‘заговорить по-городскому (о произношении слова что)’ (Там же, т. 2, с. 123, 242), пск. *язы́к нала́мывать* ‘учиться говорить правильно, литературно’ (*Стали ездить везде [молодежь] и стали язык наламывать*), пск. *налиперті́ться* ‘приобрести навык, умение говорить литературно’ (ПОС, т. 20, с. 55, 66), перм. *соблюда́тный* ‘о человеке, говорящем на литературном языке’ (*О, какой ты соблюдатный*) (СПГ, т. 2, с. 367) и др.

Следовательно, речь имеет социальную окраску, поскольку отличает городских и деревенских, а также людей разных национальностей, т. е., по сути, своих и чужих. Отметим, что О. Н. Трубачев, говоря об этнониме *славяне*, отмечает правдоподобность известного толкования

этого слова как выражающего актуальную для древних форм этнического самосознания психологическую взаимосвязь между понятиями «свои, наши люди» и «говорящие на ясном языке» [278, с. 9].

Наконец, приобретение нового опыта толкуется как следствие историко-культурных перемен в обществе: новосиб. *обрусеть* ‘стать культурнее’ (*Обрусели люди, дома с верхом стоят, просветлеют вроде, обрусуют, не как раньше живут и слава богу*) (СРНГ, т. 22, с. 213), карел. *обрусеть* ‘стать культурнее, цивилизованнее’ (*Обрусеть... перешла в культуру, с дикого человека стал русский, настоящий*) (СРГК, т. 4, с. 112).

Семемы «воспитание детей родителями», «быть обязанными родителям за воспитание», «плохо воспитанный из-за сиротства». Существенно более «выпукло», чем в литературном языке, в лексике русских народных говоров представлена тема воспитания детей родителями: арх. *поўка* ‘родительское воспитание’ (СРНГ, т. 30, с. 333), пск., твер. *неотцѳвщина* ‘непослушание, неповиновение родителям’ (Там же, т. 21, с. 106), пск., твер. *отѳчина* ‘дети, воспитанные в послушании отцу и старшим’ (Там же, т. 23, с. 179), рус. (латв.) *безбáтьковщина* ‘плохо воспитанный человек; ребенок (обычно выросший без отца)’ (Там же, т. 2, с. 181) и др.

Воспитание в семье осознается как основной способ трансмиссии ценностей и приобщения к «своему» микросоциуму. В этом плане показателен контекст к карел., волог. *натыкáть* ‘направлять, наставлять, учить’ (*Люда-то степенная, хорошая, разговорная; мать и бабушка ее на все натыкáли, выучили, воспитали*) (СРГК, т. 3, с. 389). В высказывании сообщается, что в семье девочку научили «чему-то такому» (именно эта неопределенность придает фактурность идее родительского воспитания), что люди оценивают ее как *хорошую* (т. е. вызывающую одобрение), *степенную* (рассудительную, серьезную, основательную) и *разговорную* (не просто общительную, а знающую, как правильно обращаться со старшими и с людьми вообще, умеющую «разговаривать с людьми»).

Неодобряемое поведение, нарушение принятых норм относят за счет плохого воспитания родителями: пск., твер. *озѳвок* ‘тот, за кем было недостаточное наблюдение, недостаточный надзор, невоспитанный человек’ (СРНГ, т. 23, с. 88), свердл. *изварнáчить* ‘испортить дурным воспитанием, избаловать’, перм., ср.-урал. *изнабазуливать*

‘портить дурным воспитанием, примером; баловать’, свердл. *иства́рить* ‘испортить воспитанием, привить дурные привычки’ (СРНГ, т. 12, с. 101, 152, 253).

В контекстах устанавливается зависимость между невоспитанностью и сиротством: костром. *безогрѳзница* ‘непослушный, своевольный человек’ (*Без отца дети растут вольницей-безогрѳзницей*) (Там же, т. 2, с. 195), печор. *избазу́литься* ‘избаловаться, приобрести порочные привычки’ (*Не спустили Леню никуда, избазулице, запьет, ф шпану превратицие без мати-то*) (СРГНП, т. 1, с. 288).

Важность мысли о том, что адаптация человека в социуме зависит от того, усвоены ли базовые ценности от родителей, подтверждается типовым контекстным противопоставлением «родители не научили – люди научат»: печор. *вспѳмнишь дѳда до обѳда* ‘вспомнишь наказания старших, когда жизнь обойдется с тобой сурово’ (*Круты да, суровяишы да, родителей не почитают; ну, чужи люди выучат бурку в крутых горках, ты вспомнишь дѳда до обѳда; Вот не слушают бабку с дѳдкой; а в городе будешь жить, дак вспомнишь дѳда до обѳда*) (ФСРГНП, т. 1, с. 152).

Любопытно с точки зрения воплощения идеи неготовности невоспитанного человека к совместной жизни с кем-либо смол. *рогѳза* ‘плохо воспитанный, неуживчивый человек’ (СРНГ, т. 35, с. 126). Акцент сделан именно на недостатке воспитания, а не на врожденной необщительности, например.

Наконец, уникально в плане значения волог. *отмеца́ть* ‘оказывать помощь, внимание в ответ на заботливое воспитание’ (*Вот какие сыновья выросли, отмецают за хлеб, за молочко*) (СРГК, т. 4, с. 308). Уникальность состоит не собственно в идеях благодарности и помощи родителям (эта тема раскрывается, например, во многих контекстах: новосиб. *ходи́ть (кого)* ‘воспитывать, растить ребенка, детей’ (*Мать же вас ходила, кормила, а как вы с ней теперь обращаетесь*) (СРГС, т. 5, с. 222) и др.), а в том, что цельнооформленная лексема приспособлена для выражения достаточно сложного комплекса взаимосвязанных сем: (1) действие – ‘помогать’, (2) подразумеваемый субъект действия – ‘дети’, (3) объект действия, или адресат – ‘родители’, (4) мотив – ‘в благодарность’, (5) основание к возникновению мотива – ‘за воспитание’.

Семема ‘дать направление в жизни’. Среди лексем, воплощающих идею наставления, в русских народных говорах обнаруживается

множество единиц с агентивной семантикой, называющих факт помощи в определении жизненного пути (обычно со стороны родителей), т. е. в решении основной «социальной задачи» человека – найти свое место в обществе: перм. *придѣлѣть* ‘дать направление жизненному пути’ (*Сынок первой родился у нее, она его к богу приделала к церкви-то, крестик повесила*) (СПГ, т. 2, с. 205), пск. *напрáвить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’ (*Зинь, можь ты яну направишь*) (ПОС, т. 20, с. 162), перм. *приста́вить к делу* ‘определить место в жизни’ (*Выкормила детей, вырастила, к делу приставила – не посудачат на меня*) (СПГ, т. 2, с. 216) и др.

Семемы «слушаться / не слушаться», «послушный / непослушный» (о молодом поколении). С темой воспитания детей родителями связано понятие послушания: урал. *произвóл* ‘послушание’ (*Сын из произвола не выходит*) (СРНГ, т. 32, с. 146), моск. *повиня́ться* ‘повиноваться, слушаться’ (*Старых слушаться надо было, если ты не повинялась, тебя за стол не посадят*) (Там же, т. 27, с. 246), костром. *беззагрóзный* ‘не признающий запретов, предостережений, правил поведения, непослушный’ (*Загрозы нет ему, строгости, беззагрозной такой*) (ЛК ТЭ).

Помимо обычая повиновения родителям объектом из области социальной проблематики являются различия между поколениями. Непослушность выступает характеристикой не только «штучного человеческого материала», но и целой возрастной прослойки. В контекстах разрабатывается тема противопоставления прежней молодежи и нынешней по критерию послушности vs. непослушности: волог. *не переступи́шь шаг* ‘не ослушаешься’ (*Раньше было против воли отца не переступишь шаг*) (СРГК, т. 4, с. 472), ср.-урал. *крепíть* ‘держат в повиновении’ (*Вошце раньше крепили нас, режим строгой девкам был*) (СРНГ, т. 15, с. 216), новосиб. *распуцѣние нашлó на (кого-либо)* ‘кто-либо стал непослушным, непокорным’ (*На молодежь распуцѣние нашло, никого не слушают, все напередь знают*) (СРГС, т. 4, с. 130), ленингр. *подсы́ливать* ‘не слушаться’ (*Старых людей и подсыливают, и посмихиваются*) (СРГК, т. 4, с. 678). Повиновение в сознании носителя традиционной культуры является одной из базовых ценностей (социальной нормой), которая к тому же представляет собой необходимое условие обучения, усвоения норм, обычаев, правил, законов общины.

Итак, в лексико-семантическом поле «Воспитание, образование, культура» на уровне значений слов объективировано несколько *идей*, находящихся на стыке представлений об обучении и социуме.

Во-первых, ситуация усвоения чужих социальных канонов затрагивает область *культуры*. Обучение незнакомым правилам связано с явлением социальной дифференциации, поскольку носитель языка смотрит на изменения в человеке через призму оппозиции «свои vs. чужие».

Во-вторых, идеи послушания детей, повиновения родителям и помощи ребенку в выборе жизненного пути раскрывают социальный аспект представлений о *воспитании*, т. е. о способах и необходимых условиях трансляции знаний, поддерживания устоев, закрепления норм традиционного общества.

Обратим внимание на то, что субъектно-объектные отношения в разной степени объективированы в лексемах рассмотренного множества слов. Так, некоторые глаголы имеют семантическую валентность ‘субъект действия’: ср.-урал. *крепíть* ‘держат в повиновении’: *кто-л. крепит кого-л.* Иногда этот актант восстанавливается гипотетически, хотя глагол называет ответное противодействие объекта воздействия, ср. моск. *повиня́ться* ‘повиноваться, слушаться’: *кто-л. повиняется кому-л.* Наконец, активный субъект может остаться неактуализированным в семантико-грамматической структуре языкового факта: новосиб. *распуцѐние нашлó (на кого-л.)* ‘кто-либо стал непослушным, непокорным’.

Лексемы, которые описывают усвоение чужих или новых социальных канонов (например, новосиб. *обрусѐть* ‘стать культурнее’), также как будто не имеют отношения к вербализации воздействия человека на другого члена социума. Однако очевидно, что в этом случае роль неявного (грамматически замаскированного) субъекта воздействия играет общество: человек меняется под влиянием среды, а она составлена людьми, представляющими общность.

Глава 6. Лексика обучения как репрезентант идеи социальной регуляции: мотивационный анализ

Осуществление социальной регуляции, безусловно, происходит в сфере культуры, воспитания (как и в ряде других сфер), что находит отражение не только в семантике, но и в мотивации слов. Применяя

ономасиологический подход к исследованию лексики семантического поля «Воспитание, образование, культура», мы ограничимся рассмотрением мотивационных моделей, в которых актуализировано наличие социальных ориентиров, способных указать человеку, к чему следует или не следует стремиться, и реконструкцией мотивационных доминант, которые касаются обучающе-социализирующего воздействия на человека.

6.1. Мотивационные модели, фиксирующие наличие ориентиров, необходимых для самоопределения человека

Среди образов, эксплицируемых при анализе внутренней формы слов лексико-семантического поля «Воспитание, образование, культура», присутствуют образы из социальной сферы, предстающие в наивно-языковом сознании эталонами, на которые ориентируется человек в своем поведении (например, другие люди или родители). Это закономерно, поскольку образованность, культура, воспитанность человека предстают в языке как «социальный продукт», следствие уподобления человека социальной среде.

Помимо этого во внутренней форме слов, обозначающих воспитанного или невоспитанного человека, может содержаться отсылка к «социально маркированным» явлениям, объектам, таким, например, как «город», «деревня», «культура», «чужая нация, другой народ». Относительно этих понятий социокультурной сферы человек осуществляет самоидентификацию.

Представления об обществе, о межличностных и социальных контактах, типах взаимоотношений, способах воздействия человека на человека становятся для номинатора призмой, через которую он смотрит на обучение, воспитание как на процессы, подготавливающие человека к жизни в социуме.

Далее лексический материал будет представлен в соответствии с выявляемыми в словах мотивировочными признаками. Производящие основы выступают в качестве элементов кода – знаков, интерпретационный ресурс которых используется при создании номинаций исследуемого поля.

Мотивировочный признак «культура». Наивно-языковые представления о культуре как плоде цивилизации воплощены в образован-

ных от слова *культура* лексемах, характеризующих человека как имеющего образование, знающего, владеющего литературным языком: карел. ленингр. *накульту́риться* и новг. *накульти́роваться* ‘набраться знаний, стать культурным’ (СРГК, т. 3, с. 341), ленингр. *подкульту́риться* ‘набраться культуры’ (*Старые слова худые наши. Раньше говорят: «Куды пошла-то?» Теперь маленько подкультурились*) (Там же, т. 4, с. 640), свердл. *культурник* ‘образованный человек’ (подано в словаре с пометой «нов.») (СРГСУ, т. 2, с. 74), карел. *схвати́ть культу́ру* ‘приобщиться к культуре, к культурным ценностям’ (СРГК, т. 3, с. 57). Носителем диалекта понятие культуры соотносится с чужой – «недеревенской» – средой. Отношение к ней амбивалентно: высказывание *Он накультурился в городе* может быть произнесено с гордостью (например, за внука) или с неодобрением в зависимости от ситуации общения. Но в любом случае представлением о том, что есть другой, чужой, «культурный» мир, задано размежевание людей на своих и других, незнакомых, приходящих оттуда, где люди живут иначе и поэтому отличаются от здешних.

Мотивировочный признак «люди». Воспитание детей концептуализируется как их «вращивание» до момента «погружения» в людскую среду, т. е. в социум: ленингр. *в лю́ди спусти́ть* ‘вырастить, вывести в люди’ (*Я такая семистая, семеро рожено, в люди спустила*) (СРГК, т. 3, с. 169), карел. *по́ миру отпра́вить* ‘отпустить в самостоятельную жизнь, на заработки’ (*Выкачали ребенка, да отравили по миру, осталось кольцо*) (Там же, с. 241). Тот же смысл, но в облике цельнооформленной лексемы, представлен в волог. *людо́вать* ‘вырастить, вывести в люди’ (*Шутка, людовать семеро детей*) (Там же, с. 169).

Перемены в человеке, обусловленные вхождением человека в социум, названы также дериватом слова *люди*: карел. *люде́ть* ‘становиться культурнее’ (Там же). Отсутствие качеств, необходимых для социальных взаимодействий, обозначается словом *нелю́дскость* ‘грубость нравов, скотство, зверство, недостаток образования’ (Даль, т. 2, с. 538).

Язык репрезентирует воспитанность, культуру как определяющие, атрибутивные свойства человека, поэтому логично, что невоспитанный человек представлен «не вполне человеком» (пенз. *по́рченный лю́д* ‘крикливая, грубая, невоспитанная молодежь’ (СРНГ, т. 30, с. 115)), а в бар-

наул. *безлюдица* ‘отсутствие культурных или дельных людей’ (СРНГ, т. 2, с. 192) идея отсутствия «культурных» людей модифицировалась на уровне мотивации в идею «отсутствие людей вообще».

Ориентация на то, каковы «все люди», на то, что надо «стать как люди», – яркий пример того, что социальная регуляция осуществляется во многом исподволь, посредством «встраивания» себя в общество, функционирующее по своим законам.

Мотивировочные признаки «город», «Питер», «Москва», «деревня» и др. В русской наивно-языковой картине мира обнаруживается прямое соответствие оппозиций «необразованный vs. образованный» и «деревенский vs. городской». В диалектных обозначениях образованного человека ярко представлена «городская» метафора: волог. *подгорбодник* ‘образованный, культурный человек’ (КСГРС), диал. *напiтериться* (волог., арх.) ‘научиться чему-либо, поднатореть в чем-нибудь’ (*В Кадникове около господ он напiтерился*), твер. ‘пумнеть’ и новг., смол., волог., арх. ‘перенять манеры, речь городского жителя, приобрести внешний вид горожанина, сделаться бойким, изворотливым’ (*Вишь уж совсем напiтерились, культурно говорить стали*) (СРНГ, т. 20, с. 75), смол. *обпiтериться* ‘приобрести городские манеры, лоск’ (Там же, т. 22, с. 189), пск. *запiтериться* ‘перенять городские манеры, образ жизни’ (ПОС, т. 12, с. 40), пск. *напетериться, напiтериться, напiтерачиться, напiтереть* ‘перенять привычки, манеры, речь городского жителя’ (Там же, т. 20, с. 130, 137), влад., моск. *намосквiчиться*, влад. *намосквiтиться* ‘перенять манеры, ловкость москвичей’ (СРНГ, т. 20, с. 41), арх. *москiвка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ (КСГРС), дон. *начеркаситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’ (СРДГ, т. 2, с. 176) и т. д. Подробно о семантике оттопонимических дериватов см. работу Е. Л. Березович [36, с. 176–205].

Любопытно, что образованность и культура, по-видимому, не оцениваются количеством знаний или воспитанностью. Более того, они вообще не связываются с ситуацией обучения; у них в данном случае нет иного объективного критерия, кроме принадлежности человека к городской культуре. Номинатор, житель деревни, отчетливо видит различия между собой и городским жителем, замечает, как временное пребывание в городской среде меняет поведение человека, и маркирует именно эту чуждость. Ум, образованность и культура

приписываются в народном мировоззрении любому жителю города, вне зависимости от того, насколько он умен, культурен и образован.

И наоборот, на основании факта приравнивания характеристик «деревенский» и «неученый» в контексте к арх. *деревёньское слово, деревёньская говора, деревёньской акцэнт* ‘речь, свойственная деревне’ (*Слова-то каки деревенски, мы уш не по-учену-то говорим*) (АОС, т. 11, с. 47)¹ и наличия в структуре этих фразеологизмов слова *деревенский* реконструируется представление о необразованности деревенских жителей.

Мотивировочные признаки «отец», «батя». К образу родителей как воспитателей отсылает внутренняя форма диал. *отётчина* ‘дети, воспитанные в послушании отцу и старшим’, *неотцёвщина* ‘непослушание, неповиновение родителям’, *безбáтьковщина* ‘плохо воспитанный человек; ребенок (обычно выросший без отца)’ (см. выше).

Мотивировочные признаки «чудь», «кацап», «турок» и т. д. В качестве переносных обозначений людей необразованных, невежественных и не соблюдающих правила, принятые в обществе, выступают этнонимы: перм. *вогул* ‘о человеке, который отступает от принятых у русских норм в поведении, речи, одежде и чем-л. напоминает манси’ (АС, т. 1, с. 137), алт. *турок* ‘неграмотный, необразованный человек’ (*Мы турками прожили, я и буквы не знаю*) (СРГС, т. 5, с. 106). На базе арх. *лопáрь* ‘ненец’ возникло *лопарй* ‘дикие, темные люди’ (КСГРС). В случае с краснояр. *такая (этакая) чудь* ‘темные, некультурные люди’ (ФСРГС, с. 218), урал. *чуди* ‘темные, неграмотные люди’ (СРГСУ, 7, с. 34) появление у этнонима вторичного значения обусловлено не только мотивом «чужой», активным благодаря значению ‘представитель чужого этноса’ (*чудь* ‘общее название некоторых западно-финских племен’ (Ожегов, с. 49), «название древнего народа» (КСГРС)), но и аттракцией звуковых комплексов *чудь, чужой, чудной*.

В говорах Урала есть ряд обозначений необразованного человека, в которых можно заметить совпадение начального звукового комплекса *чу-* и наличие словообразовательных морфем (или квазимор-

¹ Отсылки к деревенской метафоре содержатся и в просторечных, жаргонных обозначениях глупости, необразованности, бескультурья, глупого человека: жарг. *деревня* ‘о глупом человеке’, *сельпошный* ‘глупый, необразованный (о человеке)’, *колхоз* ‘о невысоком уровне образования; о глупости, некультурности кого-л.’ и др.

фем) с потенциально возможным значением лица (-арь, -ан, -[м] ек): перм. как *чучмэки* 'о неграмотных, отсталых, необразованных людях', как *чучкари* 'об отсталых, необразованных людях', *чучкан* 'о темном, необразованном человеке' (СПГ, т. 2, с. 536). Можно предположить, что эти языковые факты были первоначально этнически-номинативными единицами. Кроме того, высока вероятность дополнительных аттракционных влияний со стороны слов *чушь*, *чукча*, а также диал. *чучка* 'чурка из дерева; небольшое полено' (Там же, т. 2, с. 536), что обуславливает возможность вовлечения в круг сближаемых единиц практически любых звукокомплексов с начальным *чу-*, характеризующихся высокой экспрессивностью (см. об этом: [35, с. 463]).

Две лексемы – курск., ворон., дон., сарат. *кацáп* 'о необразованном, невоспитанном, грубом человеке', калуж. *кацáпка* 'о необразованной, невоспитанной, грубой женщине' (СРНГ, т. 13, с. 140) – являются, вероятно, семантическими дериватами от прозвищного этнонима. М. Фасмер трактует *кацáп* как устаревшее украинское прозвище великорусов, образованное при помощи приставки *ка-* от укр. *цап* 'козел', поскольку «бритому украинцу бородатый русский казался козлом» (Фасмер, т. 2, с. 213). Кроме того, в говорах лексема используется в качестве обозначения переселенцев, ср. краснодар. *кацáп*, *кацáпня* 'о переселенцах из средней части России в южные области', новосиб. *кацáп* 'переселенец в Сибирь из Орловской или Тамбовской областей' (СРНГ, т. 13, с. 140). Сочетание в значениях одной лексемы смыслов 'иноземный' и 'пришлый' говорит о кристаллизации семы 'чужой'.

Итак, при образовании слов лексико-семантического поля «Воспитание, образование, культура» в качестве мотивирующих основ используются существительные *культура*, *люди*, *город*, *деревня*, *чудь*, *кацáп*, *отец* и другие слова, имеющие такой этнокультурный потенциал, который позволяет им выступать в роли знака, ориентира, пригодного для социального самоопределения человека в традиционном обществе. Так, на понятие, обозначенное словом *люди*, спроецировано представление о социуме, к которому предписано приобщиться. В коннотативной зоне слова *отец* присутствует смысл 'воспитывать, социализировать (своего ребенка)', о чем можно судить по словам вроде *неотцовщина*, в которых запечатлен оценивающий взгляд прорзорливого «диагноста», определяющего по поведению ребенка при-

чину его асоциальности – отсутствие родителей, которые могли бы естественным образом ввести ребенка в социум. Слова *город, Питер, Москва, деревня* служат ориентирами не только в географическом, но и в культурном пространстве, выступая символами отличных друг от друга территорий или сообществ, разделенных «демаркационной линией». Это означает, что среди названных объектов есть ориентиры, которые служат предостережением, сообщая о том, что за ними «начинается чужая территория». Например, представитель чужой нации в наивном сознании маркирован как образец, негодный для уподобления ему по причине его чужести, непонятности, инаковости.

6.2. Мотивационные модели, реализующие идею воспитательного воздействия на человека

Далее представлены мотивационные модели, по которым образованы слова, описывающие воздействие общества на человека. Модели упорядочены согласно эксплицируемым мотивационным доминантам – базовым идеям, из которых складывается ментальный облик понятия «обучающее социальное воздействие».

Мотивационная доминанта воздействия на объект с целью его изменить

Обучение имеет процессуальный характер, поэтому среди языковых фактов, образующих лексико-семантическое поле «Образование и воспитание», присутствует глагольная лексика. Большинство глаголов описывают воздействие человека на другого человека: *учить, обучать, образовывать, воспитывать, стыдить, наказывать*. Значительную часть из них составляют слова, выражающие идею трансформации объекта, которая реализуется, например, в лексемах с приставкой *пере-*: смол. *переи́нчить* ‘сделать другим, перевоспитать’, пск., смол. *перей́ншить* ‘сделать кого-либо другим, перевоспитать’, киров., костром. *перевора́чивать* ‘перевоспитывать, переубеждать’, урал. *переконováливать* ‘прививать другие навыки, перевоспитывать’ (см. выше). Экспликация этой мотивационной доминанты предсказуема, так как находится в полном соответствии с выделенной нами ранее базовой семой поля – «изменять (человека)».

Среди вторичных обозначений подобных действий можно выделить такие, в которых реализована метафора механического воздействия на объект: диал. *полировать*, *бурить*, *ковать*, жарг. *шлифовать* (паспортизация лексем будет приведена далее, при рассмотрении моделей) и др. Кроме того, свернутый предикат содержится в существительных, прилагательных вроде диал. *полированный*, *неотесок*, *нескобленный*, *невыпеченный*.

В ходе исследования обозначились два основных направления образной концептуализации обучающего и воспитательного воздействия в языке: обработка поверхности и изготовление изделия. Далее порядок их представления определен критерием продуктивности модели.

1. Обработка различных поверхностей. Представитель крестьянской и – шире – народной культуры проводит смысловые связи между обучающим воздействием на человека и деревообработкой. Интересно, что у носителя языка не возникают ассоциации с обработкой других материалов: шкур, камня или металла.

Под обработкой подразумевается выравнивание, придание гладкости путем натирания или снятия верхнего слоя. Мотивационная модель «делать деревянную поверхность ровной, гладкой – прививать культуру, обучать, воспитывать» реализуется во множестве номинаций: лит. *полировка* ‘о внешнем лоске, внешних признаках культуры; об уменьше обращаться с людьми’ (ССРЛЯ, т. 10, с. 993), курск., орл., калуж. *полированный* ‘образованный, умеющий обращаться с людьми’ (СРНГ, т. 29, с. 74), смол. *полировать* ‘обучать, воспитывать, приучать к хорошим манерам’ (Там же), барнаул. *обстрогаться* ‘стать более воспитанным, культурным’ (*Он еще угловат в обществе, не обстрогался на свете*) (Там же, т. 22, с. 239).

Соответственно, во внутренней форме обозначений невоспитанного человека воссоздается метафора необработанной деревянной поверхности: сиб. *неотес сибирский* ‘грубый, невоспитанный человек’ (ФСРГС, с. 121), яросл. *неотесок* ‘некультурный, необразованный человек’, костром. *нестроганный* ‘невоспитанный, необразованный’ (СРНГ, т. 21, с. 104, 166).

Заметим, что номинатор не обращается к глаголам, называющим другие виды обработки, – отделку, рифление, нанесение краски, узора, покрытия и т. п. О доминировании перформативности, реализующей идею воздействия, над эстетической функцией в народной куль-

туре на примере технологической метафоры в номинациях сферы «Речевая деятельность» см. работу Е. Л. Березович [34]. Апелляцию к нанесению на поверхность слоя какого-либо материала можно было бы предполагать только в случае с яросл. *вы́лицевать* ‘образовать, вышколить, выучить’ (СРНГ, т. 5, с. 304), поскольку в литературном языке однокоренные с ним слова имеют значения, не связанные с выравниванием: лит. *лицевать* ‘перешивать, делая изнанку лицевой стороной; перелицовывать’ и ‘обкладывать какое-либо сооружение плитами, слоем какого-либо материала; облицовывать’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 282). Однако в русских народных говорах глаголы, имеющие одинаковую с яросл. *вы́лицевать* словообразовательную структуру, обозначают именно чистку, натирание до гладкости: влад. *вы́лицевать* ‘вычистить, отделать’ (СРНГ, т. 5, с. 304), диал. (б/у места) *вылицевать* ‘вычистить, выгладить, заполировать, вылощить’ (Даль, т. 1, с. 304).

Рассматриваемая модель представлена в литературном языке (в его разговорной разновидности), просторечии, жаргоне: простореч. *неотеса* ‘о некультурном, необразованном человеке’, разг. *неотесанный* ‘некультурный, необразованный’, простореч. *дура неотесанная*, *дурак неотесанный*, устар. *нетесанный* ‘некультурный, необразованный’ (ССРЛЯ, т. 7, с. 1029, 1216) и др.

Генерализацию семы натирания в отвлечении от «деревянной» метафоры можно наблюдать в перм. *скобленный* ‘опытный, испытанный’ (*Я солдат-то скобленный, всю войну отстукал*) (СПГ, т. 2, с. 343), смол. *нескобленный* ‘грубый, невежливый’ (*Мужик ты нескобленный*) (СРНГ, т. 21, с. 153), смол. *вытирать* (сов. *вы́тереть*) ‘обучать чему-либо’ (*Чужие люди вытрут*) (Там же, т. 6, с. 39), лит. разг. *тертый калач*.

На фоне модели «делать поверхность гладкой – обучать, воспитывать» становится понятной причина обращения номинатора к производящим основам «суровый» и «грубый». Прилагательное *сурóвый* ‘необразованный, не сведущий ни в чем’ (НОС, т. 10, с. 190) вторично по отношению к диал. *суровый* ‘грубый, неровный, шероховатый, черствый, неприятный на ощупь’, ‘неотделанный, неочищенный, вчерне, особ. о пряже, тканье, небеленый’, *суровье* ‘сырой, необделанный товар: кожи, сало, шерсть, рога, лен, пенька и пр.’ (Даль, т. 4, с. 372).

В свою очередь, лит. *грубый* ‘малокультурный; резкий, неучтивый’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 429), пск., арх., север. *гру́бность* ‘некультурность, невежество’ (СРНГ, т. 7, с. 157), сиб., свердл., киров. *во́грубо*

‘неучтиво; некультурно; грубовато; грубо’ (СРНГ, т. 4, с. 330), ср. др.-рус. *грубый* ‘невежливый, дерзкий’, ‘невежественный, необразованный’ (СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 144), др.-рус. *грубость* ‘невежество, необразованность’ (Там же), – семантические дериваты от *грубый* ‘неровный, шероховатый, плохо поддающийся обработке’: лит. *грубый* ‘недостаточно или плохо отделанный, обработанный; топорный, неизящный’, ‘жесткий, негладкий, шероховатый на ощупь’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 429).

Наряду с метафорой деревообработки и – шире – выравнивания, разглаживания неровной поверхности натиранием, в обозначениях человека эксплуатируется зоологическая метафора, актуализирующая устойчивую коннотацию «грязный»: костром. *свинья нескребеная* ‘о человеке плохого поведения’ (СРНГ, т. 21, с. 154). Обозначение свиньи служит здесь оскорбительным именованием человека, а при помощи квалификатора, мотивированного глаголом ‘скрести’ (с отрицанием), воссоздан образ непочищенного, грязного животного.

Мотив «нечищенности» воплощен и в образе невычесанного (по сути грязного, необработанного) льна, отсюда мотивировочный признак «трепать»: в пск., твер. *неотрепа* ‘невоспитанный, грубый человек; невежа’ (Там же, с. 105).

С семантикой трепания можно связывать и омск. *стропалить* ‘отчитывать наставлять’ (*Вас, гулеванов, не стропалить – толку не будет*) (СРГС, т. 4, с. 463), моск. *растропалить* ‘научить, обучить кого-л. чему-л.’ (*Этого бригадира растропалили*) (СРНГ, т. 34, с. 276). К этому особенно располагает сема ‘ругать’ и приставка *рас-* во втором факте. Однако значения свердл. *настропалить* ‘научить, дать нужный совет’ (*Настропали его, как лучше сделать*) и иван., свердл., перм., ленингр. *настропалиться* ‘научиться, приобрести сноровку в каком-либо деле; поднатореть’ (Там же, т. 20, с. 200) вовсе не содержат семы ‘ругать’, поэтому могут быть истолкованы исходя из родства со словом *тропа* как имеющие мотивировку «направить» [58].

Варьированием модели можно считать использование в качестве производящей основы глагола *стричь*, который обозначает подрезание, подравнивание: перм. *подстригать* ‘исправлять ошибки в речи, поправлять’ (*Русский язык я плохо знаю, неграмотный, я и говорю не литературно. Вот на собраниях меня часто и подстригали*) (СПГ, т. 2, с. 132), омск. *стричь* ‘строго воспитывать, бранить’ (*Стригут их там, а он все болван*) (СРГС, т. 4, с. 462).

Устойчивость реализованных в приведенных словах мотивов «тесать», «тереть», «чистить» подтверждается фактом обратного семантического перехода от значения 'обучать в школе' к семантике натирания, очищения: новг. *вышколить сапоги* 'вычистить сапоги, смазать их ваксой' (СРНГ, т. 6, с. 62), перм. *вышколить* 'вымыть, вычистить, навести порядок' (*Вон щас дома все вышколила, вымыла*) (СПГ, т. 1, с. 153).

Отметим, что брань и наказание также могут осмысляться через образы очищения внешних покровов: простореч. *чистить* 'бранить, пробирать' (ССРЛЯ, т. 17, с. 1059), пск. *снимать стружку с кого* 'ругать, отчитывать кого-л.' (СПП, с. 72), кемер. *терку давать* 'наказывать' и 'действовать на человека, делая его благоразумным, опытным, осмотрительным' (ФСРГС, с. 52). Поскольку производящие основы «чистить», «тереть», «строгать» призваны в данном случае передать агрессивность речевого действия, эта модель («чистить – воспитывать бранью») находится на пересечении метафоры обработки поверхности и метафоры деструкции. Последняя представлена, например, такими фактами, как печор. *выколоть* 'осыпать упреками, отругать' (*Она Дарью-то выколола, выкорила, выгнала из дома, да и сама скоро умерла*) (СРГНП, т. 1, с. 107), пск. *голову пробить кому-л.* 'измучить кого-л. частыми напоминаниями, просьбами, укорами' (СПП, с. 29), омск. *все глаза выбить (оббить, проколоть)* 'предельно надоест советами, замечаниями, упреками, просьбами' (ФСРГС, с. 33) и др. О преобразовании представлений об обработке поверхностей режущими инструментами (снятии стружки, коры) в семантику негативного вербального воздействия на адресата, т. е. ругани и брани (алт. *ошкурить* 'сильно обругать', бурят. *стругать* 'бранить, ругать') см. работу Е. Л. Березович [34]. Кроме того, мотивационному анализу лексики со значением «ругать (-ся)» посвящено исследование А. В. Хелемендик [300]. Речевая агрессия сопоставляется с репрессивным физическим воздействием, нанесением удара. Эта модель лишь соприкасается с лексико-семантическим полем «Обучение» посредством немногих лексических репрезентаций, находится на дальней его периферии.

Таким образом, для носителя языка имеют значение следующие особенности анализируемого фрейма, в основание которого положено действие «механическая обработка изделия». Номинатор обращается

к этой образной сфере, поскольку ее средствами возможно запечатлеть субъектно-объектный характер действия: человек воздействует на другого человека подобно тому, как кто-либо совершает манипуляции с неодушевленным предметом. Кроме того, обучение обнаруживает сходство с обработкой изделия мастером в отношении результата. Основанием для их сопоставления, зафиксированного в лексических фактах, служит мотив изменения объекта в сторону улучшения, совершенствования. Подобно тому, как при обработке изделия подвергается выделке, чистке верхний слой материала, результат обучения имеет внешнее выражение – перемены в поведении, оцениваемые как соответствующие культурным нормам. Преодоление невоспитанности и неопытности кажутся носителю языка сопоставимыми с устранением шероховатостей на поверхности материального объекта. Несовершенство характеризует и необработанное изделие, и невоспитанного, некультурного, необразованного человека. Как следствие, приобретение практических умений (обучения) и коррекция поведения (воспитания) уподобляются в языковой картине мира изменениям, которые претерпевает вещь в ходе ее механической обработки. Значимыми для возникновения таких ассоциаций являются характеристики производимого воздействия. Обучение человека и обработка изделия складываются из манипуляций, обладающих сходными свойствами, например, такими, как многократность, длительность, конструктивность.

2. Изготовление изделия: пропитывать, ковать, печь, придавать форму. В традиционной народной культуре разрабатывается образ «человека изготовленного», см. об этом работы С. М. Толстой и др. [7, с. 55–58; 264]. Ср. представления о дураке, глупце как неудавшемся творцу, плохо сшитом, сплетенном, испеченном или вытесанном творении [175, с. 203–204, 209–211, 217–221]. Рефлексы метафоры изготовления человека присутствуют в образных сопоставлениях обучения с ковкой, дублением кожи, выпеканием, вырезанием фигуры из камня или дерева. На большой потенциал метафоры производства для описания обучения человека указывает М. М. Алексеева: «Процесс образования, воспитания и обучения тесно связывается с процессом производства: человека готовят к жизни в социуме и мире. На отражение этого представления в языке указывают метафоры, транслирующие общетехнологический код» [7, с. 55], ср. лит. разг. *сделать человеком*

(ССРЛЯ, т. 13, с. 532), арх. *сработать* ‘сделать кем-либо’ (*Из меня, из дурака, сработают солдатика*) (СРНГ, т. 40, с. 301) и др.

Сема «воздействовать», объективирующая связь между субъектом и объектом воздействия, актуализирована в диал. (б/у места) *оболв́анить* ‘наружно образовать немного, для приличия в обращении’, которое вторично по отношению к диал. *оболв́анить* ‘отделать грубо, вчерне, обтесать, придав вещи приблизительно желаемый вид или размеры’, *оболв́анивать* ‘отесывать чурбаны, для точки из них мис, чашек’ (Даль, т. 2, с. 629)¹. Сема поверхностной обработки тесно связана здесь с семой изготовления предмета (придания ему формы).

Кроме того, вторичные наименования процесса обучения производны от лексемы из области кузнечного дела – *ковать*: мурман. *наков́ать* ‘научить, показать своим примером’ (*Нет, таким людям не накуешь своим манерам, им все равно*) (СРГК, т. 3, с. 334). Ср. контекстуальное употребление перм. *вы́ковать* ‘сделать нормальным, привести в норму’ (*Ты не балуй, отец-от придет, дак выкует тебя*) (СПГ, т. 1, с. 138), а также жарг. угол. *ков́ать* ‘обучать воровским приемам’ (БСЖ, с. 265).

Образ «кованого человека» или «обработанного ковкой» поддерживается метафорой натачивания: лит. (перен.) *отта́чивать* ‘делать более совершенным, доводить до высокой степени мастерства; отшлифовывать’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 1647), ленингр. *наточ́ить* ‘научиться чему-н.; перенять что-н.’ (*Руки-то все украсть хоче, а ведь это все от матери наточивши*) (СРГК, т. 3, с. 386). В прямом значении *точить* – ‘делать острым (обычно режущее или колющее орудие) путем трения обо что-либо’ и ‘изготавливать из дерева, металла и т. п., придавая нужную форму срезанием наружных или внутренних слоев материала на токарном станке’ (ССРЛЯ, т. 15, с. 731–732).

Вариацией на эту же тему является жарг. угол. *шлифов́ать* ‘обучать неопытного вора’ (БСЖ, с. 695), ср. лит. *шлифов́ать* ‘обрабатывать поверхность металла, дерева, стекла и т. п. абразивными мате-

¹ Уподобление человека деревянной заготовке (при отсутствии семы воздействия) обнаруживается в диал. (б/у места) *обакл́аниться* ‘стать более культурным, воспитанным’ (*Он в людях-то обакланился маленько*); ср. диал. *обакл́анить* ‘грубо обтесать, обработать что-либо’ (Даль, т. 2, с. 583; СРНГ, т. 21, с. 344), диал. (б/у места) *оболв́аниться* ‘обтесаться, околотиться, натереться меж людей’ (Даль, т. 2, с. 629).

риалами для придания ей гладкости, точных размеров, определенной формы' и 'трением сглаживать какие-либо неровности, делать гладкой, чистой, блестящей поверхность чего-л.', а также 'совершенствовать, улучшать' (ССРЛЯ, т. 17, с. 1474). В сущности, перед нами метафора изготовления предмета.

Известный народному сознанию образ шитого человека (*человек Божий – обшит кожей*) реализован в сравнении обучения с обработкой кожи: диал. шутол. *продублёный* 'ученый, «пропитанный ученьем»' (СРНГ, т. 32, с. 126). Метафора выделки шкур актуализирует семантику наполнения содержанием (пропитывания) и укрепления (обработанная кожа становится эластичной и крепкой).

Диалектными фактами создается также образ неудавшегося мучного изделия: пск. *невыйпеченный* 'необразованный, неотесанный' (Там же, т. 20, с. 366), перм. *кулебáка* 'неудачный пирог или другое мучное изделие' и 'о человеке с какими-л. недостатками (ненормального телосложения, с неправильными чертами лица, малокультурном и т. п.)', перм. *кулебáка бессчётной* «о неграмотном, необразованном человеке» (СПГ, т. 1, с. 449). Обратим внимание, что номинатор проводит связи между человеком и изделием из теста, не привлекая другие образы. Эта семантическая модель, представленная небольшим числом лексем, является закономерным продолжением продуктивной модели «кулинарная неудача – дурак»: новг. *недовареный* 'глупый, бестолковый', *недопеченый* 'глуповатый' (НОС, т. 6, с. 37, 40), *непропека* 'простофиля, олух', *недопéкий* 'нерасторопный, несообразительный', *недопéчка* 'о слабом, плохо соображающем человеке' (СРНГ, т. 21, с. 28, 132), волг. *недопекши* 'недоразвитый человек', *недопеченный* 'не в уме', *непропеченный* 'глупый, бестолковый' (КСГРС) и др. Изделие из теста обладает свойствами готовности и оформленности, значимыми для ассоциирования с человеком, личность которого «оформляется» с приобретением знаний и жизненного опыта.

Показательна и внутренняя форма лит. *формировать* 'придавать устойчивые, законченные черты, вырабатывать определенные качества в ком-л.' и *формироваться* 'приобретать устойчивые, законченные черты, становиться носителем определенных качеств' (ССРЛЯ, т. 16, с. 1501).

Мотив придания формы, вида, образа лежит в основе лит. *образование* 'процесс усвоения знаний; обучение, просвещение', *образовать* 'сообщать кому-либо знания, просвещать, делать культурным;

развивать, воспитывать, прививая определенные качества' (Там же, т. 8, с. 362, 367), *образовать кого-л.* 'совершать, улучшать духовно, просвещать', 'придавать наружный лоск, приличное, светское обращение' (Даль, т. 2, с. 633), орл. *образовáть* 'научить', арх. *образовáться* 'получить образование', пенз. *образóвывать* 'приучать' (СРНГ, т. 22, с. 192–193), ленингр. *образовáть* 'воспитать' (*Что тебя так плохо образовали: «пожалуйста» говорить не можешь*) (СРГК, т. 4, с. 106), пенз., арх., урал. *необразóвщина* 'некультурный, малограмотный человек' (СРНГ, т. 21, с. 99), перм. *образовáться* 'образумиться' (*Вечером девушка образовалась, уж по-хорошему стала разговаривать; Сын мой в армию сходил, образовался*) (СПГ, т. 2, с. 23) и др.

Общеслав. **obrazovati (se)* представлено в этимологических словарях производным от **obrazъ*, возводимого, в свою очередь, к **obraziti (se)*, которое является результатом сложения **ob-* и глагола **raziti* с исходным значением удара (ЭССЯ, т. 29, с. 60–66), ср. *разить* 'ударять, поражать каким-либо оружием' (ССРЛЯ, т. 12, с. 335). Существительное *образ*, ставшее обозначением формы, изображения (ср.: «старшее значение о.-с. *obraz* – 'нечто, получившее (новый) облик или определенный вид'» (Черных, т. 1, с. 588)), первоначально обозначало, согласно А. Брюкнеру, вырезанную в дереве или вытесанную в камне фигуру (ЭССЯ, т. 29, с. 66).

Неслучайно континуанты того и другого глагола – **obraziti (se)* и **obrazovati (se)* – обнаруживают семантику обработки: др.-рус. *образовати* 'придать (придавать) форму' (*Древо криво, сучиа полно, изрыет [мастер] настоателне по истоцанию своему, и по уму его мастерства образуеъ то, и уподобит то образу члчю*) (СРЯ XI–XVII, т. 12, с. 139), рус. *образовать* 'давать вид, образ; обтесывать или слагать, составляя нечто целое, отдельное' (Даль, т. 2, с. 632–633), лит. *образовывать* 'придавая соответствующую форму, вид, строение, создавать, составлять что-либо' (ССРЛЯ, т. 8, с. 366), тамб., южн. *обра́зить, образи́ть* «обрабатывая, придать нужную форму», курск., ряз., ворон., влад., калуж., орл., пенз., тамб., сталингр., нижегор., москв. *обра́зить, образи́ть* 'привести в порядок, вымыть, прибрать, вычистить' (СРНГ, т. 22, с. 191); ср. словен. *obrazováiti* 'придавать форму; создавать; изображать, представлять, описывать; обучать' (ЭССЯ, т. 29, с. 62).

Из этого следует, что слово *образование*, одно из базовых в поле «Обучение», с учетом сведений о его происхождении вписывается в контекст метафоры обработки и изготовления изделия, хотя современный носитель русского языка не может «декодировать» ее без обращения к этимологическим справочникам.

Таким образом, описанная метафора регистрирует сходство между обучением человека и изготовлением предмета. Подобно тому как посредством ударов, резания, термической обработки получает оформление материальный объект, путем воздействий на человека формируется его личность, характеризуемая определенным багажом знаний, умений, опыта, а также особенностями поведения. В данном случае имеет значение созидательный характер и потенциальная результативность действия, т. е. появление нового «продукта» путем придания материалу формы (*формировать, образовывать, наковать*) или новых свойств – крепости, готовности, остроты (*продубленный, невыпеченный, наточить*).

Рассмотренные семантические модели «обучать ← обрабатывать» и «обучать ← изготавливать» основываются на предикате «изменить (объект)». Мотив трансформации объекта воздействия реализуется в метафорах придания формы материалу и механической обработки поверхности предмета, каждая из которых представлена общенародными и/или диалектными лексическими фактами, описывающими передачу и приобретение любых знаний и умений: воспитание, получение образования, накопление опыта, совершенствование ремесленнических навыков.

Идеография языковых фактов, репрезентирующих каждую из двух метафор, имеет свою специфику.

Лексемы, мотивированные обозначениями поверхностной обработки, выражают следующие значения: ‘быть / стать воспитанным, культурным; уметь обращаться с людьми; приучать к хорошим манерам; выучить чему-л.; поправлять; опытный; образованный’ и – при наличии отрицания – ‘невоспитанный, некультурный, грубый, неучтивый; тот, кто плохо себя ведет; не сведущий в чем-л., необразованный, невежественный’. При этом в качестве производящих используются основы *полировать, тесать, строгать, лицевать, скоблить, тереть, скрести, трепать, стричь, чистить, чесать*.

Другой набор дефиниций выявляется при анализе слов, внутренняя форма которых запечатлела действие по преобразованию материала: 'научить своим примером; обучать воровским приемам; доводить до высокой степени мастерства; перенять что-л.; вырабатывать определенные качества; сообщать знания, просвещать, развивать, воспитывать; ученый' и – при наличии отрицания – 'необразованный'. В этом случае носитель языка останавливает свой выбор на глаголах *ковать, точить, шлифовать, дубить, печь, разить/резать, формировать*.

Можно видеть, что при описании процесса воспитания носитель русского языка обращается главным образом к метафоре поверхностной обработки предмета, в то время как обучение ремеслу, приобретение знаний, просвещение чаще уподобляются изготовлению нового объекта из какого-либо материала. Воспитанность и культурность запечатлены в лексике как внешне проявленные характеристики человека, т. е. «внешний, поверхностный слой», должный быть «идеально гладким», а образованность и мастерство – как приобретаемые качества, кардинально меняющие человека, поскольку без них человек – лишь «материал», из которого может получиться что-то определенное, оформленное, законченное, но только в результате приобретения знаний.

Мотив обработки поверхности детализируются в таких метафорах, как устранение шероховатостей трением (*тереть, полировать, вылицевать, скоблить*), снятие верхнего слоя (*тесать, строгать, стричь*), удаление грязи (*скрести, чистить*), а также вычищение льна (*трепать*).

В свою очередь, из разных способов преобразования материала носитель языка выбирает для ассоциирования придание формы (*формировать, образовать, ковать*), придание остроты посредством натачивания (*точить, шлифовать*), укрепление (*дубить*), доведение до готовности (*печь*).

Наконец, технологическая метафора связана с практическим опытом носителя языка, знающего, что состав предмета многое объясняет в его свойствах и особенностях функционирования или использования. Реконструируя представления об объекте воздействия, следует отметить такие его характеристики, как несовершенство (воплощается в образе неудавшегося изделия и в той части образных представлений, которая касается качества поверхности: ее шероховатости, загрязненности), подверженность агрессивным внешним воз-

действиям (в основе рассматриваемых метафор лежат действия: изменение происходит в результате ударов, скобления и т. п.), способность изменяться (лексические единицы – глаголы – заключают в себе сему потенциальной результативности действия), неподатливость воздействиям, сопротивление им (среди образов – преимущество на стороне твердых материалов: древесины, металла или камня).

Таким образом, модель «изготовление и обработка изделия → обучение человека» реализуется в нескольких метафорах. Она представлена в настоящее время в разных подсистемах русского языка и продуктивна. Метафора «человека сделанного» имеет солидный возраст, поскольку она находит выражение не только в языке, но и в других культурных кодах, а кроме того, она реконструируется не только на основании анализа «прозрачной» для носителя современного русского языка внутренней формы слов, но и посредством обращения к этимологии слова *образовать* и его дериватов.

Мотивационная доминанта ограничения свободы

Анализ мотивации слов лексической группы «Воспитание» выявляет народную трактовку воспитания как ограничения свободы. Этот мотив получает множество частных воплощений.

Правила, законы, традиции осознаются как власть и требуют подчинения, ср. влад. *власть* ‘повиновение, послушание’ (*Из властей-то выбились все люди*) (СРНГ, т. 4, с. 318). В народной культуре, как уже говорилось, негативную оценку получает ослабление родительской власти над детьми: куйбыш. *вольница* ‘девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная’ (Там же, т. 5, с. 85), костром. *вольница-безогрѳница* ‘непослушный, своевольный человек’ (*Без отца дети растут вольницей-безогрѳницей*) (Там же, т. 2, с. 195), костром. *беззагрѳный* ‘такой, кто не хочет соблюдать запретов, ограничений; непослушный’ (*Бесстювные большие дети, беззагрѳные-то*) (ЛК ТЭ). Мотивационная оппозиция «власть – воля» маркирует противопоставление «правильного» и «неправильного» воспитания.

Многочисленна группа лексем, во внутренней форме которых реализуется мотив усмирения спутыванием, воплощаемый в метафоре запрягания лошади: смол, кубан., терск. *заседлать* ‘заставить повиноваться, подчинить себе’, ворон., смол., терск., кубан. *зауздывать* ‘усмирять, заставлять повиноваться’ (СРНГ, т. 11, с. 25, 129), урал. *под-*

супо́нивать ‘обходиться с кем-либо строго, держать в повиновении’ (СРНГ, т. 28, с. 206) (ср. *супо́нить* ‘стягивать супонь у хомута при запряжке лошади’ (ССРЛЯ, т. 14, с. 1203)), пск. *взять в шоры кого-л.* ‘подчинить себе кого-л., заставить вести себя как следует, ограничить свободу действий кого-л.’ (СПП, с. 82) (*шоры* – часть конской упряжи), омск. *подобра́ть во́жжи* ‘призвать к порядку, повиновению’ (ФСРГС, с. 140), печор. *держáть в крѣпких во́жжáх* и *держáть в во́жжáх* ‘держат в строгости, зависимости, подчинении’ (*Уж как они ни держали детей в крепких вожжах, а все равно упустили*) (ФСРГНП, т. 1, с. 205). Образ запрягаемой лошади выступает средством выражения семантики управления: воспитание основывается не на полном исключении каких-либо действий человека, а на их ограничении лишь в той степени, которая необходима для контроля.

Недостаток строгости в воспитании метафорически осмысливается как ослабление вожжей, служащих именно для управления запряженной лошадей, и получает негативную оценку: пск. *снять уздечку с ко-го-л.* ‘ослабить надзор, контроль за кем-л., разрешить кому-л. вести себя своевольно, капризничать’ (СПП, с. 75), бурят. *разво́жжáть* (неодобр.) ‘ослабить требовательность к кому-либо, перестав контролировать; распустить’ (*Разво́жжала ребят, так теперь с ними никакого лада*) (СРГС, т. 4, с. 92), омск. *распу́стить во́жжи кому-л.* ‘избаловать кого-л.’ (*Вожжи она им распустила, никого не робят*) (СРНГ, т. 34, с. 188), печор. *отпу́стить на до́лгие во́жжи* ‘предоставить свободу в поступках, действиях’ (*Муж бы был, не отпустил бы на долги вожжы*) (СРГНП, т. 1, с. 183).

Соответственно, неподчинение, нежелание поддаваться воспитательному воздействию изображается как высвобождение из упряжи: лит. *разнузданный*, забайкал. *разнузда́ться* ‘перестать сдерживаться, владеть собой, становиться непослушным, своевольным, распуститься’ (СРНГ, т. 34, с. 46), перм. *из огло́бель (из ра́мок) вы́йти* ‘перестать подчиняться’ (*Он уж вышел из оглобель, совсем не слушатся*) (СПГ, т. 1, с. 137), свердл. *выпряга́ться* ‘отбиваться от рук’ (*Вовсе парень выпрягся*) (СРНГ, т. 5, с. 334), новосиб. *вы́прячься из-под ду́ги* ‘выйти из повиновения, перестать быть послушным’ (ФСРГС, с. 38).

В более общем контексте, безотносительно к зауздыванию, недостаток воспитания репрезентируется как распутывание, развязывание: каз.-некрас. *развяза́нный* ‘распущенный, невоспитанный, избало-

ванный (обычно о детях)’ (СРНГ, т. 33, с. 297), тул. *распúтаться* ‘стать своевольным, непослушным, разбаловаться’ (*Ребята совсем распутались без присмотра*) (Там же, т. 34, с. 191).

Другим выразителем мотива ограничения свободы воспитуемого является метафора зажимания в тисках или кандалах: пск. *в дыбу (в дыбы) ввести кого* ‘образумить кого-л., преодолеть чье-л. сопротивление, упрямство’ (СПП, с. 39) (др.-рус. *ды́ба* ‘колода; колодки’ (Срезн., т. 1, с. 764), *ды́ба* ‘колодка, кандалы’ (Дьяченко, с. 161)), омск. *взять в щемíла (щемíлы) кого-л.* ‘подчинить своей воле; сурово, строго обращаться с кем-либо’ (*Робенка соишеммишь ажно, возьмешь в щемила*) (ФСРГС, с. 26); ср. *щемíть* ‘давить, сжимать, гнести, увязив в чем или тискать’, *щемíло* и *щемло́* ‘деревянные тиски, клещи, лещедка, коею что-либо отжимают, тянут сыромятные ремни’ (Даль, т. 4, с. 674, 675).

Не менее активно, чем мотивы спутывания и защемления, эксплуатируются в лексической группе «Воспитание» мотивы захвата, удерживания руками: арх. *держáть* ‘воспитывать, следить за чьим-н. поведением’ (*Раньшэ-то детей-то держали строго, это шиас роспúшион; Нас этъ съезжýли и строго наз держали, и мы были роботны*) (АОС, т. 11, с. 78). В состав фразеологических единиц включается слово *рука*: печор. *держáть в (крéпких) рука́х, кулакáх и держáть в желéзных (ежóвых) рукави́цах* ‘держать в строгости, зависимости, подчинении’ (*Ну, этого ребенка надо в крепких руках держать*) (ФСРГНП, т. 1, с. 205), дон. *прибíться к рука́м* ‘исправиться, стать послушным’ (СРНГ, т. 31, с. 111), том. *на (чьей-либо) руке́* ‘на чьем-либо попечении’ (СРГС, т. 4, с. 190). Завершение периода, на который приходится воспитание ребенка, обозначено в омск. *отвести́ от рук* ‘воспитать детей’ (*Отвела я девку от рук, теперь помирать можно*) (ФСРГС, с. 128).

Сопротивление морализаторскому воздействию, ослушание предстает как ускользание из рук, высвобождение из захвата: печор. *вы́пасть с рук* ‘перестать слушаться кого-н.’ (СРГНП, т. 1, с. 114), перм. *выйти (вывестись) с рук чьих* ‘перестать подчиняться кому-л., слушаться кого-л.’ (СПП, с. 66), перм. *из рук вы́йти* ‘перестать подчиняться кому-л., слушаться кого-л.’ (*Два парня у ее, оба из рук выходят, не слушают никого*) (СПГ, т. 1, с. 137), омск. *отойти́ от рук* ‘выйти из повиновения; отбиться от рук’ (СРГС, т. 4, с. 189). Ср. в ли-

тературном языке разг. *отбиться от рук*. Соответственно, воспитывать – значит держать (вести, направлять) руками; ср. лит. *руководить* и диал. *на свою руку* ‘по-своему’ (*Мать была купеческа дочь, выросла у попа. Ее ить на свою руку воспитали, для себя готовили*) (ФСРГС, с. 169).

Семантика удерживания от предосудительных поступков свойственна том. *дать уем кому-л.* ‘унять кого-либо, наказав или пригрозив’ (Там же, с. 54), волог. *безуемщина* (собир.) ‘о людях, которые, не обращая внимания на предостережения и советы других, руководствуются только личным произволом’ (СРНГ, т. 2, с. 200) (др.-рус. *уяти* ‘взять’ (Срезн., т. 3, с. 1349), далее к праслав. **eti* (ЭССЯ, т. 6, с. 71)).

Для выражения этой же семантики привлекаются зоометафоры, рисующие удерживание когтями, зубами, хоботом: омск. *взять в когти кого-л.* ‘подчинить своей воле; сурово, строго обращаться с кем-либо’ (ФСРГС, с. 26), ряз. *держать в когтях / в зубах* ‘строго следить за кем-л., не давать воли’ (Деул. сл., 201, 229), печор. *в хобот брать (взять)* ‘держат в строгости, зависимости, подчинении’ (*Мы уж детей очень-то в хобот не брали, они и так послушны, учатся хорошо*) (ФСРГНП, т. 1, с. 114).

Семантика освобождения, свойственная корню *пуск-, пуц-* (др.-рус. *пуцати* ‘направлять или давать возможность двигаться’, ‘освободить, отпускать, выпускать’ (СРЯ XI–XVII, т. 21, с. 74), диал. *пуцать* ‘давать возможность идти, уйти куда-либо, давать свободу; разрешать кому-либо что-либо делать’ (СРНГ, т. 33, с. 177)), послужила источником для развития значения ‘своевольный, непослушный’: смол. *распуценник* ‘распуценный, своевольный, избалованный человек’, влад., арх., ворон., омск., перм., новосиб., кемер., влад. *распуценье* ‘распуценность, своеволие, безнравственность’ (*Отца уж не слушаешь! Распуценье настало!*), курск. *распуценья* ‘слишком большая свобода, воля, баловство’ (*Распуценья была, так воспитывали, распустили сына*) (Там же, т. 34, с. 195), пск., твер., карел. *пуценик* ‘непослушный ребенок, озорник, шалун’ (Там же, т. 33, с. 179).

Репрезентативностью в лексической группе «Воспитание» обладает пространственная метафора, также способная служить средством выражения мотивов ограничения свободы.

На основе фразеологизмов, в состав которых входит слово *место* – карел. *на мѣсто взять* ‘одернуть кого-нибудь, давая понять, как не должно поступать; поставить на свое место’ (СРГК, т. 3, с. 230), пск. *прибратъ к месту кого-л.* ‘наказать, выругать, побить кого-л.’ (СПП, с. 52), – реконструируется представление о воспитанности как пребывании в определенных рамках, в замкнутом пространстве, пересечение границ которого является сигналом нарушения нормы. О том, что норма имеет свое «виртуальное» пространство, свидетельствует включение в связанное словосочетание существительного *мера*: пск. *поставить на свою меру кого-л.* ‘заставить вести себя более сдержанно, как подобает’ (Там же).

Вариацией на тему нарушения допустимых границ являются слова, описывающие сопротивление воспитательному воздействию посредством образного потенциала глаголов передвижения в пространстве: перм. *выступать* ‘выходить из повиновения, не слушаться’ (СРНГ, т. 6, с. 35), новосиб. *переступить слово* ‘ослушаться’ (ФСРГС, с. 134).

Это пространство может замещаться образом длинного узкого канала, которого следует придерживаться, отсюда обращение к основам *труба, колея, путь*: пск. *вогнать в трубу кого* ‘выругать, отчитать кого-л.’ (СПП, с. 74), перм. *в колею вваливать* ‘давать наставления, учить’ (*Как ты теперь таких детей в колею будешь вваливать, оне ведь тебя нисколько не слушают*) (СПГ, т. 1, с. 79), ср. брян., смол. *припутить* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ (СРНГ, т. 31, с. 361). Образ дороги как жизненного пути известен русской культурной традиции, а воспитание имеет своей задачей наставить человека на путь (ср. лит. *наставничество*) и научить придерживаться его.

Показательны глаголы, используемые в приведенных фразеологизмах. Слова *ввести, поставить, ввалить, вогнать, прибратъ* имплицитивно содержат отсылку к субъекту воздействия и объединены семой принуждения, принудительного влияния на передвижения других.

К пространственным можно отнести модель «укорачивать → усмирять»: перм. *коротить* ‘держат в строгости, не давать воли’ (*Я их без отца вырастила, в армию пошел отец и сказал: «Робят коротит!»*) (СПГ, т. 1, с. 421), калуж. *корочать* ‘заставлять повиноваться’ (*Будет он жену корочать*) (СРНГ, т. 14, с. 371). Праслав. **kortiti*

‘укорачивать, делать короче, сокращать’ считается производным глаголом от **kortь* ‘раз, (счетный) удар’, **kortькъ*, которые возводятся к и.-е. **kert-* ‘бить, ударять, рубить’. Предположительно значение **kortькъ* ‘короткий’ развилось из ‘куцый, обрезанный’ (ЭССЯ, т. 11, с. 102). При возможности этимологически реконструировать здесь изменение параметра длины (как форму ограничения доступного пространства) остается открытым вопрос о том, релевантна ли в этих обозначениях строгого воспитательного воздействия пространственная семантика.

Можно предполагать здесь контаминацию «делать коротким» и «делать кротким», ср. новг., вят. *кротить кого-л.* ‘воспитывать в строгости, держать в повиновении (о детях)’ (*Кротить надо ребят-то*) (СРНГ, т. 15, с. 285).

Кротость же трактуется этимологически как усмирение животного кастрированием. Праслав. **krotiti* ‘укрощать, успокаивать, усмирять, утихомиривать, унимать, заставлять повиноваться’ определяется как каузатив, соотносимый с **krotькъ* (*жь*), для этого гнезда устанавливается первоначальное значение ‘укрощать, усмирять кастрированием’, которое проводится перевязыванием семенников, поэтому далее слово возводится к и.-е. **kret-/kert-* ‘крутить, скручивать’ (ЭССЯ, т. 13, с. 17, 19).

Между тем зоологические образы проявляют себя как пригодные для демонстрации представлений о воспитании как усмирении. Так, «птичий» образ эксплуатируется в пск. *крылышки обломать (подрезать) кому-л.* ‘смирить кого-л. силой или морально’ (СПП, с. 48), поскольку повреждение крыльев – метафорический аналог ограничения свободы. Подавление способности к сопротивлению отображено в ленингр. *обломать когти* ‘укротить, усмирить, заставить покориться’ (*Ой, дидо тебе б обломал когти глупому, дал бы тебе вдоль да поперек хребтины, чтоб знал*) (СРГК, т. 4, с. 89). Напомним также описанную выше продуктивную модель «обуздывать → воспитывать». Укрощение животного кастрированием логично продолжает этот образный ряд.

Семантику ограничения выражает также модель ‘остановить резким замечанием’ → ‘заставить вести себя иначе’. Она представлена глаголами *стювать, щувать, щунять, счувать, счунять* и их фонетическими вариантами: новг., сиб., киров. *шувать* ‘усоветовать

и в то же время делать выговор, стыдить’, киров. *шчува́ть* ‘останавливать’ (*Я тебя шчуваю два рас, а ты нечо не слушаешься*) (КСРНГ), волог. *счевáть* ‘уговаривать, увещевать, стараясь образумить кого-л.’ (СРНГ, т. 43, с. 86), волог. *сцюва́ть* ‘советовать, сговаривать переменить худыя привычки на хорошия, унимать’ (*Ты бы хорошенько посцювала своего мужа, может и перестанет пить*) (Дилакторский, с. 493) и др. Существенно расширяют эту группу глагольные формы совершенного вида и дериваты: влад. *сцуня́ть* ‘наказать, вразумить кого-л.’ (Там же, с. 83), вят. *шув* ‘унимание, увещание, остановка’ (*Никакова-то шуву на них нет*) (КСРНГ) и др.

В отношении приведенных выше глаголов М. Фасмером выдвигается гипотеза их возведения к междометию. Он восстанавливает для др.-рус. *чунути* ‘ругать, приводить в смущение’, диал. *шчува́ть*, *шчуня́ть*, *шчунить*, *шчуну́ть* ‘увещевать, стыдить’, олон. *шчунáтель* ‘миссионер’, астрах. *ушчунно* ‘правильно’ (а также для укр. *шчуня́ти*, блр. *шчуня́ць*, *ушчуня́ць*, словен. *ščúti*, *ščújem*, *ščíváti*, *ščívam*, др.-чеш. *ščvátí*, *ščíjiti*, слвц. *štvat’*, польск. *szczuć*, *szczuje*, *szczwać* ‘травить’ и других слов) праслав. *ščьvati, *ščujǫ, *ščěvati, предполагает возможность их образования «от междометия, которым понукали» (Фасмер, т. 4, с. 509).

Действительно, значение запрета, пресечения чьего-либо действия выражают следующие междометия: дон. *тю на тебя!* ‘останавливают раскричавшегося, рассвирепевшего’ (КСРНГ), диал. (б/у места) *чу-ка* ‘цыц, смирно, молчи-ну!’ (Даль, т. 4, 634), пенз. *чу!* ‘предупреждение к вниманию, приглашение слушать, прислушиваться к чему-нибудь; обыкновенно произносится в полголоса’ (*Чу! Слушай; Чу! Перестаньте; Чу! Дайте послушать*) (КСРНГ). Междометие *чу* вновь приводит нас к гнезду глагола *чуять*, поскольку расценивается составителями словарей как появившееся от него: *чу!* ‘междометие от глагола *чуять*’ (*Чу! стучат; Чу! говорят*) (СЦсРЯ, т. 4, с. 444), др.-рус. *чу* ‘междометие в значении – слышишь, от *чутти=слышать*; эта форма аориста сохранилась до наших дней в виде частицы, междометия’ (Дьяченко, с. 827), *чу* ‘междометие, первонач. тождественно др.-рус., ст.-слав. *чоу* – 2 л. ед. ч. аор. от *чоути* «слышать»’ (Фасмер, т. 4, с. 375).

Согласно этой трактовке слова *счувать*, *шчувать*, *чунуть*, *шчунять* и т. д. имеют внутреннюю форму «произносить окрик *тю!* или *чу!*», семантически же означают ‘останавливать окриком, урезонивать’. Отметим, что семантическая модель «междометие → глагол со

значением ‘остановить, унять’» известна русскому языку: волог. *шушúкать* (сов. *ошушúкать?*) ‘останавливать шум словом: шь-шь-шь’ (*Ошушуйкай их сходи!*) (КСРНГ), перм. *шиши́кать* ‘унимать словом *цсс*, или *шиши*’ (*Гам такой был на сходке; только окружной в управу зашел, двери отворил, задни-те, как ево увидели, и давай шиши-кать; как зашишикали, – и унялся гам; а то содому-ту до тово чево было!*) (Там же).

Подчеркиваемая в дефинициях слов или в комментариях к ним связь глаголов рассматриваемой группы с *чуять, чувствовать*, обусловленная фонетическим сходством слов (ср. рус. устар. *очувствоваться* ‘отказаться от опрометчивых действий; одуматься, опомниться’ (ССРЛЯ, т. 8, с. 1818)), вероятно, вторична: *счунáть* ‘выговором давать кому-либо чувствовать его проступок; журить’ (СЦСРЯ, т. 4, с. 256), новг., волог. *стювáть, стюнúть кого-л.* ‘счувать, шунять, усовещивать, пожурить, унять (от *чуять*)’ (Даль, т. 4, с. 360), волог., влад., перм., вят. *щувать, щуня́ть, щунíть*, пенз., тамб. *щúнить, счувать* (уд.?), *счунúть* (заставить почувать, почувствовать) ‘журить, усовещивать, увещевать; унимать, бранить, претить что’ (Там же, с. 678). В этом случае глаголы *счувать, щувать* надо было бы толковать как имеющие внутреннюю форму «приводить в чувство» и выражающие значение ‘вразумлять, требовать благоразумия’, однако этот смысл без труда выводится из значения ‘окрикнуть, сделать замечание’.

Характер речевой деятельности по-разному представлен в дефинициях слов данной группы, а именно как окрик, брань, внушение, совет.

Окрик, замечание, одергивание: вел.-устюж. *щувáю* ‘закликаваю (= закликаю)’ (КСРНГ), перм. *счув* и вят. *счуванье* ‘оклик’ (*Не слушают счуванья*) (СРНГ, т. 43, с. 94), перм. *пристю́нуть* ‘призвать к порядку резким замечанием’ (СПГ, т. 2, с. 218), рост., заурал., курган., яросл. *щунúть* ‘припугнуть, прикрикнуть, унять’ (*Щуни ребят!*), урал. *шунúть* ‘прикрикнуть, унять (расшалившихся ребят)’ (КСРНГ), перм. *штю́нуть* ‘сделать замечание, одернуть’ (*Чужой ребенок, его и штюнуть нельзя; Штюнуть-то робят некому, не стало дедушка-та*) (СПГ, т. 2, с. 561), киров. *стювáть* ‘одергивать, ограничивать, обычно приструнить детей’ (Токмаков, 2009), перм., вят. *стю́нуть* ‘резким замечанием, окриком призвать кого-л. к порядку, заставить замолчать’ (*Кто-нибудь его хоть стюнет, пристыдит, может,*

бить-то и не станет) (СРНГ, т. 42, с. 121). Неслучайным кажется соседство слов *стюв* и *заклик* в устойчивом сочетании: перм. *ни стю́ву ни за́клику не знать* ‘не обращать внимания на запреты и уговоры’ (СПГ, т. 1, с. 330). Дублирование смысла за счет употребления в составе фразеологизма близких по смыслу слов – распространенное явление: *ни шатко ни валко, рвать и метать, с пылу с жару, цел и не вредим*. На этом основании можно предполагать если не идентичность, то близость значений существительных *стюв* и *заклик*, каждое из которых производно от глагола. Это предположение подтверждается печор. *заклика́ть* ‘окриком останавливать, бранить за шалости’ (*Избазулился, не унимали смала, не закликали, строгость не давали ему*) (СРГНП, т. 1, с. 239).

Брань: яросл. *щувáть* ‘запрещать что-либо делать, бранить, пробирать внушительно, сурово, серьезно; делать выговор’, калуж. *щчуня́ть* и новг. *щуня́ть* ‘выговаривать, слегка бранить’, яросл. *щуня́ть* ‘ругать, ворчать, отчитывать, останавливать’ (*Щунь его, расморился уж он очень*), пенз., яросл., арх. *щуня́ть* ‘бранить, ругать, пробирать, журить’, влад. *щунáть* ‘давать выговор, пробирать’, новг. *щувáть* ‘давать выговор’, волог. *щунуть* (уд.?) ‘унять, бранить, выговор давать’, тамб. *щуня́ть* ‘пенять, журить, выговаривать’, орл. *щуня́ть* ‘пенять, выговаривать’ (КСРНГ).

Убеждение, уговоры: тобол. *ищувáть* и *ищчувáть* ‘уговаривать, укрощать, удерживать от дурных поступков’ (*Отец ищчувает сына своего*) (Там же), костром. *счунáть* ‘уговаривать, убеждать не делать чего-л.’, влад., костром., волог., новг., олон., север., вят., забайкал., хакас., вост. *счувáть* ‘уговаривать, склонять к чему-л., убеждать не делать чего-л.’, влад., вят. *счуня́ть* ‘уговаривать, убеждать не делать чего-л.’ (СРНГ, т. 43, с. 94–96).

Совет, наставление: влад. *щувáть* ‘советовать’, яросл. *щувáть* ‘уговаривать, увещевать, советовать’ (КСРНГ).

Этими речевыми действиями реализуется одно из намерений:

- остановить длящееся действие высокой интенсивности, успокоить, снизить или прекратить двигательную либо речевую активность: курган. *щувать* (уд.?) ‘пресекать баловство’ (Заб. сл.), волог., яросл., костром., Киров., вят., перм., урал., оренб., курган., Краснояр., сиб. *счувáть* ‘унимать, успокаивать кого-л. (обычно детей)’ (СРНГ, т. 43, с. 94), заурал. *щувáть* ‘удерживать от громких разгово-

ров, бранить, журить, усовещивать' (*Щуни ты их, чо оне шумят*) (КСРНГ), свердл., курган. *счува́ть* 'призывать к порядку' (*Счувать мужиков-то надо*) (СРНГ, т. 43, с. 94);

- побудить к перемене привычек, образа жизни, образа действий: костром. *стю́нуть* 'сделать внушение, призвать к благоразумию' (*Если бы не стюнуть его, сбежал бы, в техникуме не доучился бы*) (ЛК ТЭ), олон. *пощуня́ть* 'выговор дать' (*Пощунял бы, сват, парня, може не стал бы драться*) (КСРНГ), перм. *стюву не понимать* 'не реагировать на уговоры, увещевания' (*Так-то мы ее стювали, стювали: как, мо, тебе не стыдно? А стюву она не понимает. «Не указывайте, – говорит, – ходила и ходит буду»*) (СПГ, т. 2, с. 166);

- запретить, не разрешить что-л: Киров. *стювать* (уд.?) (сов. *пристюнить* (уд.?)) 'не разрешать, не допускать, предупреждать' (*Ты не стювай его – разреши ему сделать что-то*) (Котельников), волог. *не щувáю* 'не запрещаю' (КСРНГ).

В дефинициях нескольких языковых фактов подчеркивается не речевое действие, а именно ожидаемый итог применения любой выбранной тактики – окрика, брани, уговоров, наставления: иркут. *стю́нуть* 'повлиять на кого-л., направив на правильный путь в жизни' (*Некому его стюнуть-то, жаль*) и перм., волог. *стю́нуть* 'унять кого-л., заставить вести себя хорошо (о детях)' (СРНГ, т. 42, с. 121), вят., перм., челяб., заурал. *счуну́ть* 'унять, успокоить кого-л.' (Там же, т. 43, с. 95).

Таким образом, глаголы *стювать, стюнуть, счувать, счунуть, чунуть, щувать, щунять, щунать, щунуть* обозначают **речевое воздействие, иногда агрессивное, с целью остановить, резко прекратить какое-либо действие либо побудить к разумным поступкам, правильному поведению.**

Вятское *Я щунул его на дороге* 'встретил и остановил' (Даль, т. 4, с. 678) любопытно в плане осмысления этимологии обсуждаемых слов, с которыми его объединяет сема 'окриком, окликом резко остановить, заставить прекратить действие'. Представляет интерес и зафиксированный в вятских говорах глагол: Киров. *стювает* (уд.?) 'сторожит, ждет' (Шахтарин). Поджидая кого-либо, человек, как правило, имеет намерение его остановить. Такое объяснение еще раз подтверждает правильность трактовки перечисленных родственных глаголов как выражающих семантику ограничения.

Таким образом, согласно народной картине мира, воспитание (по крайней мере, в какой-то своей части) основывается на принуждении и повиновении. Представления о запретах и ограничениях как форме воспитательного воздействия обусловили его ассоциирование с захватом руками и удерживанием человека; с зажиманием в специальных приспособлениях, защемляющих устройствах; с ограничением возможности двигаться, совершать движения; с заключением, помещением в ограниченное пространство; с резким останавливающим криком.

Мотивационная доминанта содействия человеку в социальном становлении

В лексико-семантическом поле «Воспитание, образование, культура» представлена, помимо прочего, семантика активной помощи, содействия человеку. Как правило, субъектом помощи выступает взрослый, старший, объектом – тот, кто младше. Эта мотивационная доминанта является яркой иллюстрацией к юридическим терминам *дееспособность vs. недееспособность*.

Привлечение глаголов *вести, тянуть* в качестве источников семантической деривации свидетельствует о том, что воспитание концептуализируется в языке как совершение совместных перемещений субъекта и объекта воздействия в некотором жизненном пространстве: ряз. *вести (веду, ведешь)* ‘воспитывать, выращивать’, ряз. *водить* ‘воспитывать, растить’ (*Девочек этих жалей, води их*) (Деул. сл., с. 79, 90], перм. *вести́* ‘держат в каком-либо состоянии, воспитывая, наблюдая’ (*Раньше-то нас строго вели, подбирали, в шесть вечера домой загоняли*) (СПГ, т. 1, с. 90), новг. *поводить* ‘воспитывать, растить’ (*Теперь детей поводят не так, как мы, бывало, поводили*) (СРГК, т. 4, с. 593).

В частности, воспитывать ребенка – значит вести, подводить, тянуть его к некоторой черте: арх. *вытягать* ‘с трудом растить’ (СРНГ, т. 6, с. 46), омск. *к делу привести́* ‘довести до дела, вывести в люди, научить, воспитать’ (Там же, т. 31, с. 142), новосиб. *довести́ до дела (ума)* ‘вырастить, воспитать ребенка, научив его какому-либо делу’ и ‘вырастив, воспитав, выдать замуж дочь (сына – женить)’, новосиб. *довести́ кого до краю́* ‘вырастить, воспитать кого-л., ставшего совер-

шеннолетним, самостоятельным' (ФСРГС, с. 61), перм. *приста́вить к делу* 'определить место в жизни' (*Выкормила детей, вырастила, к делу приставила – не посудачат на меня*) (СПГ, т. 2, с. 216).

Метафора перемещения в пространстве сближает слова предыдущей группы со словами, в которых реализован мотивировочный признак «подсказать направление»: пск. *напра́вить* 'указать правильное направление в жизни, наставить' (ПОС, т. 20, с. 162), брян., смол. *припу́тить* 'приучить к делу, воспитать, вывести в люди' (СРНГ, т. 31, с. 361). Ранее уже говорилось о свердл. *настропа́лить* 'научить, дать нужный совет' (*Настропали его, как лучше сделать*) (Там же, т. 20, с. 200), иван., свердл., перм., ленингр. *настропа́литься* 'научиться, приобрести сноровку в каком-либо деле; поднатореть' (Там же), у которых значение 'научить; научиться' могло появиться на базе значения 'направить', ср. Ж. Ж. Варбот о гнезде, возводимом ей к праслав. **trepati/*tropati*: «Что же касается семантики, то, учитывая приведенные ранее *настропить, пристропить, выстропить*, развитие значений можно представить следующим образом: 'протаптывать дорогу' → 'ходить' (см. *тропать, строполить*) и 'указывать путь' (ср. брян. *натропить* 'направить, указать дорогу') → 'научить, научиться, настроить' (см. *настроपालить, настропалиться*) → 'прогнать' (также *настроपालить*) → 'припугнуть' (также *настроपालить*)» [58].

Производящие основы «поднимать», «вздымать», «ставить»¹ выявляются в киров. *выздыма́ть* 'воспитывать, поднимать (детей)' (Там же, т. 5, с. 282), мурман. *постановля́ть* 'воспитать, привить определенные навыки' (*Робята не постановлены*) (Там же, т. 30, с. 214); ср. лит. разг. *поднимать* и *поднимать на ноги* 'растить, воспитывать, помогать приобрести самостоятельность' (ССРЛЯ, т. 10, с. 480). Ср. также отсылку к слову *ноги*: арх. *до больш́их ног довести́* 'вырастить, воспитать до взрослого состояния' (СГРС, т. 3, с. 230). «Поднять, поставить на ноги» – метафора помощи в приобретении устойчивости, закреплении в социальном пространстве.

¹ Мотивировка «укреплять, придавать стоячее положение, делать так, чтобы кто-л. стоял на ногах» соотносится с мотивировкой «стоять; вставать» в лит. *самостоятельный*, волог. *подыма́ться* 'воспитываться' (*Она-то у бабушки все подымалася*) (СРНГ, т. 28, с. 272), пск. *на ногу вздернуться (одернуться)* 'повзрослеть' (СПП, с. 57), пск. *твердо стоять на ногах* 'быть взрослым, материально самостоятельным' (Там же, с. 57), волог. *выстава́ть* 'воспитываться, вырастать' (*Я не встану, не выстану без кормильца, без батюшки*) (СРНГ, т. 6, с. 29).

Как можно заметить, в воплощении идеи содействия человеку в социальном становлении активно участвует пространственная метафора, которая реализуется в вариантах «инициировать изменение положения в пространстве», «указывать направление перемещения», «помогать принять и удерживать стоячее положение, помогать укрепиться».

Кроме того, идея содействия заключена в мотивировке «делать все, чтобы человек привык к чему-л.», которая лежит в основе лит. *учить, обучать*, а также этимологически родственного им свердл. *обы́чивать* ‘приучать’ (СРНГ, т. 22, с. 290). Ср. сев.-двин. *необы́чай* ‘о своенравном, невоспитанном человеке’, арх. *необы́чайный* и *необы́чливый* «невоспитанный, необходимый, невежливый», пск., твер. *необы́чливый* и ср.-урал. *необы́чный* ‘не имеющий опыта, навыка, непривычный к чему-л.’ (Там же, т. 21, с. 100), арх. *свы́чный* ‘имеющий навык, обученный чему-л.’ и новг. *свы́чный* ‘легко обучающийся, способный, восприимчивый’, арх. *свы́ка* ‘навык, знакомство с каким-л. делом’ (Там же, т. 36, с. 330, 332).

* * *

Сходство осмысления понятий «воспитание», «образование», «культура» состоит в том, что в номинациях, представляющих каждое из них, разрабатываются одинаковые метафоры и мотивационные модели. В результате анализа слов данной лексической группы выявлены три мотивационные доминанты, предполагающие воздействие на человека с целью его «социализации»: мотивационные доминанты воздействия на объект с целью его изменить, ограничения свободы и содействия человеку в социальном становлении.

Заключение

Представленное исследование лексических репрезентаций феномена социальной регуляции имело своим началом определение круга явлений, которые составляют данное понятие. К решению этой задачи мы подошли с позиций центрального для антропологической лингвистики постулата об обязательном присутствии в языке «следов» тех объектов духовной и материальной жизни общества, которые образуют значимый для этноса культурный слой.

Затрагивающая предмет нашего исследования проблема взаимодействия индивидуума и общества, которая в философии, социологии, психологии, культурологии приобретает определенность очертаний и становится разрешимой при условии конкретизации типа общества, накладывает ограничения на предмет и объект исследования. Тип общества, тип культуры и язык (либо языковой идиом) находятся во взаимном соответствии (рис. 1).

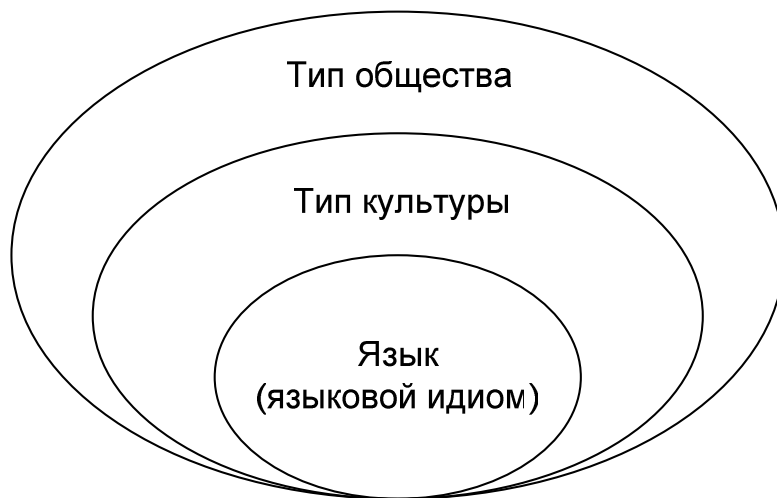

Рис. 1. Общество – культура – язык: взаимное соответствие

В качестве материала для нашего исследования была выбрана лексика русских народных говоров, поскольку этот материал наиболее однозначно соотносится с определенным типом культуры, свойственным деревенскому социуму как образцу традиционного общества (рис. 2).

Общество традиции обычно характеризуется высокой значимостью морали и других неинституциональных регуляторов поведения

человека [110, с. 235], т. е. таких норм, которые вырабатываются внутри социальной общности и существуют длительное время без целенаправленного контроля со стороны какого-либо официального органа управления.

Рис. 2. Русская деревня – народная культура – русские говоры

Именно традиции приписывается регулятивная функция. Так, Г. А. Дабаева видит в традиции «форму нравственной регуляции общества»: «На традиции строится самоидентификация человека и общностей, в ней аккумулируется их культурная энергия... Только через постижение строения традиции, функций ее отдельных составляющих мы можем подойти к раскрытию феномена регулятивного характера традиции» [101, с. 84].

Понятие традиции и его номинативные воплощения, безусловно, заслуживают внимания и специального изучения, однако в настоящей книге это понятие затрагивается лишь в связи с упоминанием общественного порицания как ритуализованной формы выражения общественного мнения, которое относится к числу социальных регуляторов поведения человека. Ср.: «Традиции – это не регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного общества идеологических отношений, политических, нравственных, религиозных, эстетических» [257, с. 61].

Выделяемый в философской науке список таких регуляторов, отличных от обычая, традиции, ритуала, представлен, например, в работе О. Г. Дробницкого, который считает межличностные и массовые

взаимоотношения, в которых закреплены нормы поведения, способными выполнять функцию социального контроля: «Сюда относятся: сила коллективного и личного примера и естественно возникающее в общении людей стремление следовать общепринятому; взаимные экспектации, одобрения и осуждения, выражаемые окружающими, и заинтересованность индивида в этих реакциях со стороны других; трансляция от поколения к поколению и от общности к индивиду социально-нормативного опыта, осуществляемая как в самом процессе массового действия, в виде наглядных парадигм и образцов поведения, так и в духовной форме, в виде вербальных формул, максим и иных “ценностей”, “знаков”, “символов”, содержащих в себе знание того, как следует поступать» [110, с. 240].

В предложенной вниманию читателя книге сделан акцент на тех механизмах социальной регуляции в традиционном обществе, которые обеспечиваются устоявшейся системой повседневных социальных взаимодействий, т. е. на *обыденно-жизненных способах детерминации поведения человека*.

Вопрос о том, какие из них имеют номинативные воплощения в русских народных говорах, решался способом фронтального просмотра словарей, картотек, лексических баз данных.

Семантическая область «Социальная регуляция» вмещает в себя множество ментальных конструктов. Например, понятие «общественное мнение» следует трактовать не столько как «общее мнение о каком-либо человеке», сколько как «мысль о том, что существует общее мнение об одном человеке». Известно, что человек, в особенности член небольшого замкнутого коллектива, имеет заимствованное из высказываний других людей представление о каждом члене своего микросоциума, притом не вполне осознанное, не осмысленное критически, не подвергаемое проверке. Само наличие этой устойчивой смысловой единицы в сознании человека (его уверенность в том, что «все так думают о ком-либо») и есть основание для экспликации понятия «общественное мнение».

Сложность изучения лексики, соотносимой с регуляторами поведения человека, состоит в интерпретативном характере этого соотношения, т. е. в необходимости поиска соответствия между родовым наименованием и словами более конкретной семантики. Например, соотношение языковых единиц *общественное мнение* и *социальная регуля-*

ция может вызывать недоумение. Ставится под сомнение и связь понятия «общественное мнение» с понятиями «уважаемый человек», «неуважаемый человек», воплощенными в диал. *почетные люди, славнуха, шваль, шарабора* и др. Поэтому появляется необходимость в обосновании факта привлечения слова или группы слов. Так, слово *почетный* (перм. *почетный* ‘уважаемый, пользующийся вниманием’ в контексте: *Они все же почетные люди, справные, в чести живут*) включается в лексико-семантическое поле «Общественное мнение», потому что обозначает человека, которого «все уважают», о котором «все имеют хорошее мнение». К понятию «общественное мнение» можно прийти через конструирование развернутого пояснения к ситуации употребления слова или семантически сходных с ним слов (обозначений уважаемых людей): «Все известно, что все или многие члены локальной общности, к которой принадлежит и говорящий, считают кого-либо достойным человеком; иначе говоря, несколько или много мнений совпадают и складываются в общественное мнение».

Изучение номинативного воплощения ментальных конструкторов неизбежно сопряжено с трудностями сбора материала. Круг лексических репрезентаций каждой ментальной структуры, соотносительной с понятием социальной регуляции, был определен методом сплошной выборки, осуществленной по диалектным словарям, архивам, базам данных.

Большинство слов или выражений, привлеченных к анализу, за небольшим исключением, не являются «культурными словами» [118], или «ключевыми словами культуры» [320], или «культурными идиомами» [244] и т. д. Важной особенностью проведенного исследования является нацеленность на изучение этнокультурной семантики «обычных» слов, употребительных в русских народных говорах и в общенародном языке. Материалом исследования послужили многочисленные лексические единицы, к которым применена сложная процедура отбора. Далее была осуществлена их интерпретация, проведен семантический и мотивационный анализ. За словами *славнуха, шарабора, охудославить, послава, худославница, избесчестить* не стоят уникальные культурные реалии, однако их включенность в одно лексико-семантическое поле позволяет говорить о высокой значимости и регулятивной функции феномена общественного мнения в народной культуре.

В результате фронтального просмотра лексикографических источников, содержащих диалектную и общенародную лексику русского языка, в качестве объекта исследования было выбрано три лексико-семантических поля, соотносительных с понятием социальной регуляции: «Общительность (Социальность)», «Общественное мнение (Репутация)», «Воспитание, образование, культура (Обучение, передача опыта)».

Лексические репрезентации социальности как характеристики личности в русских народных говорах. В первом разделе книги уделено внимание экспликации представлений о человеке, о том качестве личности, которое обеспечивает индивиду включенность в социокультурную группу.

Большое количество слов, определяемых в дефиниции словом *общительный* и его синонимами, отличает диалект от других идиомов русского национального языка и свидетельствует о том, что это свойство личности значимо для носителя традиционной народной культуры. Его немаловажность объясняется самим типом общества, о культуре которого идет речь.

Необходимым условием долговременного сохранения стабильности и традиций небольшой (локальной) человеческой общности, какой является деревенский социум, является «интериоризованность нормы», т. е. ее усвоенность каждым членом группы. Усвоенность нормативов «измеряется» во многом тем, насколько человек «вписан» в социальное пространство. Иначе говоря, личность каждого оценивается по шкале «социальность – асоциальность». Многократно маркированными в лексике русских народных говоров оказываются замкнутость, нелюдимость и, наоборот, «людимость», «социальность», настроенность человека на ассимиляцию с локальной общностью, потребность в признании обществом, готовность соответствовать ожиданиям окружающих и приобретение таких ожиданий по отношению к другим.

Понятие «общительный» трансформируется в русских говорах в понятия «людный», «народный», поскольку в сознании носителя традиционной народной культуры важна не контактность человека, а его органичное включение в состав общины. «Человеческая единица» примыкает к множеству – в этом заключается норма поведения, образа жизни и менталитета человека в этой среде.

Лексические репрезентации общественного мнения как механизма социальной регуляции. Традиционный социум характеризуется тщательным обереганием своего этического фундамента. Это не означает, что никто не совершает безнравственных поступков, но это означает, что аморальный поступок осуждается и не может быть оправдан особым психологическим состоянием или правом личности на уникальность поступков. Общество внимательно следит за тождеством нравственного, внутреннего мира и поступков каждого члена этого микросоциума принятым в нем нормам морали.

В лексике русских народных говоров феномен общественного мнения трактуется как проявляющийся, во-первых, в распространении сведений о человеке и оценок его поступков, во-вторых, в «расслоении общества» на уважаемых людей и маргинальные слои, в-третьих, в ситуациях порицания, публичного осмеяния (рис. 3).

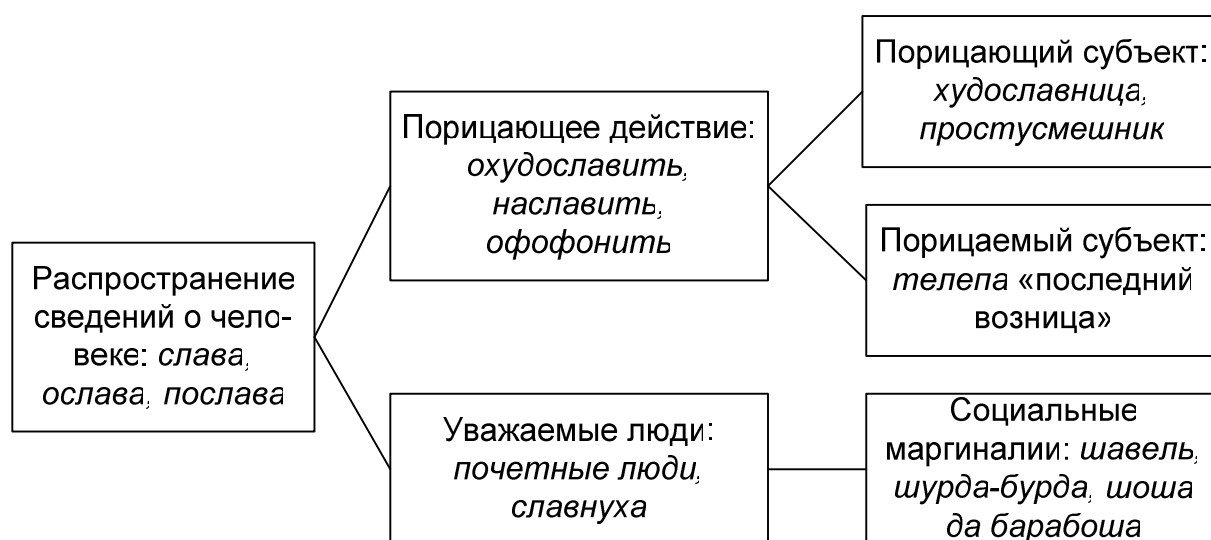

Рис. 3. Лексические репрезентации понятия «общественное мнение» в русских народных говорах

Быстрое распространение сведений о поступках человека, деление членов общины на лучших и худших, феномен общественного порицания – все это становится мощным социальным регулятором преимущественно в условиях сравнительно небольшой социальной группы. Ср. одно из определений общества традиции: «Поскольку обычай вырабатывается внутри самой группы и никогда не навязывается в качестве социального регулятора извне, он представляет механизм саморегулирования группы, которая является *автономной, от-*

носителем замкнутой и немногочисленной (курсив наш. – Т. Л.) (во всяком случае, не массовой) и действует как самоуправляющаяся, т. е. самостоятельная, самоорганизующаяся и саморегулирующаяся структура» [251, с. 42].

В зависимости от «стратификации» общества и своего места в этой структуре человек подвергается чужому воздействию или считает себя вправе выразить свою оценку и воздействовать на других. Иначе говоря, человек в традиционном обществе принимает как должное осуществление механизмов социальной регуляции через узнавание чужого мнения о других членах общины и через страх каждого оказаться объектом осуждения и порицания.

Лексические репрезентации обучения, передачи опыта в русских народных говорах. Социорегулятивный ресурс воспитания как подготовки человека к интериоризации норм не вызывает сомнений. Препарирование лексики, описывающей обучение в широком смысле, доказывает, что воспитание, образование, культура ориентированы на «изготовление» человека, принадлежащего данному социальному классу, слою, группе и усвоившего программу должного поведения, т. е. на «изготовление» социально идентичной человеческой единицы, непротиворечиво существующей в своей социальной среде.

Таким образом, в книге представлено описание русской диалектной лексики в аспекте отражения в ней этнокультурной информации о феномене социальной регуляции, осуществляемой вне ритуальных практик. Три лексических множества, ставшие предметом рассмотрения, объединены референцией с явлениями, обеспечивающими процесс социального воспроизводства посредством морально-нравственного давления общества на человека.

Предлагаемая работа представляет собой попытку исследования проблем, которые соприкасаются с философскими, социологическими, этнографическими, культурологическими проблемами, однако в ином ракурсе – этнолингвистическом, малоизученном и чрезвычайно важном по той причине, что исследование языковых репрезентаций менталитета этнической группы позволяет выявить те стороны социально-нормативной регуляции поведения человека, которые сохранены в «языковой памяти» народа.

Библиографический список

1. *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка / В. П. Абрамов; Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т. Москва; Краснодар, 2003. 338 с.
2. *Абрамова Е. Н.* К вопросу о лексико-семантических объединениях слов в современном языкознании / Е. Н. Абрамова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 75–77.
3. *Агапкина Т. А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян / Т. А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999. С. 210–282.
4. *Агапкина Т. А.* Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) / Т. А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999. С. 17–50.
5. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. Москва: Индрик, 2002. 816 с.
6. *Аламшоев М. М.* Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: диссертация ... доктора филологических наук / М. М. Аламшоев. Санкт-Петербург, 2002. 279 с.
7. *Алексеева М. М.* «Технологическая» метафора в русских народных говорах: дипломная работа / М. М. Алексеева; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2008. 130 с.
8. *Антропов Н. П.* Белорусская этнокультура и южнославянский контекст: результативность сравнения / Н. П. Антропов // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстой. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 37 – 49.
9. *Апресян Р. Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р. Г. Апресян. Москва: ИФРАН, 1995. 353 с.
10. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. Москва: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. 766 с.

11. *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Москва: Наука, 1992. С. 45–64.

12. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. Москва: Наука, 1974. 368 с.

13. *Апресян Ю. Д.* Проблема фактивности: знать и его синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 43–63.

14. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. Москва: Наука, 1967. 255 с.

15. *Артемова Н. В.* Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке / Н. В. Артемова. Москва: Прометей, 2002. 160 с.

16. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 томах / А. Н. Афанасьев. Москва: Индрик, 1994. (Репр. изд.).

17. *Байбурин А. К.* Правила нарушения правил / А. К. Байбурин // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстой. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 51–57.

18. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 240 с.

19. *Байбурин А. К.* У истоков этикета: Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. Ленинград: Наука, 1990. 166 с.

20. *Байрамова Л. К.* Человек гостеприимный: ценности и модели поведения (на материале русских и татарских паремий) / Л. К. Байрамова, Р. Д. Юнусова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 2. С. 90–96.

21. *Баматгиреева М. В.* Вербализация понятия «общность / объединение людей» в русской языковой картине мира: автореферат ... диссертации кандидата филологических наук / М. В. Баматгиреева; Кубан. гос. ун-т. Ставрополь, 2010. 27 с.

22. *Бандурин А. П.* Социальная регуляция как объект социально-философского исследования / А. П. Бандурин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2004. № 3. С. 19–22.

23. *Бандурин А. П.* Социальная регуляция: Рациональное и иррациональное: диссертация ... доктора философских наук / А. П. Бандурин. Ростов-на-Дону, 2005. 363 с.

24. *Банкова Т. Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 20–34.

25. *Бартминьский Е.* Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? / Е. Бартминьский // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстой. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 60–70.

26. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польского / Е. Бартминьский; сост. и отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2005. 527 с.

27. *Бастриков А. В.* Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования этических понятий) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. № 2. С. 185–196.

28. *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (Этнолингвистическое исследование): диссертация ... доктора филологических наук / О. В. Белова. Москва, 2006. 264 с.

29. *Белова О. В.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях / О. В. Белова // Славяноведение. Москва, 1997. № 1. С. 25–32.

30. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. Москва: Прогресс, 1974. 448 с.

31. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: перевод с французского / Э. Бенвенист. Москва: Прогресс, 1995. 456 с.

32. *Березович Е. Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

33. *Березович Е. Л.* Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2001. № 17, вып. 3. С. 33–38.

34. *Березович Е. Л.* «Позволь-ка мне словцо выговорить, словцо вымолвить» (о «производственной» метафоре речевой деятельности в русской языковой традиции) / Е. Л. Березович // Текст славянской культуры: к юбилею Людмилы Александровны Софроновой / Ин-т славяноведения РАН. Москва, 2011. С. 53–73.

35. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.

36. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. Москва: Индрик, 2007. 600 с.

37. *Березович Е. Л.* Языковой образ дурака: Этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры: семантика и грамматика: [к 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого]. Москва: Индрик, 2004. С. 368–384.

38. *Беркетова З. В.* Иерархические и параллельные связи мотивационных полей современного немецкого языка / З. В. Беркетова // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 131–139.

39. *Беркетова З. В.* Непрерывность семантического пространства в лексике современного немецкого языка / З. В. Беркетова; Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2010. 221 с.

40. *Бирюков В. П.* Словарь народного языка на Урале (Из материалов) / В. П. Бирюков. Шадринск: Шадринский дом печати, 2003. 24 с.

41. *Блинова О. И.* Явление мотивации слов (лексикологический аспект): учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов / О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.

42. *Боас Ф.* Ум первобытного человека / Ф. Боас; перевод с английского А. М. Водена. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. 154 с.

43. *Богуславская О. Ю.* Опытный, искушенный, бывалый, тертый / О. Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 714–718.

44. *Болхоева А. Б.* Национальная специфика гостеприимства в русской и англоязычной культурах / А. Б. Болхоева // Русский язык вчера,

сегодня, завтра: материалы Российской конференции, посвященной 40-летию кафедры русского языка Воронежского государственного университета и 75-летию со дня рождения И. П. Распопова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 44–45.

45. *Болхоева А. Б.* Национальная специфика концепта «гостеприимство» в русской и англоязычной культурах / А. Б. Болхоева // Культура общения и ее формирование. Воронеж: Полиграф, 2001. Вып. 8. С. 69–71.

46. *Болхоева А. Б.* Репрезентация концепта «гостеприимство» в русском и английском языках / А. Б. Болхоева // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 1999. Вып. 2. С. 55–62.

47. *Бондарко А. В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13–23.

48. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1984. 133 с.

49. *Борисова О. Г.* Словарь кубанских говоров: проект: материалы к словарю / О. Г. Борисова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. 177 с.

50. *Бочина Т. Г.* Запретительно-побудительная пословица / Т. Г. Бочина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2005. Т. 147, № 2. С. 23–34.

51. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Москва: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

52. *Буслаев Ф. И.* О литературе: исследования, статьи / Ф. И. Буслаев. Москва: Художественная литература, 1990. 512 с.

53. *Быстрова Л. В.* К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов / Л. В. Быстрова, Н. Д. Капатрук, В. В. Левицкий // Филологические науки. 1980. № 6. С. 75–78.

54. *Валеева Д. Р.* Устойчивые сочетания, репрезентирующие концепт «Дом» в русском языке / Д. Р. Валеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2009. № 1. С. 96–99.

55. *Валенцова М. М.* Терминология календарной обрядности чехов и словаков: диссертация ... кандидата филологических наук / М. М. Валенцова. Москва, 1996. 279 с.

56. *Вановская Л. А.* Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): диссертация ... кандидата филологических наук / Л. А. Вановская. Тамбов, 2003. 212 с.

57. *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии / Ж. Ж. Варбот // Общеславянский лексический атлас: Материалы и исследования: 1979. Москва: Наука, 1981. С. 317–328.

58. *Варбот Ж. Ж.* Настропалить [Электронный ресурс] / Ж. Ж. Варбот // Русская речь. 1996. № 5. Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_128.

59. *Варбот Ж. Ж.* О происхождении слова *пентюх* / Ж. Ж. Варбот // Словарь. Грамматика. Текст: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон; РАН. ОлиЯ, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Изд-во Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 58–61.

60. *Варбот Ж. Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы 3-го Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2007 г.) / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. Москва: МАКС Пресс, 2007. С. 45–46.

61. *Варбот Ж. Ж.* Этимология / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–647.

62. *Вардзелашвили Ж. А.* К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. Вып. 1. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 2000. С. 62–68.

63. *Васильев А. Д.* Эволюции социокультурных норм этноса и динамика лексики / А. Д. Васильев // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов и сообщений научной конференции, Екатеринбург, 12–14 мая 1995 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. С. 20.

64. *Васильев В. П.* Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира / В. П. Васильев, Е. В. Васильева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С. 155–160.

65. *Васильев В. П.* Денотативный класс с опорным словом *град* как средство представления культурной информации / В. П. Васильев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. 8, № 2. С. 29–33.

66. *Васильев Л. М.* Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.

67. *Вежбицка А.* Понимание культур через средство ключевых слов / А. Вежбицка; пер. с англ. А. Д. Шмелева. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

68. *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицка // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

69. *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка; пер. с англ. А. Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. Москва: Языки русской культуры, 1999. XII, 780 с.

70. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. Москва: Наука, 1988. 519 с.

71. *Верхотурова К. С.* Огонь в зеркале русского языка: диссертация ... кандидата филологических наук / К. С. Верхотурова. Екатеринбург, 2009. 213 с.

72. *Винантова И. В.* Структурно-синтаксические закономерности выражения речевого акта «приглашение (в гости)» в русском языке / И. В. Винантова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3. С. 41–44.

73. *Виноградов В. В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов; отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Изд-во ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.

74. *Виноградова Л. Н.* Звуковой портрет нечистой силы / Л. Н. Виноградова // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сборник статей / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999. С. 179–199.

75. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. 356 с.

76. *Власкина Н. А.* Концепт СУДЬБА в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: диссертация ... кандидата филологических наук / Н. А. Власкина. Ростов-на-Дону, 2010. 327 с.

77. *Воеводская О. М.* Лексико-грамматическое поле концепта / О. М. Воеводская // Методологические проблемы когнитивной лин-

гвистики: сборник / науч. ред. И. А. Стернин; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук [и др.] Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 111–113.

78. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.

79. *Воробьев В. В.* Культурологическая парадигма русского языка: теория описания языка и культуры во взаимодействии / В. В. Воробьев; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Москва: Изд-во ИРЯП, 1994. 76 с.

80. *Вульфов Б. З.* Основы педагогики в лекциях, ситуациях, первоисточниках: учебное пособие / Б. З. Вульфов, В. Д. Иванов. Москва: Изд-во УРАО, 1997. 288 с.

81. *Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1981. 194 с.

82. *Гак В. Г.* Этимолого-семантические поля в лексике / В. Г. Гак // Филологический сборник: [к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова] / отв. ред. М. В. Ляпон; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва, 1995. С. 107–117.

83. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. Москва: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

84. *Галимова О. В.* Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Галимова. Уфа, 2004. 309 с.

85. *Галинова Н. В.* Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями «гнуть», «вертеть», «вить» в говорах Русского Севера: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. В. Галинова. Екатеринбург, 2000. 19 с.

86. *Гапонова Ж. К.* Лексика мологских (ярославских) говоров XIX–XX вв.: историко-лексикологический и этнолингвистический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук / Ж. К. Гапонова. Ярославль, 2008. 242 с.

87. *Гарипова Г. Р.* Концепт «Гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Г. Р. Гарипова. Уфа, 2010. 23 с.

88. *Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.

89. *Гольдберг В. Б.* Эволюция структурной парадигматической модели лексико-семантической системы языка / В. Б. Гольдберг // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2002. № 3. С. 85–93.

90. *Гольдберг В. Б.* Структурные связи в лексико-семантическом поле языка / В. Б. Гольдберг. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 232 с.

91. *Горбунова М. А.* Общественное мнение, массовое сознание и массовые действия как социологические категории: тенденции «массовизации» и «демассовизации» / М. А. Горбунова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 2. С. 85–91.

92. *Городецкий Б. Ю.* К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1969. 562 с.

93. *Григорьева Е. А.* Лексико-семантическая группа с архисемой «злой дух» в лингвокультурном освещении / Е. А. Григорьева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 111–114.

94. *Гридина Т. А.* Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 219–223.

95. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. Москва: Молодая гвардия, 1991. 270 с.

96. *Гудков Д. Б.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2007. 288 с.

97. *Гулыга Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Москва: Просвещение, 1969. 183 с.

98. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. В. Гура. Москва: Индрик, 2011. 936 с.

99. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. Москва: Индрик, 1997. 910 с.

100. *Гуревич А. Я.* Избранные труды: в 4 томах / А. Я. Гуревич. Т. 2. Средневековый мир. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. 560 с.

101. *Дабаева Г. А.* Традиция как форма нравственной регуляции общества / Г. А. Дабаева // Вестник Дагестанского государственного университета. 2010. № 5. С. 81–84.

102. *Дегтярев В. И.* О происхождении слова *люд* / В. И. Дегтярев // Этимология. 1979. Москва: Наука, 1981. С. 85–92.

103. *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. Москва: Русский язык, 1980. 160 с.

104. *Добровольская В. Е.* Запреты и предписания, связанные с исполнением похоронно-поминальных причитаний, в традиционной культуре Центральной России (материалы Владимирской и Ярославской областей) / В. Е. Добровольская // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник научных статей. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры / сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 319–333.

105. *Добровольская В. Е.* Нормативы, связанные с поведением женщины за столом, в крестьянской культуре Русского Севера и Центральной России / В. Е. Добровольская // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда: сборник статей / отв. ред. Н. В. Злыднева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 106–116.

106. *Добровольская В. Е.* Традиционные нормативы, связанные с народным календарем / В. Е. Добровольская // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 65–80.

107. *Добровольская Е. В.* Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук / Е. В. Добровольская. Новосибирск, 2005. 203 с.

108. *Долгих Н. Г.* Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н. Г. Долгих // Филологические науки. 1973. № 1. С. 89–96.

109. *Дормидонтова О. А.* Семантическое поле как принцип организации лексических и фразеологических единиц гастрономической тематики (на материале русского и французского языков) / О. А. Дормидонтова // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 89, № 9. С. 130–133.

110. *Дробницкий О. Г.* Моральная философия: избранные труды / О. Г. Дробницкий. Москва: Гардарики, 2002. 523 с.

111. *Дронова Л. П.* Откуда пришло должное? (К проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) / Л. П. Дронова // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 157–164.

112. *Дубинина А. А.* Календарные обходы дворов на фольклорно-этнографическом материале Тверской области / А. А. Дубинина // Вестник славянских культур. 2010. Т. 2, № 16. С. 30–37.

113. *Едалина А. А.* Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» / А. А. Едалина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. Т. 72, № 1. С. 93–101.

114. *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / М. А. Еремина. Екатеринбург, 2003. 253 с.

115. *Ермакова О. П.* Концепты совесть и стыд по данным языка / О. П. Ермакова // Русский язык в контексте культуры: сборник статей. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 54–59.

116. *Ерофеева Е. В.* Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка / Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1. С. 7–19. (Российская и зарубежная филология).

117. *Жаринова О. М.* Зоонимическая лексика карельского языка: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.22 / О. М. Жаринова. Петрозаводск, 2006. 24 с.

118. *Жданова Л. А.* «Культурное слово» милосердие / Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина // Логический анализ языка. Культурные концепты: сборник статей. Москва: Наука, 1991. С. 56–61.

119. *Журавлев А. Ф.* Диалектный словарь и культурные реконструкции / А. Ф. Журавлев // Славянское языкознание: 13-й Международный съезд славистов: докл. рос. делегации, Любляна, 2003 г. Москва: Индрик, 2003. С. 177–189.

120. *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры: сборник статей. Москва: Индрик, 1999. С. 7–32.

121. *Журавлев А. Ф.* Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (Предисловие редактора) / А. Ф. Журавлев // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995. С. 8–12.

122. *Журавлев А. Ф.* *Vir doctus, vir docens.* К семидесятилетию академика Н. И. Толстого / А. Ф. Журавлев // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 107–112.

123. *Журавлев В. К.* Славянская компаративистика. Итоги и перспективы / В. К. Журавлев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 39. Вып. 3. Москва: Наука, 1980. С. 242–251.

124. *Забродкина Е. А.* Семантическое поле «Дом» в русских народных говорах: диссертация ... кандидата филологических наук / Е. А. Забродкина. Киров, 2008. 449 с.

125. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учебное пособие / А. А. Залевская. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1977. 83 с.

126. *Зализняк А. А.* *Гости* как мероприятие в русском языке и картине мира / А. А. Зализняк // Россия. Русистика. Россияведение. Кн. 1: Язык. История. Культура / отв. ред. Е. И. Пивовар. Москва: Изд-во РГГУ, 2010. С. 100 – 114.

127. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. Москва: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

128. *Занегина Н. Н.* Концепт СЕМЬЯ в русском литературном языке и принципы его описания: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Н. Занегина. Москва, 2011. 27 с.

129. *Захарова Т. В.* Отражение социальной значимости гостеприимства в русских пословицах / Т. В. Захарова, О. А. Турбина // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2008. № 16. С. 46–53.

130. *Захарова Т. В.* Семантика угощения в русских и французских пословицах о гостеприимстве / Т. В. Захарова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2010. № 1. С. 75–78.

131. *Зинцова Ю. Н.* Лексико-семантическое поле «Жидкость» в современном немецком языке: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ю. Н. Зинцова. Нижний Новгород, 2009. 22 с.

132. *Иванов В. В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен / В. В. Иванов // Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов: сборник статей. Москва: Наука, 1975. С. 50–78.

133. *Ивашенко О. В.* Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем: на материале лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Ивашенко. Воронеж, 2002. 242 с.

134. *Кабакова Г. И.* «Пусть выть уляжется, а лень привяжется» / Г. И. Кабакова // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 178–186.

135. *Казакова Е. Д.* Диалог поколений в метаязыковой рефлексии диалектоносителей / Е. Д. Казакова // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей / отв. ред. О. В. Белова. Москва: Сэфер, 2010. С. 163–173.

136. *Калинина М. В.* Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук / М. В. Калинина. Волгоград, 2008. 268 с.

137. *Калькова О. К.* Концепт БОГ в русской языковой картине мира (основные компоненты) / О. К. Калькова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. Т. 1. С. 89–91.

138. *Капелюшник Е. В.* Кулинарные образы, характеризующие мир человека / Е. В. Капелюшник // Молодой ученый. 2011. № 2, т. 1. С. 207–214.

139. *Капелюшник Е. В.* Репрезентация кулинарного кода культуры в семантике образных средств языка (на примере образного лексико-фразеологического микрополя «Зерно / Крупа / Каша») / Е. В. Капелюшник // Молодой ученый. 2009. № 2. С. 143–146.

140. *Карасева Т. В.* Названия пищи в воронежских говорах (Этнолингвистический аспект): диссертация ... кандидата филологических наук / Т. В. Карасева. Воронеж, 2004. 250 с.

141. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

142. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. Москва: Наука, 1976. 355 с.

143. *Караулов Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.

144. *Категория родства в языке и культуре* / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. 312 с.

145. *Качинская И. Б.* Дедки-прадедки (отношение к предкам в архангельских говорах) / И. Б. Качинская // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей / отв. ред. О. В. Белова. Москва: Сэфер, 2010. С. 151–162.

146. *Ким А. А.* Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: диссертация ... доктора филологических наук / А. А. Ким. Томск, 1999. 356 с.

147. *Кобелева И. А.* Русская диалектная фразеология: грамматический аспект / И. А. Кобелева. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 200 с.

148. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика: учебное пособие / И. М. Кобозева. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

149. *Кобозева И. М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

150. *Ковенева С. Б.* Функционально-семантическая характеристика глаголов социальных отношений в современном художественном тексте (на материале трилогии Е. А. Кулькина «Прощеный век») / С. Б. Ковенева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2008. № 1. С. 175–178.

151. *Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда* / отв. ред. Н. В. Злыднева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. 560 с.

152. *Колесов В. В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / редкол.: В. В. Колесов [и др.]; Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. С. 13–24.

153. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.

154. *Колесов В. В.* Отражение русского менталитета в слове / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук: сборник статей / под ред. проф. Н. Д. Бороноева. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 106–125.

155. *Колкова Н. А.* Концепт СМЕРТЬ в пословичных текстах / Н. А. Колкова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 11. С. 8–15.

156. *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. Москва: Индрик, 2009. 352 с.

157. *Коновалова Н. И.* Явление этимологической рефлексии в диалектной речи / Н. И. Коновалова // Этимологические исследования: сборник научных трудов. Вып. 8 / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 180–186.

158. *Красильникова Н. А.* Общественное мнение как предмет когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 133–140.

159. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

160. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.

161. *Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом аспекте: диссертация ... кандидата филологических наук / Ю. А. Кривошапова. Екатеринбург, 2007. 161 с.

162. *Крылова О. Н.* Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах: ономаσιологический и семасиологический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук / О. Н. Крылова. Санкт-Петербург, 2002. 235 с.

163. *Кубрякова Е. С.* Возвращаясь к определению знака: памяти Р. Якобсона / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 20–27.

164. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц: доклады 6-й Международной конференции: в 2 томах / отв. ред. Е. И. Диброва. Москва: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 1. С. 47–51.

165. *Кудрявцева Л. А.* Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. Киев: Изд-во Киев. ун-та им. Т. Шевченко, 1993. 280 с.

166. *Кудряшова Е. В.* Роль предпосылочных знаний субъекта в коммуникативном процессе философского сообщества / Е. В. Кудряшова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7. С. 172–177.

167. *Кузнецов А. М.* Этносемантический компонент лексикографической дефиниции: Врут ли словари? / А. М. Кузнецов // Этническое и языковое самосознание: материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.) / [редкол.: В. П. Нерознак (отв. ред.) и др.]. Москва: ФИАИ-фонд, 1995. С. 84–87.

168. *Куренкова Т. Н.* Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т. Н. Куренкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 4. С. 173–178.

169. *Куркина Л. В.* Заметки по этимологии диалектных слов (на материале «Словаря русских говоров Среднего Урала») / Л. В. Куркина // Этимологические исследования: Материалы 1–2-го научных совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 6. С. 27–30.

170. *Кушкова А. Н.* Посрамление за воровство в системе обычно-правового судопроизводства российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. / А. Н. Кушкова // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.

171. *Лаврентьева Л. С.* Соль в обрядах и верованиях восточных славян / Л. С. Лаврентьева // Сборник Музея антропологии и этнографии / МайЭ. Санкт-Петербург, 1992. Т. 45. С. 44–55.

172. *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: сборник статей: перевод с английского и немецкого / под ред. В. В. Петрова. Москва: Прогресс, 1996. С. 143–185.

173. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем: перевод с английского / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

174. *Ларина Т. В.* Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах / Т. В. Ларина, В. И. Озюменко, Е. Б. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2011. № 2. С. 28–37.

175. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография / Т. В. Леонтьева; под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 280 с.

176. *Лукашкова О. Ю.* Концепт ДРУГ в русском языке / О. Ю. Лукашкова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 136–139.

177. *Лукьянова Н. А.* Лексико-семантическая группа «человек ленивый» в диалектной системе: опыт семантического анализа / Н. А. Лукьянова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении: сборник статей. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 58–79.

178. *Лутовинова И. С.* Слово о пище русской: художественная литература / И. С. Лутовинова. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Авалон: Азбука-классика, 2005. 288 с.

179. *Лысякова М. В.* Лексико-семантические парадигмы: лингвистический статус, критерии разграничения / М. В. Лысякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2005. № 7. С. 5–12.

180. *Макеева Н. С.* Концепт и его «ближайшие семантические соседи»: к проблеме соотношения новых и традиционных лингвистических понятий / Н. С. Макеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 1–2. С. 108–113.

181. *Макеева И. И.* Языковые концепты в истории русского языка / И. И. Макеева // Язык о языке: сборник статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 63–155.

182. *Макович Г. В. Мечта* в русском языке и в русском сознании / Г. В. Макович // *Язык. Система. Личность: сборник статей*. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2000. С. 96–99.

183. *Макридина М. А. Коннотативный спектр лексики семантического поля «Праздность»* в русском языке / М. А. Макридина // *Язык. Система. Личность: сборник статей*. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2000. С. 99–107.

184. *Макушина А. А. Функционирование глаголов социальных отношений* в древнерусском деловом тексте / А. А. Макушина // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2010. № 4-2. С. 615–617.

185. *Маркевич Ю. В. Концепт «Совесь»* в русской лингвокультуре (на материале паремиологии) / Ю. В. Маркевич // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2009. № 2. С. 27–30.

186. *Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие* / В. А. Маслова. Москва: Академия, 2001. 208 с.

187. *Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений* / В. А. Маслова. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

188. *Меркулова В. А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов* / В. А. Меркулова // *Этимология 1971*. Москва: Наука, 1973. С. 183–185.

189. *Михеев М. Ю. Отражение слова «душа»* в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) / М. Ю. Михеев // *Фразеология в контексте культуры: сборник статей* / под ред. В. Н. Телия. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 145–159.

190. *Михеева Л. Н. Время* в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: диссертация ... доктора филологических наук / Л. Н. Михеева. Москва, 2004. 311 с.

191. *Морева А. В. О признаковой структуре концепта «Честь»* в средневековой картине мира / А. В. Морева, Е. А. Громова // *Язык и культура*. 2008. № 2. С. 25–32.

192. *Морковкин В. В. Антропоцентрический versus. Лингвоцентрический подход к лексикографированию* / В. В. Морковкин // На-

циональная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сборник статей. Москва: Наука, 1988. С. 131–136.

193. *Морозов А. В.* Деривационная системность лексики современного русского языка в межъязыковом аспекте / А. В. Морозов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. 170 с.

194. *Морозов И. А.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. Москва: Индрик, 2004. 920 с.

195. *Морозова Е. Б.* Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость – хозяин» / Е. Б. Морозова // Агрессия в языке и речи: сборник научных статей / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. Москва: Изд-во РГГУ, 2004. С. 67–80.

196. *Мурзин Л. Н.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах / Л. Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры: сборник статей. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 7–13.

197. *Мурзин Л. Н.* Основы дериватологии / Л. Н. Мурзин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.

198. *Набирухина А. В.* Структура лексико-семантического поля pleasure в современном английском языке / А. В. Набирухина // Вестник Ленинградского государственного университета. 1990. Вып. 1 (№ 2). С. 69–73.

199. *Нагибина Е. В.* Концепт СЛАВА в русском языке: Лингвокультурологический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / Е. В. Нагибина. Новосибирск, 2002. 163 с.

200. *Наумов В. Г.* Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / В. Г. Наумов. Томск, 1985. 17 с.

201. *Небжеговска-Бартминьская С.* Взяли мы сокола, а принесли ангела: О крестильных обрядах и поверьях в Люблинской области / С. Небжеговска-Бартминьская // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 295–309.

202. *Невская Л. Г.* Концепт ГОСТЬ в контексте переходных обрядов / Л. Г. Невская // Из работ московского семиотического круга. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 442–452.

203. *Никитина С. Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.19 / С. Е. Никитина. Москва, 1999. 54 с.

204. *Никитина С. Е.* О жизни человека и людей в устной народной поэзии / С. Е. Никитина // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей (в честь члена-корреспондента РАН Н. Д. Арутюновой) / под ред. Ю. Д. Апресяна [и др.]. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 620–631.

205. *Никитина С. Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект): монография / С. Е. Никитина; Ин-т языкознания РАН. Москва, 2009. 354 с.

206. *Никулина Т. Е.* Мировосприятие русского народа и его отражение в лексике по теме «Воспитание и образование» / Т. Е. Никулина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 250–255.

207. *Новиков Ф. Н.* Кумулятивная функция цветообозначения как элемента культурного кода / Ф. Н. Новиков // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 67–72.

208. *Новикова Е. А.* Структура и интерпретация поля локальности в современном русском языке / Е. А. Новикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 16–20.

209. *Носенко Е. А.* Семантическое поле эмоционального отношения в испанском и русском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Е. А. Носенко. Москва, 2005. 235 с.

210. *Обвинцева Н. В.* Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Н. В. Обвинцева. Челябинск, 2010. 193 с.

211. *Ольшанский И. Г.* Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты / И. Г. Ольшанский // Язык и культура: сборник обзоров. Москва: ИНИОН, 1999. Вып. 2. С. 10–26.

212. *Опарина Е. О.* Исследование метафоры в последней трети XX в. / Е. О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX в.: сборник обзоров. Москва: ИНИОН РАН, 2000. С. 186–204.

213. *Опарина Е. О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия / Е. О. Опарина // *Язык и культура: сборник обзоров.* Москва: ИНИОН, 1999. Вып. 2. С. 27–48.

214. *Осипова М. А.* К этимологии рус. *мормыш, мормышка* / М. А. Осипова // *Этимология.* 1986–1987: сборник статей / отв. ред. О. Н. Трубочев; Ин-т рус. яз. АН СССР. Москва: Наука, 1989. С. 164–171.

215. *Павлов В. М.* Полевые структуры в строе языка / В. М. Павлов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 1996. 116 с.

216. *Падучева Е. В.* К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е. В. Падучева // *Вопросы языкознания.* 2001. № 4. С. 23–33.

217. *Падучева Е. В.* Пространство в облиции времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // *Логический анализ языка. Языки пространств: сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина.* Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 239–254.

218. *Панкина М. Ф.* Формирование семантических структур в лексической системе языка / М. Ф. Панкина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 182 с.

219. *Панова М. В.* Наименования одежды в русских говорах Воронежской области: Этнолингвистический и ареальный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук / М. В. Панова. Воронеж, 2002. 296 с.

220. *Пелевина Н. Ф.* Теория значения и опыт построения семантического поля: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Ф. Пелевина. Москва, 1972. 16 с.

221. *Петлева И. П.* Архаические префиксы в русских говорах / И. П. Петлева // *Этимологические исследования: материалы 1–2-го научных совещаний по русской диалектной этимологии,* Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 6. С. 31–38.

222. *Петлева И. П.* Еще раз к вопросу о русских диалектных словах с вставным элементом -то- (//-та//-ту-) / И. П. Петлева // *Этимологические исследования: сборник научных трудов / под ред. Е. Л. Березович.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 8. С. 32–37.

223. *Петрова А. А.* Асимметрия в системной организации лексико-семантического поля / А. А. Петрова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 519, т. 1. С. 36–44.

224. *Плотникова А. М.* Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 226 с.

225. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сборник статей. Москва: Наука, 1988. С. 9–47.

226. *Потебня А. А.* Слово и миф: из истории отечественной философской мысли / А. А. Потебня; сост. А. Л. Топоркова. Москва: Правда, 1989. 624 с.

227. *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: способ представления / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.

228. *Приходько Г. В.* Репрезентация концептосферы дружба в толковых словарях XX–XXI вв. / Г. В. Приходько // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. 8, № 2. С. 21–28.

229. *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / К. В. Пьянкова. Екатеринбург, 2008. 251 с.

230. *Радченко О. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

231. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. Москва: Русские словари, 2000. 416 с.

232. *Ревзина О. Г.* О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей: [к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой]. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. С. 436–446.

233. *Резанова З. И.* Функциональный аспект словообразования: русское производное имя / З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.

234. *Резанова З. И.* Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем / З. И. Резанова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов докладов 4-х духовно-исторических чтений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 69–74.

235. *Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 10 (2). С. 159–189.

236. *Рождественский Ю. В.* Общая филология / Ю. В. Рождественский; Фонд «Новое тысячелетие». Москва, 1996. 326 с.

237. *Ромм М. В.* Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М. В. Ромм. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма РАН, 2002. 275 с.

238. *Рубцов И. Н.* Семантические поля как способ реализации языковых картин мира / И. Н. Рубцов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 231–236.

239. *Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 192 с.

240. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1992. 144 с.

241. *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский; Ин-т языкознания РАН. Дубна, 1999. С. 119–137.

242. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

243. *Савченко В. А.* Концепт БОРОДА в русских и немецких паремиях / В. А. Савченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 44–49.

244. *Сандомирская И.* Идиома и культура: в поисках общего основания / И. Сандомирская // Etnolingwistyka (problemy języka i kultury). Lublin, 1996. С. 9–22.

245. *Санников А. В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Санников. Москва, 2006. 170 с.

246. *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст / И. А. Седакова. Москва: Индрик, 2007. 430 с.

247. *Семененко Н. Н.* Роль когнитивной метафоры в организации внутренней формы паремий / Н. Н. Семененко // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 109–114.

248. *Семенова А. В.* Идеографическая классификация кашубской фразеологии и языковая картина мира кашубов: диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Семенова. Москва, 2006. 439 с.

249. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; под ред. проф. А. Е. Кибрика. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.

250. *Симашко Т. В.* Денотативный класс как основа описания фрагмента мира / Т. В. Симашко; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Северодв. гуманит. ин-т. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1998. 337 с.

251. *Смирнова М. Г.* Правовой обычай в системе источников российского права / М. Г. Смирнова // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 34–54.

252. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество: перевод с английского / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.

253. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

254. *Стернин И. А.* Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. Москва: Институт языкознания РАН, 1998. С. 55–67.

255. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

256. *Сукаленко Н. И.* Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Н. И. Сукаленко. Киев, 1991. 40 с.

257. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1996. 61 с.

258. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры: сборник статей / отв. ред. В. Н. Телия. Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Москва: Языки русской культуры: Кошелев, 1999. С. 13–24.

259. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

260. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: сборник статей. Москва: Наука, 1991. С. 5–66.

261. *Теория метафоры*: сборник: перевод с английского, французского, немецкого, испанского, польского языков / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. 512 с.

262. *Терина С. В.* Древнерусский концепт ЧЕСТЬ и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: диссертация ... кандидата филологических наук / С. В. Терина. Тольятти, 2007. 195 с.

263. *Тернопол Т. В.* Славянская демонология: кто в доме хозяин, или An englishman's home is his castle / Т. В. Тернопол // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 137–143.

264. *Толстая С. М.* Бренное тело, или Из чего сотворен человек / С. М. Толстая // Јужнословенски филолог. Књ 57/3–4. Посвећено Павлу Ивићу. Београд: [б. и.], 2000. С. 1191–1199.

265. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуловича Байбурина. Studia Ethnologica AB 60. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 23–31.

266. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

267. *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2008. 528 с.

268. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. Москва: URSS, 2010. 368 с.

269. *Толстая С. М.* Этнолингвистика: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] / С. М. Толстая. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html>.

270. *Толстой Н. И.* О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2009. Т. 1–4. Т. 1. 1995. С. 5–14.

271. *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования) / Н. И. Толстой. Москва: Индрик, 2003. 624 с.

272. *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. Москва: Слово, 1969. 279 с.

273. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. Москва: Индрик, 1995. 513 с.

274. *Толчина Н. Ю.* Репрезентация концепта ДРУЖБА в разговорной речи (на материале русского и испанского языков) / Н. Ю. Толчина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2010. № 2. С. 160–163.

275. *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен: (элемент MIR) / В. Н. Топоров // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: 11-й Международный съезд славистов, Братислава, 1993 г.: доклады российской делегации. Москва: Наука, 1993. С. 3–118.

276. *Традиционные* и современные модели гостеприимства: материалы российско-французской конференции, Москва, РГГУ, 7–8 октября 2002 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т [и др.]. Москва: Изд-во РГГУ, 2004. 262 с.

277. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 220 с.

278. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования / О. Н. Трубачев; отв. ред. Н. И. Толстой. 2-е изд., доп. Москва: Наука, 2002. 489 с.

279. *Турилова М. В.* Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук / М. В. Турилова. Москва, 2010. 309 с.

280. *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование / Е. С. Узенева. Москва: Индрик, 2010. 280 с.

281. *Урбанович Г. И.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля «Судьба, счастье, удача» в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук / Г. И. Урбанович. Москва, 2007. 223 с.

282. *Урбанович Г. И.* Мотивационные модели и диахронический аспект изучения русской языковой картины мира (лексико-семантическое поле «Судьба, счастье, удача») / Г. И. Урбанович // Русский язык в научном освещении. 2005. № 10 (2). С. 190–205.

283. *Урысон Е. В.* Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

284. *Усачева В. В.* Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачева; Ин-т славяноведения РАН. Москва, 2008. 368 с.

285. *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. Вып. 11 / ред. А. И. Михайлов. Москва: ВИНТИ, 1979. С. 142–148.

286. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. Москва: Наука, 1968. 271 с.

287. *Уфимцева А. А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва: Наука, 1961. С. 30–63.

288. *Уфимцева Н. В.* Образы обыденного сознания современных русских / Н. В. Уфимцева // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы международной конференции, Москва, 22–25 октября 1996 г. / отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. Москва: Наука, 1996. С. 402–406.

289. *Уфимцева Н. В.* Русские глазами русских / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сборник статей / Ин-т рус. яз. РАН. Москва, 1995. С. 242–250.

290. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева; Институт языкознания РАН. Москва, 1998. С. 135–170.

291. Федяева Н. Д. Норма в кругу семантических категорий русского языка / Н. Д. Федяева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 2. С. 240–246.

292. Федяева Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореферат диссертации... доктора филологических наук: 10.02.01 / Н. Д. Федяева. Барнаул, 2010. 33 с.

293. Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: автореферат диссертации... кандидата филологических наук / А. Б. Феоктистова; Моск. гос. открытый пед. ун-т. Москва, 1996. 17 с.

294. Филлин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филлин // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София: Бълг. акад. на науките, 1957. С. 523–538.

295. Филиппенко Е. А. Образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде разных языков / Е. А. Филиппенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика» 2005. № 11. С. 61–66.

296. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52–67.

297. Фролова О. Е. Пословица и ее отношение к действительности / О. Е. Фролова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2005. № 4. С. 125–132.

298. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сборник обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин. Москва: ИНИОН РАН, 1992. С. 28–44.

299. Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний: сборник статей. Москва: ИНИОН РАН, 1992. С. 98–123.

300. Хелемендик А. В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «ругать (-ся)» в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Хелемендик. Москва, 2007. 206 с.

301. *Хохлина М. Л.* Фразеологическая репрезентация представлений о «своем» и «чужом» средствами мифологического культурного кода / М. Л. Хохлина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 1. С. 86–91.

302. *Цапенко С. А.* Особенности концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / С. А. Цапенко. Архангельск, 2005. 27 с.

303. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 320 с.

304. *Чеха О. В.* Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: луна и лунное время: этнолингвистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Чеха. Москва, 2009. 195 с.

305. *Чигашева М. А.* Исследование терминологической лексики методом семантического поля / М. А. Чигашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2004. № 6. С. 80–86.

306. *Чирич И. В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук / И. В. Чирич. Москва, 2004. 144 с.

307. *Чудинов А. П.* Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) / А. П. Чудинов // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества / отв. ред. В. И. Томашпольский, А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. С. 38–53.

308. *Шабалина Е. В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук / Е. В. Шабалина. Екатеринбург, 2011. 179 с.

309. *Шаманова М. В.* Групповая специфика концептуализации общения русским языковым сознанием / М. В. Шаманова // Вестник университета. 2009. Т. 1, № 1 (23). С. 85–92.

310. *Шаманова М. В.* Когнитивная интерпретация результатов психолингвистического описания лексемы «общение» в русском языке

ке / М. В. Шаманова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2005. № 2. С. 133–139.

311. *Шаманова М. В.* Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / М. В. Шаманова. Воронеж, 2009. 534 с.

312. *Шаманова М. В.* Построение лексико-фразеологического поля как средство доступа к содержанию когнитивной категории / М. В. Шаманова // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 12. С. 209–215.

313. *Шарифуллин Б. Я.* Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири / Б. Я. Шарифуллин. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1994. 196 с.

314. *Шацкая М. Ф.* Обычай – обыкновение – международное право / М. Ф. Шацкая // Русская речь. 2006. № 4. С. 86–89.

315. *Шеина И. М.* Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И. М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2010. № 2. С. 69–72.

316. *Шенделева Е. А.* Полевая организация образной лексики и фразеологии / Е. А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры: сборник статей. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 74–79.

317. *Шкуропацкая М. Г.* Деривационное измерение лексики: системный аспект / М. Г. Шкуропацкая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 388 с.

318. *Шмелев А. Д.* «Русская ментальность» в зеркале лексических данных / А. Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание: материалы конференции, Москва, 13–15 декабря 1995 г. / редкол.: В. П. Нерозник (отв. ред.) [и др.]. Москва: ФИАН-фонд, 1995. С. 168–170.

319. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

320. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

321. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / А. Д. Шмелев. Москва: Наука, 1973. 280 с.

322. *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 134 с.

323. *Штукарева Е. Б.* О соотношении терминов *лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа – тематическая группа* в лингвистической литературе / Е. Б. Штукарева // Вопросы филологических наук. 2009. № 4. С. 90–93.

324. *Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. Москва: Наука, 1974. 254 с.

325. *Юрина Е. А.* Ассоциативно-образные характеристики человека (на материале морфологически мотивированных существительных, прилагательных и глаголов) / Е. А. Юрина // Культура. Отечество: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов докладов 4-х духовно-исторических чтений. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1995. С. 91–100.

326. *Якушкина Е. И.* Оппозиции прямой – кривой и прямой – обратный и их культурные коннотации / Е. И. Якушкина // Признаковое пространство культуры: сборник статей / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2002. С. 163–183.

327. *Якушкина Е. И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.03 / Е. И. Якушкина. Москва, 2003. 175 с.

328. *Якушкина Е. И.* Традиционная философия греха в свете южнославянских диалектных данных (опыт семантической реконструкции) / Е. И. Якушкина // Славянский вестник. Москва: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 432–440.

Сокращенные и условные обозначения словарей и их источников

АОС – Архангельский областной словарь (под ред. О. Г. Гецово-вой. Москва: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2010. Вып. 1–13).

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области [Акчимский словарь] (Пермь: Тип. Перм. ун-та, 1984–2011. Вып. 1–6).

АТЛ – Архив Т. В. Леонтьевой (записи, осуществленные в 2009 г.).

БРР – Българско-руски речник (авт. Алберт Кошелев. София: Наука и изкуство, 2003. 840 с.).

БРС – Болгарско-русский словарь (сост. С. Б. Бернштейн. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1953. 888 с.).

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.).

Гринченко – Словарь украинского языка: в 4 томах (сост. Б. Д. Гринченко. Київ: Друкарня видавництва АН УРСР, 1958–1959. Репр. с изд.: Київ, 1907–1909. Т. 1–4).

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах (Москва: Русский язык, 1981–1982. Репр. с изд.: Москва, 1880–1882. Т. 1–4).

Деул. сл. – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) [Деулинский словарь] (под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: Наука, 1969. 612 с.).

Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении [рукопись] Вологда, 1902. (Ин-т рус. яз. АН СССР).

ДО – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1858. 328 с.).

Дьяченко – Полный церковно-славянскій словарь со внесениемъ въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выражений (сост. протоиерей Г. Дьяченко. Москва: Тип. Вильде, 1900. XXXVIII, 1120 с.).

ЕСУМ – Етимологичний словник української мови: у 7 томах (голов. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2006. Т. 1–5).

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / (Москва: Дрофа: Русский язык, 2000. 1233 с.).

Жолковский, Мельчук – Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики (Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 993 с.).

Заб. сл. – Забытые слова ([Электронный ресурс] // Сайт Южно-Уральской ассоциации генеалогов-любителей. Режим доступа: <http://uralgenealogy.ru/content/view/269/125/>).

Зимин – Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений (Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 736 с.).

Иллюстров – Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок (Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. XIII, [2]. 480 с.).

КА – Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции Российского государственного гуманитарного университета.

Коринфский – Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа [Электронный ресурс] / А. А. Коринфский. Изд. книгопродавца М. В. КЛЮКИНА. Москва: Моховая, домъ Бенкендорфъ, 1901. Смоленск: Русич, 1995. 656 с. Режим доступа: <http://booksite.ru/fulltext/kor/inp/hsky/42.htm>).

Коркин – Коркин П. В. По-вятски: Словарь диалектизмов. Слова, употреблявшиеся в речи жителей деревни Редькино и малой ее округи ([Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovar>).

Котельников – Котельников Г. А. Диалекты вятского народа. Конец XIX и первая половина XX в. ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyatdialekt.html>).

КРС – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь (Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 812 с.).

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).

КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Куликовский – Куликовский Г. И. Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1898. 151 с.).

ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).

Малеча – Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков (Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003. Т. 1–4).

Михельсон – Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) (Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1896. 598 с.).

МСДГВО – Материалы «Словаря донских говоров Волгоградской области»: архив (Волгоград).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>).

Новичкова – Русский демонологический словарь (авт.-сост. Т. А. Новичкова. Санкт-Петербург: Петербург. писатель, 1995. 640 с.).

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.

НОС – Новгородский областной словарь (отв. ред. В. П. Строгова. Новгород: Изд-во Новгор. гос. пед. ин-та, 1992–2000. Вып. 1–13).

Носович – Носович И. И. Словарь белорусского наречия (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1870. Т. 1–2.).

Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (4-е изд. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.).

Опыт – Опыт областного великорусского словаря (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1852. 275 с.).

Опыт СГКО – Опыт словаря говоров Калининской области (авт. Т. В. Кириллова и др.; под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин: [Б. и.], 1972).

Пащенко – Пащенко В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области: в 5 частях. (Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999–2004).

Пискунов – Словарь живаго народнаго, письменнаго и актаваго языка русских южанъ Россійской и Австро-Венгерской Имперіи (сост. Ф. Пискунов. Изд. 2-е, испр. Кіевъ: Тип. Е. Я. Федорова, 1882. 310 с.).

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельскаго наречія в его бытовом и этнографическом применении (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1885. 198 с.).

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными (Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967–2008. Вып. 1–20).

Преображенский – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 томах (Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1959. Т. 1–2).

ПРС – Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.: в 2 томах (изд. 2-е, без перемен. Санкт-Петербург, Москва: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. Т. 1–2.).

СВГ – Словарь вологодских говоров (Вологда: Русь, 1983–2007. Вып. 1–12).

СГРС – Словарь говоров Русского Севера (под ред А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–2009. Т. 1–4).

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах (под ред. Н. И. Толстого. Москва: Междунар. отношения, 1995–2009. Т. 1–4).

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области (авт.-сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–2007. Вып. 1–3).

Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь (под ред. А. С. Герда. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003–2010. Вып. 1–4).

Сердюкова – Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев (Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 320 с.).

СлРЯ – Словарь русского языка: в 4 томах (под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4).

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. (Москва: Наука, 1975–2008. Т. 1–28).

СМА – Елистратов В. С. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. (Москва: Русские словари, 1994. 700 с.).

Смирнов – Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления: настольный справочник (сост. В. Смирнов. Москва: Торг. дом Е. Коновалова и К°, 1908. 800 с.).

СНГЗБ – Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров (ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.).

Снегирев – Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи (изд. подгот. И. А. Костюхин. Москва: Индрик, 1999. 624 с.).

СОВН – Словарь областного вологодского наречия: [по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г.] (Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. XV, 677 с.).

СОГ – Словарь орловских говоров (под ред. Т. В. Бахваловой. Ярославль; Орел, 1989–2007. Вып. 1–15).

Сомов – Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов (Москва: ВЛАДОС, 1996. 764 с.).

СОС – Смоленский областной словарь (сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. 1016 с.).

СПГ – Словарь пермских говоров (под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1, 2).

СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча (Мінск, 1978–1986. Т. 1–5).

СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок (сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 176 с.).

СРГА – Словарь русских говоров Алтая: в 4 томах (Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993–1998. Т. 1–4).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 выпусках (гл. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6).

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа (авт.-сост. Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных; науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.).

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 томах (под ред. Л. А. Ивашко. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003–2005. Т. 1–2).

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области (под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 605 с.).

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины: в 2 томах (авт. Ю. А. Карпенко [и др.]; отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. Одесса: Астропринт, 2000–2001. Т. 1–2).

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 томах (под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 1–5).

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 томах (Свердловск: Ср.-урал. кн. изд-во: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7).

СРГСУ/Д – Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения (под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.).

СРДГ – Словарь русских донских говоров: в 3 томах (авт.-сост. З. В. Валюсинская [и др.]. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1975–1976. Т. 1–3).

Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 томах (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1893–1912. Т. 1–3).

СРНГ – Словарь русских народных говоров (под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2011. Вып. 1–44).

СРФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. (Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. 704 с.).

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. (Москва: Наука, 1975–2008. Т. 1–28).

ССГ – Словарь смоленских говоров (под ред. А. И. Ивановой. Смоленск: Смолгортип. Упр. изд-в, полиграфии и кн. торговли Смол-облисполкома, 1974–2005. Вып. 1–11).

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах (Москва: Наука; Ленинград: Изд-во АН ССР, 1948–1965. Т. 1–17).

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка: в 2 томах (под ред. А. П. Евгеньевой; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Москва: Астрель: АСТ, 2003. Т. 1: А–Н. 680 с.; Т. 2: О–Я. 856 с.).

ССХЧ – Воробьев Б. Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд» (Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах) (Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. 75 с.).

СТГ – Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) (сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. 278 с.).

СХРС – Сербско-хорватско-русский словарь (авт. И. И. Толстой. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 1169 с.).

СЦсРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 томах (Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1847. Т. 1–4).

Токмаков – Токмаков Н. М. Словарь лальского наречия ([Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.samodelkin.komi.ru/doc/lala.html>).

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области (под ред. Т. В. Кирилловой. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002–2006. Т. 1–5).

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 томах (под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 1–4).

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах (пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4).

ФСПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров (Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.).

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 томах (сост. Н. А. Ставшина; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед., Коми гос. пед. ин-т. Санкт-Петербург: Наука, 2008. Т. 1–2).

ФСРГРК – Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми (Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 2004. 312 с.).

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири (под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 232 с.).

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: [13560 слов]: в 2 томах (3-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1999. Т. 1–2).

ЧПИ – Алексеенко М. А., Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи: словарь (Москва: Элпис, 2007. 520 с.).

ЧРДФ – Алексеенко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь (Москва: ИТИ технологии, 2004. 238 с.).

Шахтарин – Шахтарин Н. Слова и выражения: записи со слов матери: Арбажский район Кировской области ([Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovar>).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд (отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. Москва: Наука, 1974–2009. Вып. 1–35).

ЯОС – Ярославский областной словарь (Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10).

ККС – Karjalan kielen sanakirja (toim. P. Virtaranta. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005. Т. 1–5. (Lexica societatis fenno-ugriae)).

Научное издание

Леонтьева Татьяна Валерьевна

ЛЕКСИКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Монография

Редакторы Т. А. Кузьминых, Н. М. Юркова
Компьютерная верстка О. Н. Казанцевой

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 12.12.13. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов. Печать плоская. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 500 экз. Заказ № _____.

Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
